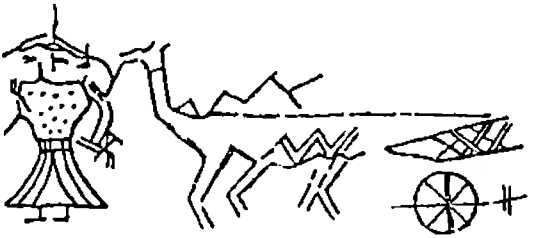
С.А.Плетнёва

САРКЕЛ

И «ШЕЛКОВЫЙ» ПУТЬ



Издательство
Воронежского
государственного
университета
1996

ББК 63.4
П 38

Работа выполнена и обсуждена в группе средневековой археологии евразийских степей Института археологии Российской Академии наук

Ответственный редактор — д-р ист. наук, проф. *А. Э. Виноградов*

Рецензенты:

д-р ист. наук *Т. И. Макарова*, д-р ист. наук *И. П. Русанова*

Плетнева С. А.
П 38 Саркел и "шелковый путь". — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. — 168 с.

ISBN 5-7455-0912-0

Книга посвящена средневековому памятнику — хазарской крепости Саркел, переросшей в степной город с многоэтничным населением и синкретичной культурой. Исследуется нижний слой Левобережного Цимлянского городища с остатками кирпичных крепостных сооружений, жилых и хозяйственных построек, производственных и ритуальных комплексов. На основе изучения археологических данных и сведений письменных источников выявлены широкие торговые связи Саркела, в котором скрещивались сухопутные караванные дороги, связанные с знаменитым "шелковым путем".

Для историков, археологов, а также для всех интересующихся историей России

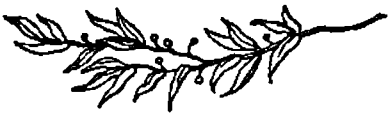
ББК 63.4

П $\frac{0504000000 - 032}{М174(03)\ 96}$ без объявл.

ISBN 5-7455-0912-0

© Плетнева С. А., 1996
© Оформление Издательство Воронежского государственного университета, 1996

Посвящается
светлой памяти моего учителя
Михаила Илларионовича Артамонова



Еще в 30-х гг. XX в. М. И. Артамонов начал исследования на Левобережном Цимлянском городище и затем, сопоставив письменные свидетельства с археологическими материалами, неопровержимо доказал, что городище представляло собой развалины хазарской крепости Саркел и древнерусского городка Белая Вежа. В 1949—1951 гг. он продолжил работы на городище, раскопав более трети всей его площади. Полученные материалы стали существенным вкладом в золотой фонд отечественной археологии. Появилась возможность изучения единственного достоверно принадлежавшего хазарам памятника — крепости Саркел, постепенно переросшей, после завоевания ее Святославом в 965 г., в небольшой степной город с многоэтничным населением и синкретичной культурой.

Изучение ценнейших археологических данных в совокупности со сведениями известных письменных источников позволило сделать выводы и выдвинуть гипотезы об этапах почти полуторастолетней истории крепости Саркел. Достаточно четко определилось значение Саркела в жизни Хазарского каганата, его широкие торговые внутригосударственные связи. Удалось проследить направления важнейших в те столетия (IX—X вв.) торговых путей, проходивших через Саркел и связывавших его с западными ответвлениями "великого шелкового пути".

Введение
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

Немногие средневековые города и тем более крепости, расположенные в Восточной Европе, удостаивались быть упомянутыми в синхронных или более поздних историко-географических сочинениях. О крепости Саркел средневековые авторы писали неоднократно, что является свидетельством значительной ее роли в жизни громадного региона, включавшего не только территорию Хазарского каганата, но и его окружение.

Письменные свидетельства о Саркеле много раз рассматривались или упоминались в трудах историков XIX—XX вв. Как правило, любое упоминание этой крепости начиналось с цитирования или пересказа известного сообщения Константина Багрянородного (X в.) о постройке Саркела, о времени этого строительства, о значении крепости для каганата. Позднейшие византийские авторы (Продолжатель Феофана, Кедрин) с большей или меньшей лаконичностью изложили в своих сочинениях рассказ Константина Багрянородного [см. Артамонов, 1962. С. 298; Dunlop, 1954. С. 164, 194 и сл.; Golden, 1980. С. 239 и сл.].

Сохранились и иные источники, свидетельствовавшие о существовании Саркела, в том числе русская летопись, которые в совокупности дали бесценный материал о хронологии, архитектуре, строительных приемах, организации обороны крепости. Однако вопросы, касающиеся жизни и быта в ней, постепенная трансформация ее в небольшое торговое укрепленное поселение, сведения о развитии ремесел, о религиозных обрядах и в целом о хозяйственно-бытовой деятельности населения, обитавшего в Саркеле, так и остались бы на уровне гипотез или же вовсе не могли бы быть поставленными без каких-либо дополнительных данных и источников.

Таковыми явились археологические материалы, полученные при исследовании расположенного в нижнем течении Дона Левобережного Цимлянского городища, известного археологам с начала XIX в. (рис. 1).

История открытия и первых попыток изучения этого городища в XIX в. достаточно обстоятельно дана в книге М. И. Артамонова "Средневековые поселения на нижнем Дону" [1935. С. 6—24]. Еще в конце 20-х гг. им было начато глубокое и целенаправленное изучение этого памятника, когда он провел обследование "цимлянского гнезда" средневековых поселений. В 1934—1936 гг. М. И. Артамонов заложил раскопы на самом Левобережном Цимлянском городище, вскрыв на нем за три сезона более 800 м^2. Следствием полевых работ явились две его публикации: указанная выше монография в 8 п.л. и статья в "Советской археологии"— 2 п.л. [Артамонов, 1940]. В них обозначены основные направления изучения не только Саркела и его округи, но и всей культуры, к которой принадлежали цимлянские поселения. Эта культура, получившая в археологии название "салтовская" или "салтово-маяцкая", впервые рассмотрена М. И. Артамоновым как единая государственная многоэтничная культура Хазарского каганата [Плетнева, 1990 а].

Вторым не менее важным результатом его работ на городище являлось создание стройной системы доказательств, направленных на отождествление этого городища с Саркелом—Белой Вежей. О тождестве их писал еще в конце XIX в. донской краевед и историк Х. И. Попов [1895], но до его небольшой

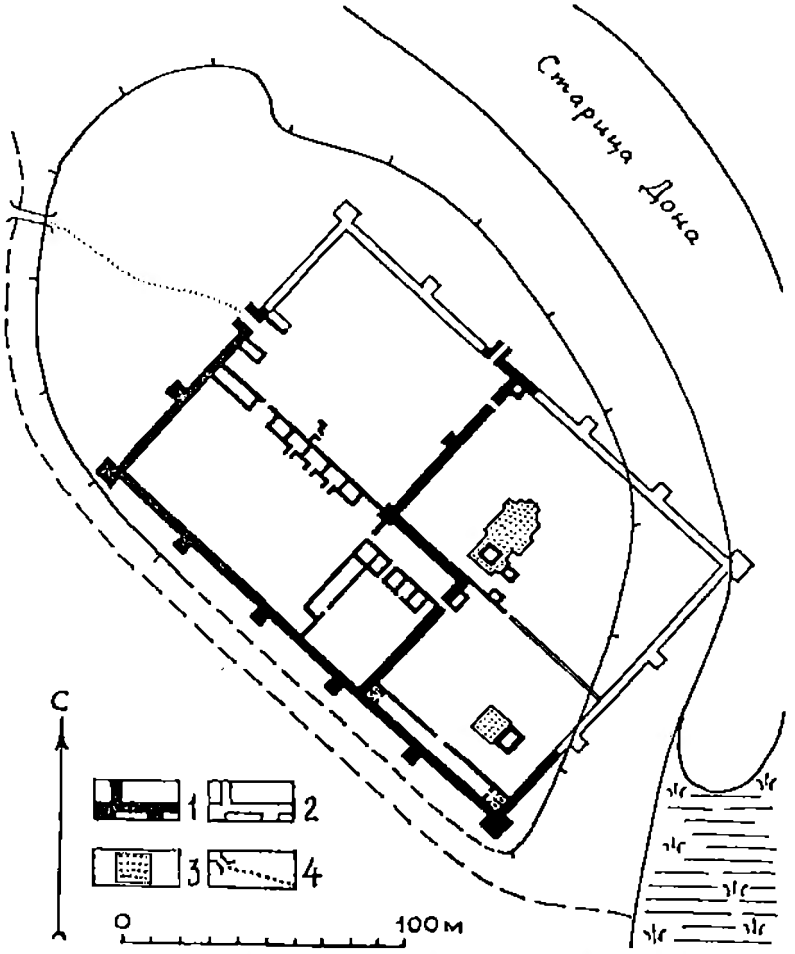


Рис. 1. Крепость Саркел, расположенная на искусственном острове: *1* — остатки кирпичных стен; *2* — нераскопанные части стен; *3* — площадки, замощенные кирпичом; *4* — предполагаемое местонахождение мостика через ров и дороги к Главным воротам

публикации и после нее учеными России и других стран было предложено столько вариантов местонахождения Саркела, что мнение скромного краеведа утонуло в них. М. И. Артамонов, опираясь на полученный в разведках и в раскопках материал, привел в подкрепление гипотезы Х. И. Попова неопровержимые факты, блестяще им обработанные и интерпретированные.

Третьим существенным чисто археологическим достижением работы М. И. Артамонова в те годы было составление первой и весьма удачной классификации всей обнаруженной на поселениях керамики (с широким привлечением керамических материалов с других салтово-маяцких памятников). Выделенные им группы керамики он связал с определенными этническими формированиями, входившими в каганат. При этом он категорически отверг утверждение А. В. Арциховского [1930. С. 37, 38] и некоторых других ученых о принадлежности характерных горшков с линейно-волнистым орнаментом славянам и доказал, что они являются одним из основных признаков сал-

тово-маяцкой культуры и датируются на степных памятниках концом VIII—IX вв. [Артамонов, 1935. С. 58—64].

Что касается собственно Саркела, то уже в те годы М. И. Артамонов утверждал:

1. Крепость была построена из кирпича, хотя и по совету византийца Петроны, но без непосредственного руководства византийских архитекторов. Свидетельство тому — неприемлемость для последних бесфундаментной кладки стен, а также размеры кирпичей, не соответствующие византийским.

2. Целью сооружения крепости была не охрана границ, так как она стояла почти в центре Хазарии, и не охрана водной дороги, поскольку с места строительства Дон просматривался на очень небольшое расстояние и, кроме того, водный путь тогда (в первой половине IX в.) не был еще освоен. Крепость предназначалась для охраны сухопутной дороги, которая шла с юга (из Предкавказья) к донскому броду, хорошо известному и активно функционировавшему еще в XIV в.

3. Крепость была построена на чистом, ранее не заселенном месте.

4. Кирпичные укрепления и мощные земляные валы и ров с проточной водой, превративший территорию, на которой стояла крепость, в довольно большой остров, были сооружены одновременно.

5. В качестве крепости Саркел служил всего несколько десятилетий. Обитателями его тогда были только постоянно сменявшиеся отряды воинов гарнизона числом в 300 человек.

6. Изменение "международной обстановки" — наступление печенегов на хазарские степи привело к притоку населения в хорошо защищенную крепость. Началась ее перестройка, сопровождавшаяся частичным разрушением кирпичных построек внутри ее. На кирпичных развалинах, с предельным использованием недоразобранных стен, были поставлены дома с глиняными полами, камышовыми крышами, турлучными стенами и печами, сложенными из камней и вынутых из кладок кирпичей.

7. В первой половине X в. Саркел был уже городом, о чем свидетельствовали остатки ремесленных мастерских. Это был центр большой округи, поселения которой принадлежали оседлым земледельцам и скотоводам.

8. В 965 г. Саркел был взят князем Святославом Игоревичем. Жизнь в нем, несмотря на разрушения, нанесенные укреплениям завоевателями, не кончилась. Открылась новая страница — полуторастолетняя история древнерусского степного городка Белой Вежи.

9. Начатое в саркельский период разрушение кирпичных построек еще активнее и тотальнее продолжалось в Белой Веже. Фактически к концу ее существования сохранились только отдельные куски внешних, наиболее массивных стен и угловых башен (только нижние их части). Именно их и продолжали крушить местные казаки, используя прекрасный саркельский кирпич для своих нужд. В результате от крепости остался невысокий холм на берегу старицы Дона с поверхностью, изрезанной сильно заплывшими ямами и траншеями, образовавшимися при "раскопках", проводимых на холме казаками. Направления этих траншей-карьеров позволило М. И. Артамонову наметить планировку исчезнувшей крепости.

Итак, казалось бы, все кардинальные для данного памятника вопросы были практически решены уже к концу 30-х гг. на сравнительно небольшом, в значительной степени подъемном материале. Однако некоторых ученых они не убедили. В 1948 г. вышла книга (сборник статей) К. П. Кудряшова, специалиста по исторической географии, в которой на основании анализа всего одного письменного позднего (XIV в.) памятника — "Хождение Пименово в Царьград" и на спорной гипотезе о равномерности отрезков пути, проходимых экспедицией Пимена ежедневно, утверждалось, что Саркел помещался в изгибе

Дона — там, где Дон ближе всего подходит к Волге, т.е. в самом начале переволоки. Никакие доводы и соображения М. И. Артамонова не были приняты в расчет, а факты просто игнорировались [Кудряшов, 1948. С. 9—41].

Археологи не приняли мнение К. П. Кудряшова, так как на указанном им участке берега Дона нет ни одного памятника, относящегося к салтово-маяцкой культуре, который имел бы хоть какие-нибудь признаки, сближающие его с описаниями крепости Саркел, сделанными Константином Багрянородным. Историков же, видимо, не интересовала локализация Саркела: в своих трудах они или не касались этого вопроса, или ссылались на открытие М.И. Артамонова, т.е. признавали правильность сделанного им отождествления.

В те годы (конец 40-х) в нашей стране начались работы на очередной "стройке века" — строительстве Волго-Донского канала. К исследованию будущей трассы канала и дна Цимлянского водохранилища были привлечены и археологи. Руководителем первой большой новостроечной экспедиции был назначен М. И. Артамонов. Экспедиция работала в 1949—1951 гг. и получила название "Волго-Донской".

Основное внимание начальника экспедиции было, естественно, обращено на раскопки Саркела, который должен был уйти под воду — на дно Цимлянского "моря". После окончания работ на городище, в 50-е — начале 60-х гг., вышли из печати три тома Трудов ВДЭ [МИА. 1958. № 62; 1959. № 75; 1963. № 109]. В них были помещены большая (7 п.л.) обобщающая статья М. И. Артамонова о Саркеле—Белой Веже и исследования материалов, полученных при раскопках этого и других памятников Волго-Дона.

Публикация Трудов, а затем и энциклопедической монографии М. И. Артамонова "История хазар" (1962), в которой разнообразные археологические материалы были привлечены очень широко, создала на какое-то время впечатление относительной завершенности хазарской и собственно саркельской тематики. Само собой после всей этой массы опубликованного нового материала исчезла даже необходимость дискутирования с К. П. Кудряшовым, хотя М. И. Артамонов и коснулся в "Истории хазар" этой гипотезы, указав на ее полную несостоятельность [Артамонов, 1962. С. 299].

Несмотря на то, что материалам Левобережного Цимлянского городища (Саркел—Белой Вежи) в опубликованных томах было посвящено не менее трети объема, т.е. примерно 50 п.л., огромное количество данных, полученных при новых раскопках этого памятника, осталось почти или полностью неисследованным и неизданным. Поэтому М. И. Артамонов планировал издание еще двух томов Трудов ВДЭ, посвященных исключительно Саркелу и Белой Веже. К сожалению, в 60-е гг. замечательная серия МИА была упразднена и вместе с тем фактически исчезла возможность дальнейшей публикации, а значит, и необходимой для этого обработки материалов городища. Распался и коллектив ученых, объединенных саркело-беловежской тематикой. Обстоятельства сложились так, что долгое время этим памятником занималась лишь жена М. И. Артамонова, высококвалифицированный археолог — О. А. Артамонова-Полтавцева*. Было очевидно, что дальнейшая работа над этой темой не может быть продолжена без написания Отчета о полевых исследованиях памятника, который не был составлен и сдан своевременно, т.е. в 1952—1953 гг. Полевая документация в виде нескольких десятков дневников, разрозненных чертежей, выполненных в поле архитекторами и худож-

---

* Ею написана прекрасная работа о могильниках Саркела—Белой Вежи, опубликованная в 3-м томе Трудов ВДЭ [МИА. 1963. № 109]. Этот том полностью курировался и был отредактирован ею же.

никами, генплан всех раскопов, зачерченный на уровне материка, рисунки уникальных находок, огромный фотоархив, великолепные полевые описи и, наконец, сами находки, хранившиеся в Государственном Эрмитаже, могли стать фундаментом этого Отчета. Однако тяжелая болезнь О. А. Артамоновой, взявшей на себя этот громадный труд, не позволила работать в полную силу и Отчет остался ненаписанным. После ее смерти все материалы Саркела—Белой Вежи (исключая фотоархив и вещевой материал, принятые на хранение ГЭ) были переданы М. И. Артамоновым автору этой книги в 1973 г. с условием составления по ним Отчетов о раскопках Саркела—Белой Вежи в 1950 и 1951 гг. и частично — Отчета 1949 г. (дополнения к составленному А. Л. Якобсоном).

Это труднейшее дело, выполняемое мной только "в свободное от работы время", заняло 20 лет жизни. Прежде всего нужно было привести в порядок чертежи, многие из которых буквально рассыпались в руках, а также разобраться в дневниковых записях. В 1993 г., несмотря на все затруднения, написание Отчетов было закончено (более 20 п.л.), а Отчет за 1949 г. основательно доработан и снабжен необходимыми чертежами. Отчеты 1950 и 1951 гг. также были сопровождены чертежами, зарисовками, рисунками вещей и пр. Вполне реально стало продолжение работ с саркельскими и беловежскими материалами.

Следует сказать и о том огромном вкладе, который внесли в изучение этого направления археологии другие ученики М. И. Артамонова — И. И. Ляпушкин, А. Л. Якобсон. Их фундаментальные работы по салтово-маяцкой и крымской археологии по сей день занимают почетное место в истории хазароведения. Однако работ, конкретно посвященных Саркелу, у них не было.

Археологическим изучением материалов Саркела—Белой Вежи занимались ученые более молодого поколения. Их труды опубликованы во 2-м томе Трудов ВДЭ [МИА. 1959. № 75]. При написании данной работы я в соответствующих разделах пользуюсь их наблюдениями и выводами, на которые постоянно ссылаюсь и опираюсь. Только в редких случаях мне пришлось не согласиться с тем или иным автором по отдельным частным вопросам.

Настоящая книга посвящена описанию и интерпретации не всех материалов из раскопок Левобережного Цимлянского городища (Саркела и Белой Вежи), а только тех из них, которые можно связать с Саркелом: материалы нижних наслоений мощного 3-метрового культурного слоя городища. Толщина этих наслоений нигде не превышала 0,5—0,6 м. Благодаря сохранившимся в письменных источниках сведениям о времени постройки крепости Саркел (30-е гг. IX в.) и о взятии ее князем Святославом в 965 г. эти наслоения, характеризующиеся местами мощной прослойкой пожарища, образовались в период между указанными двумя датами.

Насыщенность саркельского слоя находками очень велика, но это в основном обломки керамики. Так называемые индивидуальные находки, в том числе и монетки, встречались очень редко. Зато состав керамики в слое весьма разнообразен и представителен. Подробная характеристика его была дана в моей статье [Плетнева, 1959], посвященной специально керамике, и в статье В. Д. Белецкого о жилищах [Белецкий, 1959], в которой он рассмотрел лишь некоторые наиболее типичные для слоя группы посуды.

В этой работе вряд ли целесообразно повторять сведения, содержащиеся в давно опубликованной и хорошо известной специалистам статье, в которой даны подробные описания, типология и этнические интерпретации каждой из групп саркельского керамического комплекса. Считаю только необходимым напомнить читателю те определения групп, которыми пользовались мы с В. Д. Белецким (нередко вслед за М. И. Артамоновым), введя их в научный оборот.

Итак, наиболее распространенной группой являются *кухонные хазарские*

горшки. Все они сделаны на гончарном круге из глины с примесью крупного кварцевого песка. Форма их шарообразная (реже — яйцевидная), орнамент сплошной линейный или линейно-волнистый (рис. 2). Эти сосуды известны не только в Саркеле, они распространены на всех степных салтово-маяцких поселениях, полные аналоги им известны на памятниках Дунайской Болгарии, в Крыму, на Тамани [Плетнева, 1967. С. 106—110]. На поселениях вблизи моря в глиняное тесто также примешивался песок, но морской — с большим количеством примеси битой ракушки. Именно эти сосуды приписывались рядом ученых славянам. В Болгарии, в частности, такая традиционная точка зрения утвердилась еще с выхода в свет работы академика К. Мияtева [1948] и продолжает существовать в болгарской археологической науке и поныне [Въжарова, 1958 и др.]. Горшки эти действительно внешне (по орнаментации и отчасти форме) напоминают славянские так называемого "курганного типа". Хазарскими я называю эти сосуды (только в саркельском комплексе) не по этнической принадлежности, а скорее по "хронологически-государственной" принадлежности. Этнически они должны быть определены шире: их изготовляли и ими пользовались в основном праболгары, в значительном количестве вошедшие в состав каганата, а также и на других землях, где

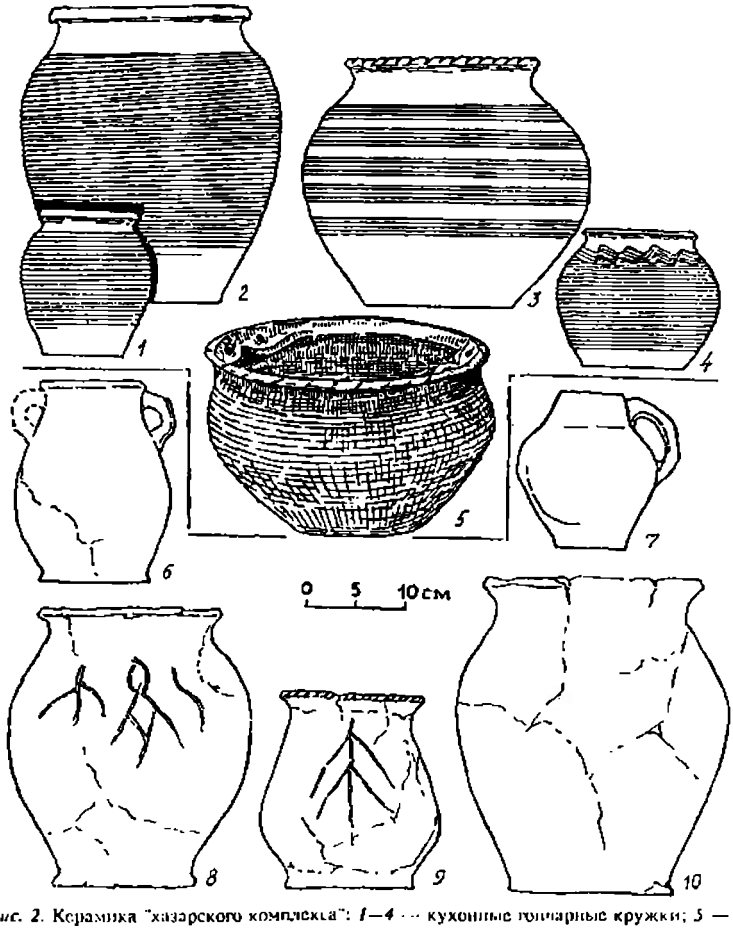


Рис. 2. Керамика "хазарского комплекса": *1—4* — кухонные гончарные кружки; *5* — котел с внутренними ушками; *6—10* — лепная хазарская посуда

они обитали. Очевидно, и хазары пользовались этими сосудами, но поскольку собственно чисто хазарского поселения мы не знаем, то уверенно говорить об этническом определении горшков как хазарских нет никаких оснований.

К этой же группе следует относить и *котлы с внутренними ушками*, изготовленные из глины того же замеса, орнаментированные тем же линейно-волнистым орнаментом (см. рис. 2). Форма их, как и горшков, шаровидная, нередко слегка приплюснутая и с округлым дном. На венчике изнутри, напротив друг друга примазаны массивные выступы, каждый с двумя отверстиями. Наличие обломков этих сосудов является одним из наиболее характерных черт саркельского культурного слоя.

Вторая группа сосудов всегда на всех памятниках сопровождала первую. Эта посуда изготовлена из прекрасно отмученного глиняного теста и отличается хорошим обжигом. Цвет обжига преимущественно серый, хотя почти треть обломков, обнаруженных в Саркеле, желтого или оранжевого цвета. Поверхность большей части сосудов этой группы полностью или частично лощеная, а форма лощеных сосудов необычайно разнообразная: горшки, кубышки, кружки, кувшины (рис. 3). Все они служили столовой посудой, в которой пища подавалась к столу, но никогда не готовилась в ней. Другая часть такой посуды — нелощеная. Это обычно "тарно-производственные" сосуды:

Рис. 3. Столовая посуда "хазарского комплекса": *1—7* — лощеная парадная посуда; *8, 9, 12* сосуды без лощения или с частично лощеной поверхностью; *10* — большой тарный полуплифос-полукувшин; *11* — маслобойка

пифосы и маслобойки, большие корчаги. Уже во время полевых работ обломки нелощеных кувшинов и иных сосудов стали называть "сероглиняной керамикой". Название условно, но оно оказалось емким и необходимым при характеристике керамического комплекса на разных объектах.

Третья группа немногочисленна, состоит из *лепных горшков*, изготовленных из рыхлого (часто с заметной примесью травы) теста. Форма их яйцевидная или приземистая с расширением нижней части (см. рис. 2). Орнамента на них нет, но на тулове иногда прочерчены по сырому тесту одна или несколько тамг. Аналогии сосудам этой группы известны в погребениях Зливкинского могильника и в ряде подкурганных степных захоронений воинов с останками коней, датирующихся концом VII—IX вв. Вероятно, их можно связывать с болгаро-хазарским этносом. В таком случае нахождение их в слое Саркела закономерно.

Подавляющая масса керамических обломков в слое принадлежала *тарной керамике* (рис. 4). Это прежде всего красные высокие стройные кувшины со

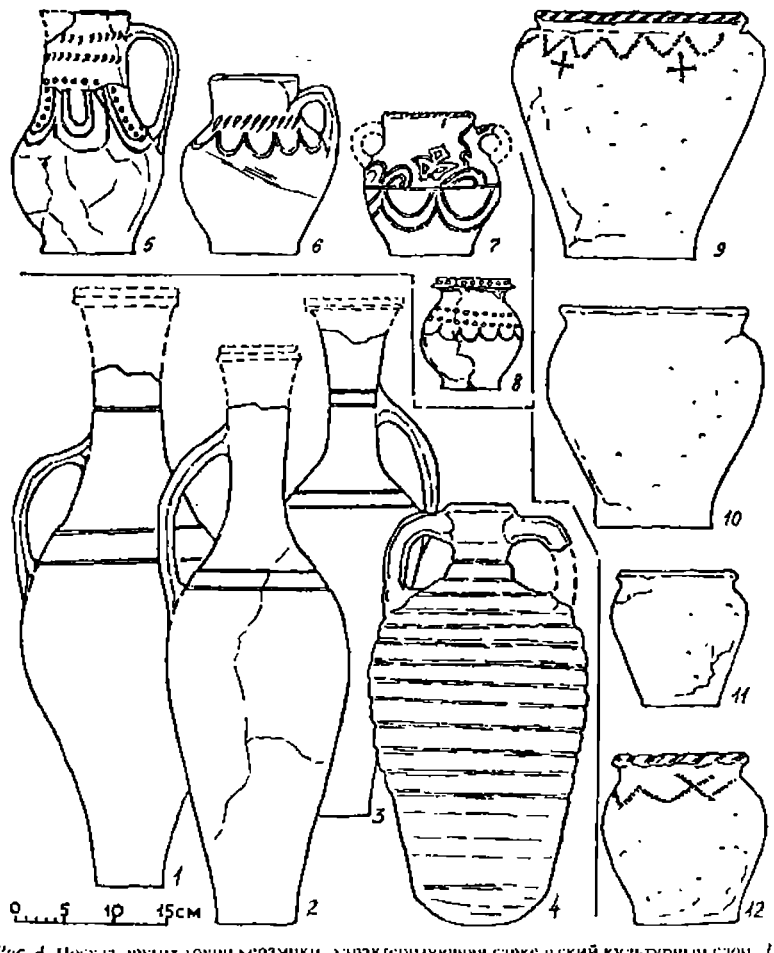


Рис. 4. Посуда других групп керамики, характеризующая саркельский культурный слой. *1–3* — тмутараканские кувшины; *4* — амфора IX в.; *5–8* — "кочевническая" посуда; *9–12* — боршевские горшки

слегка расширяющимися к венчику горлом и плоской (ленточной) ручкой. Сделаны они из песчанистого рыхловатого теста, но благодаря прекрасному обжигу и совершенной форме кувшины довольно крепкие: целых экземпляров в культурном слое этого городища значительно больше, чем сосудов всех остальных групп. И в публикациях, и в полевой документации экспедиции эти сосуды назывались "красноглиняными кувшинами" и "кувшинами с плоскими ручками". Однако следует учитывать, что изготавливать их начали на Боспоре, скорее всего в Таматарке, в конце VIII— начале IX в., а распространение они получили в X — первой половине XI вв. [Плетнева, 1963. С. 54], а потому есть основание называть их "кувшинами тмутараканского типа" или "тмутараканскими кувшинами". Количество их обломков в нижнем слое городища огромно [Плетнева, 1959. С. 266, рис. 45]. Это явно преобладающая форма тарной посуды, так как амфорных обломков в слое в четыре раза меньше, а обломки привозных толстостенных пифосов с массивными венчиками — единичны.

Отметим еще две группы сосудов, обломки которых в большом количестве попадаются в саркельском слое наравне с керамикой, типичной для хазарского комплекса. Однако они никогда или только в исключительных случаях встречались в развалах жилищ хазарского времени и синхронных им хозяйственных ямах. Нет их и на многочисленных открытых в настоящее время поселениях салтово-маяцкой культуры.

Одна из групп — *кочевническая керамика*. Это лепные сосуды различных форм (кувшины, горшочки, кружки и пр.). Их объединяет в одну яркую группу богатая орнаментация: сочетание прочерченных по еще необожженной поверхности гирлянд, кружочков, линий, насечек, защипов, ногтевого орнамента, вмок (см. рис. 4). Аналогии этим сосудам (только в менее развитых вариантах) известны в Средней Азии в памятниках позднего этапа джетысарской культуры [Левина, 1971. С. 76—89, рис. 20—23]. С. П. Толстов именовал их "городами гузов" [Толстов, 1947]. Попадались такие сосуды и в некоторых степных кочевнических погребениях от Казахстана до Приазовья [Трифонов, 1987. Рис. 93; Плетнева, 1958. Рис. 3]. Очевидно, всю группу этих сосудов следует связывать с гузо-печенегами, постепенно проникавшими на жительство в крепость в X в.

Другая группа представлена *лепной славянской керамикой*, причем, по мнению специалистов, не роменского, а боршевского типа, что указывает на тесные связи Саркела и Белой Вежи с донскими, а не с днепровскими славянами (см. рис. 4).

Распределение керамики по глубинам (уровням) позволило создать так называемые "*керамические профили*" [Белецкий, 1959. Рис. 18, 23, 34, 40; Плетнева, 1959. Рис. 45, 47—52], что дало возможность разделить культурный слой городища на три: хазарский (саркельский), древнерусский (беловежский) и половецкий. Сделано это было, очевидно, достаточно убедительно, так как археологи, изучавшие другие категории обнаруженных в слоях вещей, приняли наше деление безоговорочно.

Как уже говорилось, к культурному слою Саркела были отнесены нижние 0,5—0,6 м напластований и заполнения ряда материковых ям. В целом это верные наблюдения, но, как мы увидим ниже, более пристальные исследования толщи саркельского слоя с использованием очевидных фактов перекрытия одних объектов и развалин другими позволили сделать некоторые дополнения к прежним стратиграфическим исследованиям, в частности, выделить в саркельском слое нижние наслоения, относящиеся к IX в., и верхние, относящиеся к первой половине X в.

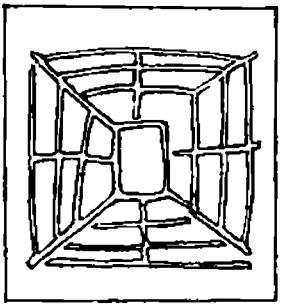
Важным аспектом, не затронутым ранее учеными, является интерпретация (определение назначения) открытых в раскопках остатков кирпичных соору-

жений. Функционально определены были только очевидные комплексы: ворота, цитадель и донжон в ней.

Никогда и никем даже не затрагивались вопросы планировки поселения внутри крепости по хронологическим периодам.

Удивительно мало уделялось внимания остаткам ремесленных производств и еще реже фиксировались в публикациях случаи обнаруженных на городище остатков и следов различных ритуальных действ. Исключение составляют несколько погребальных комплексов и ям с жертвоприношениями, кратко охарактеризованных О. А. Артамоновой [1963. С. 11—24].

Этот перечень основных проблем не исчерпывает, конечно, всех встающих перед исследователем Саркела вопросов. Работа над Отчетом поставила меня перед необходимостью вернуться к материалам этого замечательного памятника и по возможности создать дополнительные источники для изучения не только самого Саркела, но и связанных с его историей проблем, касающихся всего Хазарского каганата.



Глава I
КРЕПОСТЬ САРКЕЛ

Вот что писал о строительстве, местоположении и значении Саркела Константин Багрянородный в середине X в.:

"... От понизовья реки Дунай, против Дистры, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. "Саркел" же означает у них "Белый дом"; он был построен спафарокандидатом Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склонясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с каландиями из царских судов и каландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил каландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек... Так совершилось строительство крепости Саркел. От реки Дунай до вышеназванной крепости Саркел 60 дней пути..." [Константин Багрянородный, 1989. С. 170—173].

Ниже император еще раз связал Саркел с Танаисом (Доном): "...река Танаис, текущая от крепости Саркел..." (с. 175). Кроме того, большое значение имеет упоминание им же "путей", связывавших Саркел с Климатами и Херсоном. Судя по его словам, эти пути были сухопутными и проходили поблизости от земель, заселенных аланами (с. 52—53).

Постройка крепости в чужом государстве по просьбе часто очень враждебного властителя была настолько примечательным событием, что об этом сохранился рассказ в более поздних сочинениях. Так, Продолжатель Феофана, писавший в XI в., сообщает, очевидно пользуясь данными сочинения Константина Багрянородного, следующее:

"...В это время хаган Хазарии и пех отправили к самодержцу Феофилу послов с просьбой отстроить им крепость Саркел (название означает "Белый дом"), ту, что расположена на реке Танаис, разделяющей по одну сторону печенегов, по другую — хазар, и где, поочередно сменяя друг друга, несут службу три сотни хазарских стражников. В ответ на их просьбы и мольбы послал Феофил спафарокандидата Петрону, сына Каматира, с царскими хеландиями и катепаном Пафлагонии и приказал выполнить просьбу хазар. Приплыв в Херсон, Петрона причалил к берегу и оставил там длинные суда, посадил войско в круглые, переправил его к Танаису, к тому месту, где нужно было сооружать город. Поскольку не было там камней, он выжег в печах из мелких речных ракушек известь, глину обжег, изготовил кирпичи и славно, хотя и с многими трудами, благодаря множеству рабочих рук закончив порученное ему дело, вернулся в царственный город... Так был сооружен Саркел" [Продолжатель Феофана. 1992. С. 56—57].

Это, как видим, значительно более лаконичное изложение события. Оно фактически повторяет описание Константина Багрянородного, но в нем есть и ценное добавление относительно времени постройки, которое отсутствует у императора. Произошло это, согласно второму источнику, перед походом Феофила против арабов в 837 г., т.е. в середине 30-х гг. IX в.

Таким образом, благодаря дошедшим до нас сообщениям мы можем говорить о времени построения кирпичных стен и зданий Саркела. Однако это не единственный факт, устанавливаемый по приведенным отрывкам.

Во-первых, очевидно прямое участие византийских строителей в возведении крепости.

Во-вторых, стены выкладывались из кирпича на известковом растворе.

В-третьих, в строительстве принимало участие громадное количество людей — "множество рабочих рук".

В-четвертых, крепость стояла на берегу реки Танаис, причем участок для ее строительства был выбран хазарами: византийцы ехали в определенное место, которое не могли изменить, хотя для строительства там не было подходящего материала.

Перейдем далее к характеристике развалин этой явно выдающейся в свое время крепостной постройки, игравшей значительную роль в жизни хазарского государства.

Исследование открытых раскопами остатков и отпечатков оборонных кирпичных стен и внутренних строений крепости сделано в обстоятельной статье П. А. Раппопорта, снабженной большим количеством чертежей и фотографий, иллюстрирующих и документирующих наблюдения и выводы автора (Раппопорт, 1959). Эта статья является прекрасным источником, которым можно пользоваться при изучении архитектурных приемов и знаний, известных в каганате и, в частности, в среде строителей Саркела.

Важнейшим, давно установленным фактом является тот, что крепость и все ее постройки внутри были возведены из обожженного кирпича. Это свидетельствует о принадлежности ее правителю Хазарии, поскольку, согласно арабо-персидским источникам, только он мог владеть сооружениями, сложенными из кирпича (Заходер, 1962. С. 185, 199). Константин Багрянородный очень ясно указал, что с просьбой о помощи в возведении крепости к Феофилу обратились оба правителя каганата — "хаган и пех Хазарии", т.е. не только захвативший в Хазарии реальную власть "пех" (царь), но и сам кагаи. Очевидно, он имел равное и даже преимущественное право владеть зданиями, выстроенными из кирпича.

Как бы там ни было, ясно, что Саркел — единственный исследованный археологически памятник, принадлежность которого собственно хазарам (их властителям) не вызывает сомнений.

Прежде чем говорить о крепости Саркел, напомним о том, что сохранилось и что получили археологи для изучения этой крепости.

Во-первых, следует помнить, что было уничтожено около 1/10 площади крепости: весь восточный ее угол обвалился вместе со значительным куском берега.

Во-вторых, кирпичные кладки почти полностью разобраны. Их удалось проследить в основном только там, где их части более или менее крупными блоками завалились в подкопанные под них ямы.

В-третьих, вместо кладок сохранились отпечатки кирпичей на материке: бесфундаментные стены ставились прямо на подчищенную поверхность материка и нижний ряд кирпичей под вышележавшей толщей четко отпечатался на ней.

Наконец, в-четвертых, даже эти следы стен во многих местах полностью стерлись. В таких случаях направление стены устанавливалось по ориенти-

ровке соседних участков, на которых прослежены отпечатки кирпичей. Изредка это удавалось сделать по разлитой вдоль стен известковой заливке, являвшейся или специальной "отмосткой", или покрытием пола, или просто остатками строительного мусора.

Обладая этими скудными данными, П. А. Раппопорт, проделав большую работу, создал стройную и убедительную картину, дающую представление о крепости в целом и об архитектурных приемах, которые использовались при ее строительстве. Он установил все возможные (поддававшиеся измерениям) размеры построек, начиная с кирпичей, из которых сложены стены. Рассмотрим их с позиции вероятных мер длины, которыми пользовались саркельские архитекторы. Представляется, что последние использовали не современную метрическую систему, в которой даны в статье П. А. Раппопорта размеры сооружений. Попытаемся выявить, хотя бы на гипотетическом уровне, те единицы измерений, которые могли быть основой всех архитектурных объектов крепости.

Начнем с размеров кирпичей. П. А. Раппопорт выделяет две группы этих изделий. Размеры первой группы кирпичей: 24 × 24 × 5, 24 × 12 × 5, 36 × 24 × × 5* [Раппопорт, 1959. С. 14]. Они имеют четкую геометрически правильную форму, хороший обжиг — до красного или красно-оранжевого цвета. Иногда на них встречаются попавшие случайно при сушке следы ног человека, лап животных (чаще собаки), а также знаки и рисунки, прочерченные по сырой или немного подсушенной поверхности. Вторая группа кирпичей размером 27 × 27 × 7. Попадаются в этой группе и крупные — со сторонами 30 × 30 или даже 34 × 34 [Раппопорт, 1959. С. 17—18]. Обжиг и формовка также очень хорошие, но глина характеризуется включениями "каких-то выгорающих добавок", видимо, травы или навоза. Знаки и рисунки попадаются на этих кирпичах чаще, чем на кирпичах первой группы. К сожалению, подсчетов, давших бы нам возможность установить более или менее близкие к истинным процентные соотношения отмеченных знаками кирпичей обеих групп, не было сделано в поле, а значит, эти соотношения сейчас невосстановимы.

Представляется весьма вероятным, что основой размеров первой группы кирпичей является 8 и производные: 8 : 2 = 4; 8 × 3 = 24; 4 × 9 = 36 и пр. Основной размер второй группы кирпичей 27, а также, вероятно, 7, так как на это указывает не только толщина кирпичей, но и другие размеры (производные): 27 + 7 = 34, 27 + 3,5 = примерно 30.

Таким образом, размеры кирпичей позволяют определенно предполагать использование строителями Саркела двух систем длины. Обе они "вписываются" в возникшую в глубокой древности общую для народов Европы и Азии метрологическую схему, в основе которой лежат простейшие измерения длины с помощью достаточно стандартных размеров человеческого тела: стопы (шага), локтя, ноги, пяди и т.д. [Беляев, 1927; Рыбаков, 1949, 1957].

П. А. Раппопорт отмечает, что в кладках из кирпичей первой группы известь значительно лучшего качества, чем в кладках из кирпичей второй группы, известь которых содержала значительно больший процент песка. Поскольку в кладках из кирпичей второй группы нередко попадались и кирпичи первой, а обратное не встречено ни разу, П. А. Раппопорт делает логический вывод о том, что кладки из кирпичей второй группы появились немного позже. Так ему удалось разделить постройки Саркела на два строительных периода, правда, почти слившихся друг с другом хронологически: постройки второго периода возводились сразу после окончания строительства первого периода, от которого сохранилось еще много невостребованных кирпичей [Раппопорт, 1959. Рис. 11].

---

* Размеры здесь и далее даны в сантиметрах.

Первый период	*Второй период*
1. Наружные стены	1. Отрезок стены между зданием I и башней Е
2. Внутренняя поперечная стена	2. Здание II
3. Здание I	3. Здание III
4. Здание IV	4. Помещение VI (караульня у прохода из восточной в южную часть цитадели)
5. Здание V	5. Караульня у прохода 1
6. Стена, делящая цитадель на две части	6. Караульня у прохода 2
7. Главные ворота	7. Две караульни у Главных ворот
8. Речные ворота	8. Длинная пристройка к зданию IV

Мы видим, что в первый период построили все основные части крепости: стены и внутренние главные сооружения. Во второй крепость просто достраивалась, внутренняя планировка ее совершенствовалась: были отстроены все караульни у ворот и проходов, казармы и донжон в цитадели (здания II и III), пристройки к зданию IV (рис. 5).

Интересные результаты дает сопоставление переведенных в две предполагаемые метрологические системы измерения длины с размерами построек Саркела обоих периодов. Так, внешние размеры крепости в метрах: 193,5 × × 133,5, а в мерах первой системы: 77,5 × 53,5. Вторая система мер дает менее четкие цифры: 88,35 × 61,8. Это позволяет с известной долей вероятности говорить об использовании при разбивке внешнего контура крепости первой системы мер. То же, видимо, можно говорить и о внутренних размерах крепости — в метрах: 178,65 × 117,83, а в измерениях первой системы: 71,5 × 47. Вторая система дает более "расплывчатые" размеры: 82,7 × 54,55.

Линейные размеры толщины крепостных стен, поперечной стены, размеры срединных и двух открытых раскопами угловых башен определялись количеством кирпичей. Поскольку кирпичи в этих постройках относятся к первой системе мер, широтные размеры также соответствуют первой системе + небольшое дополнение из-за известковых швов между кирпичами.

Размеры одного из самых важных объектов — Главных ворот были строго выдержаны в запланированных размерах первой системы. Причем при промерах пользовались не производной "тройной" мерой, равной размеру кирпича (24), а "удвоенной", т.е. 8 × 2 = 16. В этой мере ширина ворот равнялась 58, ширина проезда — 28, ширина пилонов — 15. Размеры каменных (песчаниковых) плит, которыми был замощен воротный проем: 40 × 80 см и 40 × 60 см, т.е. основой измерений здесь также были меры первой системы.

С внутренней стороны проезда ворот, на его осевой линии был сооружен колодец, облицованный известняковыми трапециевидными блоками (сохранилось 20 рядов на высоту 3,6 м). Внутренний его диаметр 1,2 м, а в мерах первой системы: 120 : 24 = 5. Это дает основание говорить, что колодец строили одновременно с воротами — в первый период строительства.

Речные ворота крепости находились в одной из срединных башен северо-восточной стены. Из-за проезда ее построили более широкой (на 0,73 м, т.е. на 3 кирпича). Ширина проезда равна 7, а длина — 35 кирпичам, т.е. размеры выдержаны в мерах первой системы.

Выдержаны в этих размерах и несколько внутренних зданий, сложенных из кирпича 24 × 24.

Здание I: длина помещений 2—6 в мерах первой системы равнялась 23, ширина менее устойчива — колебалась от 4 до 4,5 — поперечные стенки стави-

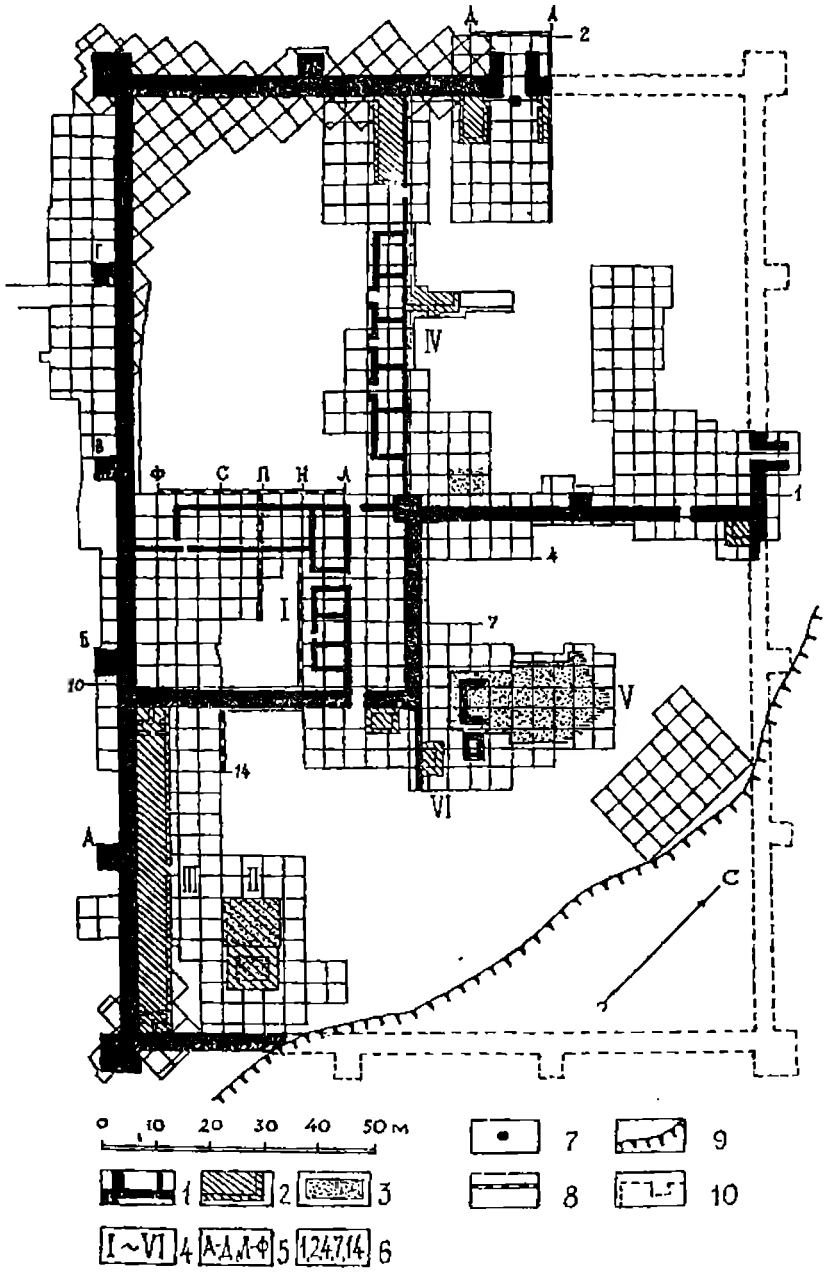


Рис 5. Схема расположения раскопов в крепости: *1* – стены, поставленные в первый период строительства; *2* – второй период застройки; *3* – кирпичные вымостки; *4* — номер основных зданий в крепости; *5* – – линии разбивки СЗ-ЮВ; *6* – – линии разбивки СВ-ЮЗ; *7* – – колодец, *8* – – зачищенные профили раскопов, *9* — обрыв берега, *10* – – нераскопанные части стен

лись, видимо, "на глазок". Длина помещения 1 равнялась 100 кирпичам + швы (примерно 1 м), а ширина — 20 кирпичам.

Здание IV: длина помещений 1 и 2 в мерах первой системы равнялась 31, помещения 3 — 35, помещения 4 — 30, помещения 5 — 30,5. Ширина всех помещений 20, ширина входов 7.

Вымостка в северо-восточной части цитадели и постройки на ней (здание V) полностью выдержаны в первой системе мер: ширина помещения 1 равнялась 32 (длина установлена условно), размеры помещения 2 — 23 × 19,5, ширина юго-западной части вымостки 45, длина 50. Северо-восточная часть вымостки в обе стороны расширяется симметрично на 8, длина этой части 75.

Рассмотрим измерения нескольких внутренних построек, поставленных во второй период из кирпичей 27 × 27. Это две большие караульни у Главных ворот. Длина каждой из них 38, ширина 20.

Очень показательно помещение, пристроенное во второй период к зданию IV: длина его 64, ширина 20. Оно отличается от остальных помещений этого здания, размеры которых, как говорилось, укладываются в метрологическую систему первого периода.

Все размеры здания II (донжона) и вымостки рядом с ним также выдержаны в измерениях второго периода: длина внешняя 37, внутренняя 24, ширина соответственно 31,5 и 18,5. Размеры вымостки в измерениях второго периода 40 × 30.

Здание III: общая длина 23, размеры квадратных торцовых камер этого здания в мерах второго периода 8—10, а погребов в тех же мерах — 4 × 3.

Менее четки размеры малых караулен, выстроенных у проходов внутренних стен. Объясняется это тем, что их стены в значительной степени были сложены из кирпичей двух размеров: 24 × 24 и 27 × 27. Единая система "двухмерности" из-за этого была нарушена.

В целом перевод метрических измерений в две линейные системы с исходными 24 и 8, а также 27 и 7 представляется вполне вероятным. При делении построек на две группы в соответствии с двумя метрологическими системами следует учитывать, что цифры должны быть выражены без дробных долей или с допуском дробности в полдоли.

Неточности, частые несовпадения размеров с выявленными системами связаны с разными обстоятельствами, возникавшими у зодчих во время строительства этого сильно укрепленного и, безусловно, предумышленно спланированного комплекса зданий. На два из них указывалось выше. Это известковые швы, толщина которых иногда довольно сильно изменяла запланированные размеры, и использование кирпичей обеих систем в постройках второго периода.

Нужно помнить также, что все измерения в крепости производились в подавляющем большинстве случаев даже не по развалинам, а по их отпечаткам в материке. Не исключено, что эти отпечатки нижнего ряда не всегда и не везде соответствовали реальным размерам построек.

Что касается факта использования при строительстве двух систем мер длины, то для средневековых зодчих это отнюдь не было исключительным явлением. Об этом очень убедительно писал в работах об архитектурной математике древнерусских зодчих Б. А. Рыбаков [1957, 1975], доказавший связь разных мер в единой общей сложной системе измерений. Благодаря такой связи разные системы мер свободно использовались в постройке одного здания. Это же отмечала В. Л. Воронина, исследовавшая некоторые памятники Средней Азии [1951]. Явление "двухмерности" удалось, как нам кажется, проследить в Плиске, где строители метили свои участки рамами, длина которых от тамги до тамги равнялась, по существу, тем же двум размерам, ка-

кими пользовались саркельские архитекторы [Макарова, Плетнева, 1984. С. 219—221].

Кто же были эти зодчие?

Меры длины, которыми они пользовались, не дают нам ответа, так как они были известны и распространены на всей территории Евразии. Широко использовали их и в Византии, хотя византийские кирпичи изготовлялись другого формата и в других измерениях. Из этого явного несходства строительных материалов и был сделан вывод об отсутствии в Саркеле византийской строительной традиции, что однако противоречит свидетельству Константина Багрянородного о прямом и активном участии византийцев в строительстве: их участие заключалось прежде всего в сооружении печей для обжига кирпича, в обжиге этого кирпича и в изготовлении извести. Очевидно, византийцы дали рецепты изготовления замесов глины для кирпичей и извести, что и сказалось в высоком качестве того и другого в первый период строительства.

Продолжатель Феофана дополняет рассказ своего предшественника сообщением о том, что в строительстве принимало участие "множество рабочих рук". Ясно, что "рабочие руки" принадлежали местным жителям, которые также не были новичками в строительстве кирпичных зданий. Они получили знания и практические навыки от архитекторов ближайшего южного соседа Хазарии — Албании, где техника кирпичной кладки распространилась уже в VI в. П. А. Раппопорт допускает, что именно через Албанию саркельские строители усвоили некоторые традиции архитектуры сасанидского Ирана [Раппопорт, 1959. С. 39].

Совершенно ясно, что кирпичи делали сами "рабочие руки" в хорошо усвоенных ими пропорциях. Византийцы в это не вмешивались: следить за изготовлением миллионов кирпичей они просто не могли. Это было дело местных строителей. Зато, как нам кажется, самое деятельное участие византийцы принимали в планировке крепости — в разбивке ее на местности. Абсолютно правильные прямые углы, точное соблюдение принятой ориентировки (углами по странам света) всех кирпичных строений, общие стройные и строгие пропорции прямоугольной крепости, выступающие пилоны ворот, умело "вписанных" в расширенных для этого серединных башнях, свидетельствуют о том, что работа производилась квалифицированными архитекторами, хорошо знакомыми с античными и византийскими традициями. Характерно, что пропорции крепости в плане (1 : 1,46) очень близки ранневизантийским, например, хорошо сохранившейся североафриканской крепости Тимугади близ Карфагена, пропорции которой 1 : 1,56, а башни и пристенные внутренние помещения аналогичны саркельским [Овчаров, 1982. С. 25, рис. 5].

Подводя итоги в описании этого византийского мероприятия, Продолжатель Феофана справедливо (и даже более категорично, чем император) писал о том, что именно Петрона "славно, хотя и с многими трудами" закончил порученное ему Феофилом строительство далекой степной хазарской крепости.

Однако, византийским архитекторам не всегда удавалось применять свои знания в этой стройке. Помимо размеров и пропорций кирпичей, помимо постоянных нарушений задуманных размеров из-за изменения размеров кирпичей было совершено значительно более серьезное отклонение от архитектурных канонов — отказ от сооружения фундаментов.

Бесфундаментная кладка как строительный прием возникла в качестве одного из действенных антисейсмических средств, предохранявших стены от разрушения. Она широко была распространена в Предкавказье [Биджиев, 1983. С. 18, рис. 4, 5; Магомедов, 1983, С. 125—145], в Крыму [Баранов, 1990. С. 57] и в Средней Азии. Иногда строившиеся на твердом каменном грунте крупные здания ставились на специально сооруженные рыхлые фундаменты [Фрумкина, 1992. С. 60—65]. Такие фундаменты были обнаружены

в античной Ольвии — это были траншеи, вырубленные в материке и заполненные чередующимися прослойками глины и золы. Иной состав заполнения фундаментных канав, вырытых в скальном меловом материке, обнаружен при раскопках стены VIII в. в Плиске. Там заполнение состояло из прослоек рыхлой глины и битого камня [Плетнева, 1992. С. 44—46, рис. 14—17].

Создание антисейсмики было одним из главных достижений архитекторов, строивших в землях, подверженных землетрясениям. К таким землям относилась и Хазария, владевшая территориями в Предкавказье и Крыму. Кроме "бесфундаментности" хорошо были известны мягкие прокладки из дерева, глины и камки в каменных стенах, использование глиняного (податливого), а не известкового (жесткого) скрепляющего раствора, укладка камней в стенах не горизонтальными рядами, а "елочкой". "Елочка" стала для археологов одним из самых важных признаков, определяющих проникновение казар, на исследуемых памятниках Предкавказья, Таманского полуострова и Крыма.

Столь же характерной для аркитектуры Хазарского каганата была и "бесфундаментность". Исследования стен на Маяцком [Афанасьев, 1984. С. 36 и сл., рис. 1, 13, 23] и Правобережном Цимлянском [Плетнева, 1993] городищах показали, что они ставились прямо на дерн, предназначавшийся, видимо, быть дополнительным амортизатором. В Саркеле же гумусный слой под стенами был снят до материка. Очищенную поверхность тщательно отнивелировали на всем протяжении внешних и внутренних стен . Именно поэтому на поверхности очищенного материка сохранились отпечатки кирпичей нижнего ряда кладок. Следует добавить, что там, где поверхность на трассе стен слегка естественно понижалась, делались специальные подсыпки из материковой глины, немного смешанной с гумусированной землей.

Нивелировка основания стен является, вероятно, свидетельством участия византийцев в подготовке поверхности для укладки на нее первых рядов кирпичей. Возможно, византийцы, заинтересованные в скорейшем окончании строительства, не возражали против отсутствия фундамента, на укладку которого шло почти столько же времени, что и на сооружение стен. Необходимо было бы организовывать камнеломное дело и доставку громадного количества камня к месту стройки с правого берега, где находились меловые выходы,

Интересно, что местные архитекторы кое-где попытались заменить известковый раствор глиняным. П.А. Раппопорт отметил, что в тех редких случаях, когда до нас дошли сохранившиеся на несколько рядов блоки кладок, обнаружилось, что, кроме двух-трех нижних рядов, наружные полосы кирпичей были уложены на глине [Раппопорт, 1959. С. 17]. Автор объясняет это тем, что кирпичи, скрепленные глиной, было легче выравнивать в заданном направлении (как по горизонтали, так и по вертикали). Очевидно, это также было своеобразное "усовершенствование" местных зодчих, внесенное ими в начатое византийцами строительство.

Византийские архитекторы, несмотря на трудности, постоянно, видимо, вставшие перед ними в виде противоречий с местными мастерами, закончили стройку основных узлов крепости и отбыли с докладом о проделанной работе в "царственный город" — Константинополь.

Однако, судя по тому, что удалось выявить археологам, крепость нуждалась в основательной достройке. Так появились в ней строения второго периода строительства, руководство которым осуществлялось, очевидно, уже местными зодчими. Почти все "достройки" служили для большего укрепления крепости: караульни у Главных ворот, "длинное здание" и донжон в цитадели и другие менее значительные строения, о которых будет сказано ниже.

Рассмотрим подробнее планировку крепости. Мои предшественники уделя-

---

* Археологам это сослужило большую службу — отнивелированная подошва стены стала "0", от которого замерялись глубины всех открываемых объектов и всех находок.

ли этому вопросу большое внимание. Как правило, оно было обращено на остатки сооружений, связанных с оборонительными функциями крепости, прежде всего юго-восточной ее части, которая являлась, очевидно, цитаделью. Она отделена от остальной территории мощной стеной (шириной в 12 кирпичей), почти равной ширине внешних стен (15 кирпичей). Стена в плане имеет два "колена", т.е. состоит из трех "отрезков": северного, центрального и южного (см. рис. 5).

В северном отсеке стены, всего в 10,7 м от северо-восточной наружной стены, находился проход в цитадель. Он довольно широкий (8 кирпичей), с внешней стороны закрыт массивной дверью. Косяки, на которой она крепилась, "заглублены" в противоположные стены прохода, а поперек его уложены два бревна порога, причем внешнее было обито массивными железными пластинами (рис. 6, *б*). У этого прохода, на территории цитадели, в углу, образованном внешней стеной и стеной цитадели, пристроена караульня с весьма толстыми стенами (5,5 кирпича). Внутренняя площадь ее небольшая — всего 9 м^2 (рис. 6, *а*). На середине северного отсека стены поставлена прямоугольная башня, а другая, квадратная в плане, башня стояла на углу северного и центрального отсеков стены. Башни давали прекрасную возможность визуального контроля на всем протяжении обоих отсеков: все пространство вдоль стен простреливалось, а значит, даже приближение к ним практически было невозможно.

Средний отрезок был дополнительно укреплен во второй период стройки неширокой стенкой (3,5 кирпича), перегораживавшей свободный вход на участок вдоль центрального отсека (см. рис. 5). При сооружении стенки оставлен проход на этот участок, который, видимо, охранялся. Напротив этого прохода, в южном отрезке поперечной стены, находился еще один проход, ведший в цитадель. По обнаруженным в нем следам известковой заливки на полу можно заключить, что данный проход был крутым, а в кладках стен с обеих сторон прохода прослеживались заглубления от косяков массивной двери. Рядом с этим проходом внутри цитадели построили большую караульню, площадь которой более 17 м^2 (рис. 7).

Обширная территория цитадели, равная половине всей площади крепости, разделена на две части — северо-восточную и юго-западную — тонкой (всего 3,5 кирпича) стенкой (см. рис. 5). Раскопом она раскрыта не полностью, сохранность ее очень плохая, однако удалось обнаружить, что в ней также был проход, соединявший обе части цитадели. Рядом с ним с северо-восточной стороны была к стенке пристроена караульня с внутренней площадью 12,5 м^2. Отпечатки кирпичей ее стен сильно стерты, но прослежен с юго-восточной стороны проем двери внутрь этого здания. Пол в нем был покрыт известковой заливкой, от которой сохранился вдоль внутренней стороны северо-западной стенки небольшой узкий участок.

Караульня, как и две предыдущие, была сооружена во второй период стройки. Все три предназначались для усиления охраны цитадели.

Этой же цели служили сооружения, выстроенные одновременно с караульнями — во второй период, в юго-западной части цитадели. В южном углу этого отсека крепости поставлено крупное прямоугольное здание (внутренняя площадь почти 33 м^2) с толстыми стенами (6 кирпичей). Пол в нем вымощен кирпичом на известковом растворе (рис. 8). Расположение здания, толщина его стен и общая массивность, а также тщательно выложенная из двух слоев на извести кирпичная вымостка — прямоугольная площадка перед его фасадом дают основание полагать, что здание было дворцом или же просто сильно укрепленным домом, в котором жил начальник гарнизона крепости, бив-

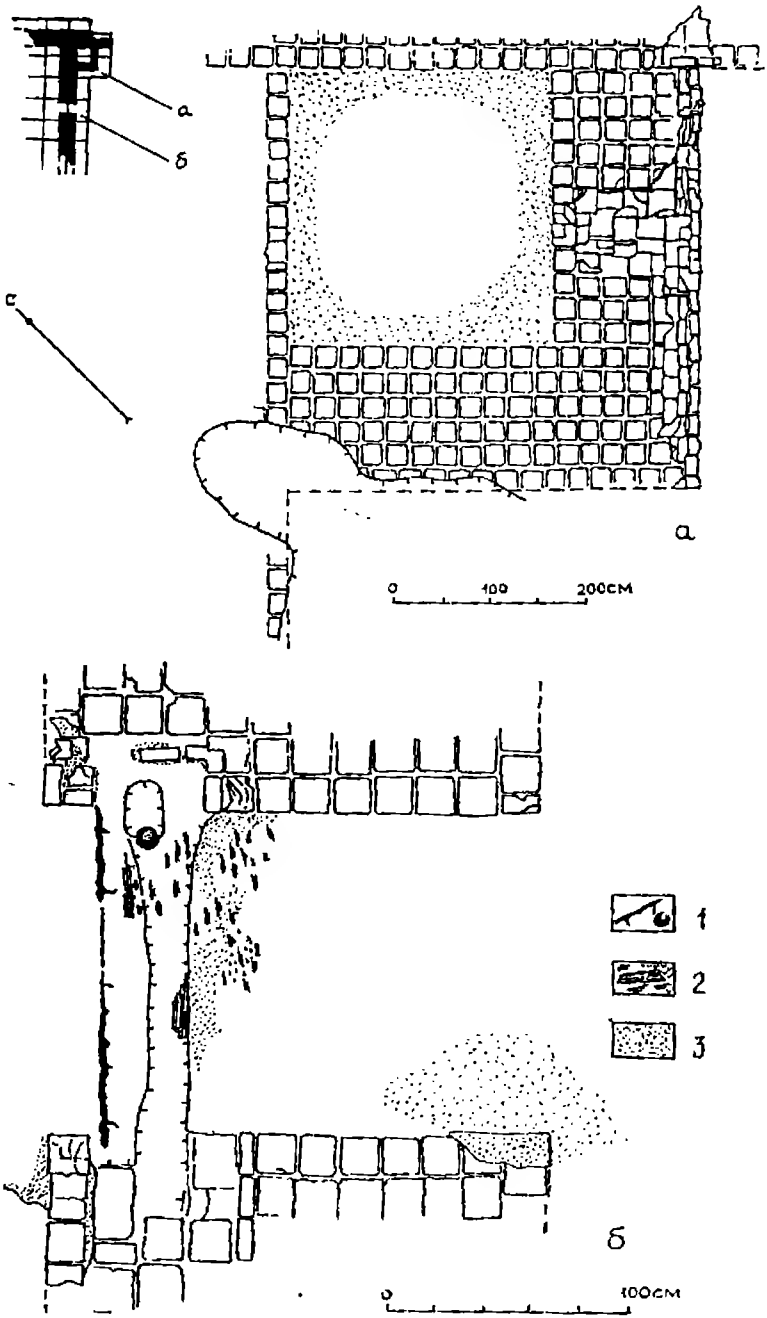


Рис. 6. Караульное помещение и сегмент восточного прохода в стене цитадели. *1* – железные детали дверного проема; *2* — истлевшие и обугленные остатки деревянных конструкций, угли; *3* – известь

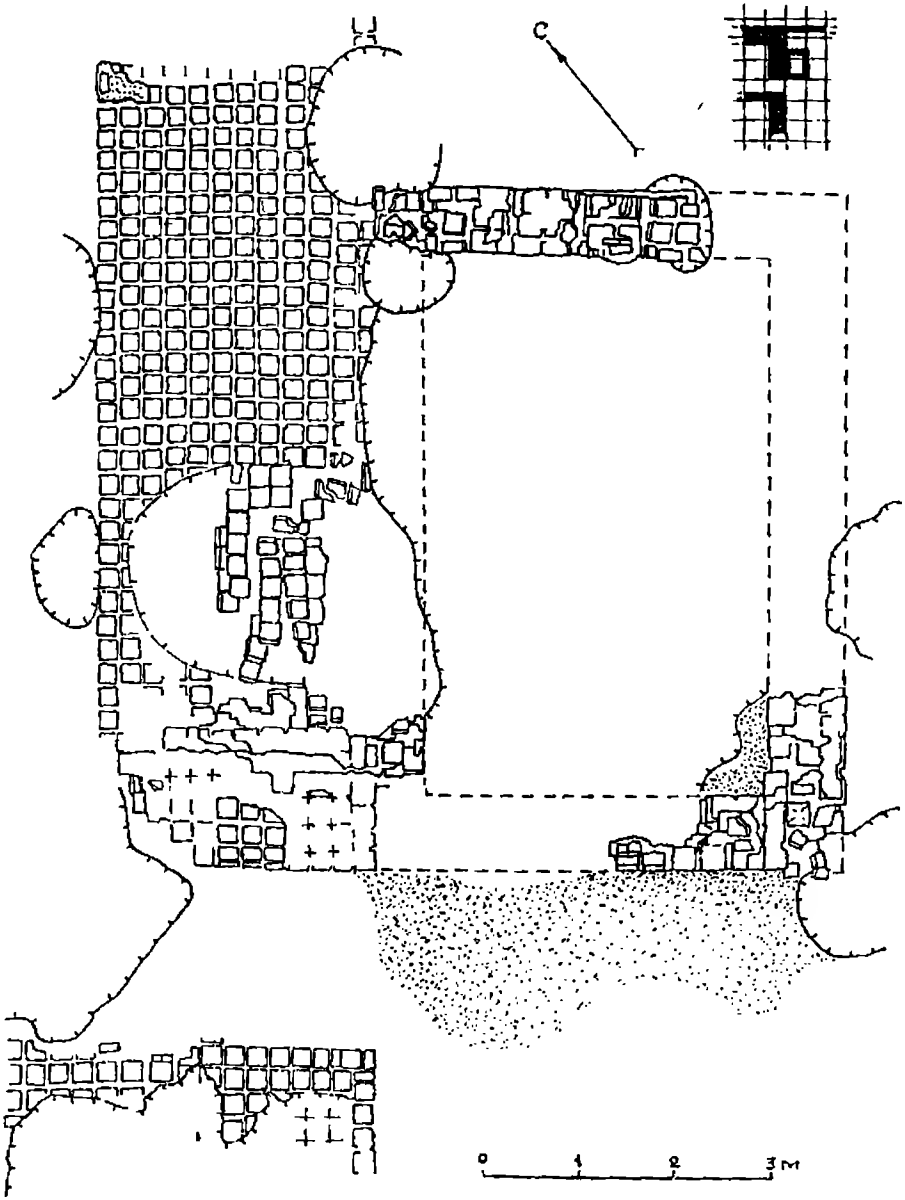


Рис. 7. Карнульное помещение и юго-западный проход в цитадели

ший важной персоной в каганате. Толщина стен, вероятно, обеспечивала возможность возвести их на большую высоту — здание могло быть трехэтажным.

Второе сооружение — длинная пристройка вдоль внутренней стороны юго-западной крепостной стены — от угла до угла (рис. 9). Ширина внутреннего пространства пристройки немногим более 5 м. На этом расстоянии была сложена довольно тонкая стенка (3,5 кирпича), составлявшая с тремя капиталь-

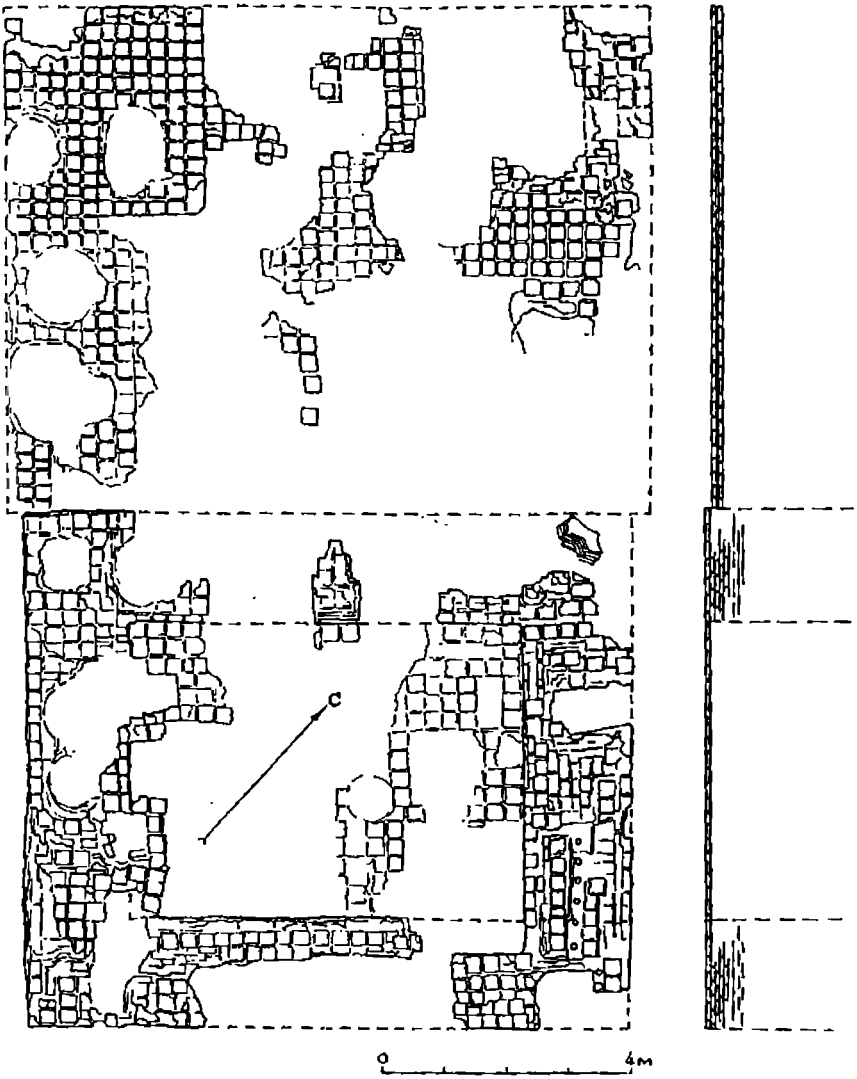


Рис. 8. Остатки стен донжона и реконструкция продольного разреза

ными, ранее поставленными стенами "длинное здание". На обоих концах этого здания стенками толщиной в 3 кирпича отделены квадратные помещения, внутренняя площадь которых разделена такими же стенками, образующими небольшие камеры (площадь каждой около 5 м^2), а в каждой из них сооружены погреба с облицованными кирпичом стенами и материковым дном. Глубина их 1,3—1,4 м. Пол камер вокруг погребов покрыт известковой заливкой. В целом оба помещения сделаны тщательно и производят впечатление крепких фундаментальных построек. Погреба в них имели перекрытия из больших кирпичей (30 × 30), опиравшихся на деревянные переводы. Назначение этих

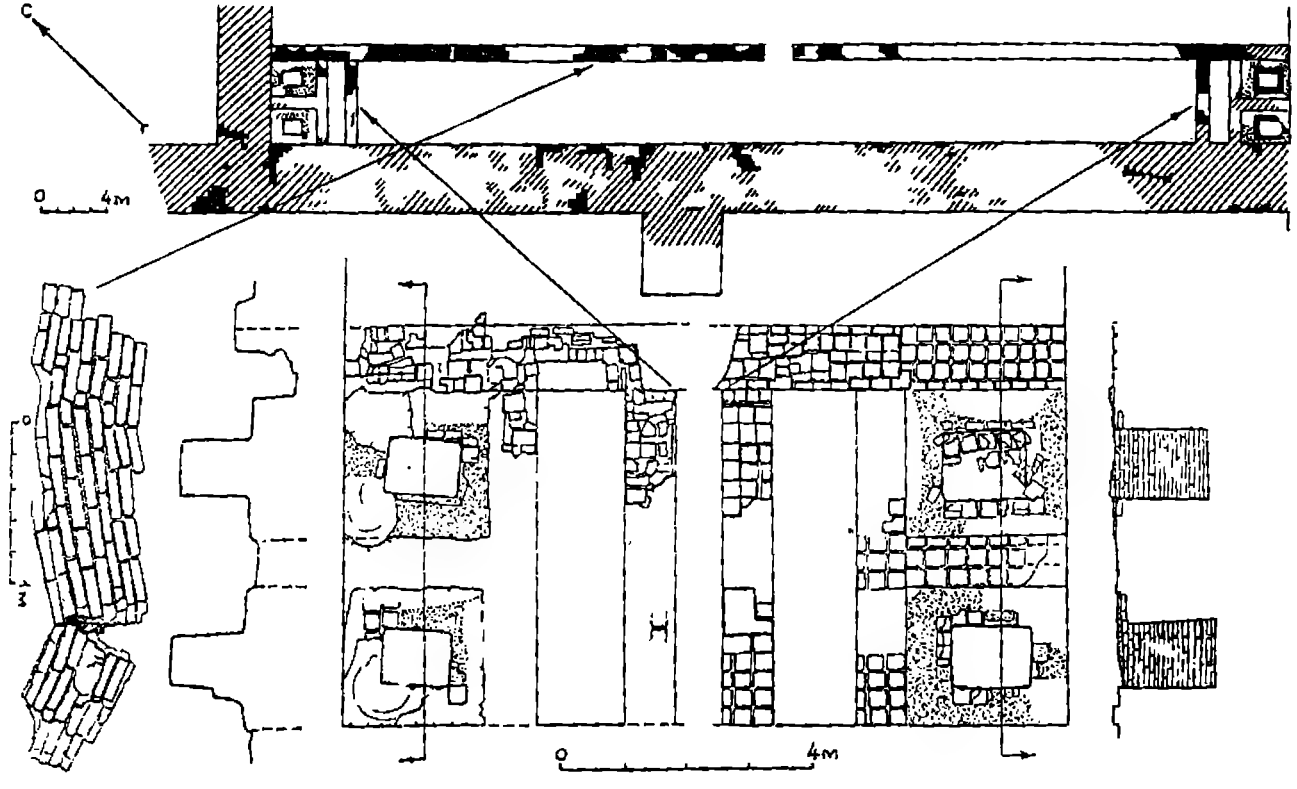


Рис. 9. "Длинное здание" в цитадели, помещения с погребами и фас одного из сохранившихся отрезков стены

помещений неясно. Возможно, это были "арсеналы" — хранилища запасного оружия, которым могли в случаях надобности воспользоваться воины гарнизона. От остального большого (около 250 м^2) длинного помещения этого здания сохранились только остатки кладок стены, достигавшие местами в высоту до 7—8 рядов кирпичей (см. рис. 9). Стена, как и вся внутренняя часть постройки, настолько разрушена поздними ямами, что обнаружить какие-либо конструктивные детали постройки не представляется возможным. Удалось проследить только одну сторону входа, находившегося в середине длинной стены (другая сторона входного проема разрушена ямой). Каким было назначение этого обширного помещения, сказать трудно, так как нигде нет даже небольшого не перекопанного и многократно не застроенного участка пола. Причем застройка началась еще в хазарское время. Условно это здание, в совокупности с "арсеналами", входившими в него, можно считать, по аналогии с пристенными пристройками ранневизантийских крепостей, остатками казармы для служивших в крепости воинов. Помещение для людей находилось, вероятно, на втором этаже, а нижняя часть постройки предназначалась для лошадей.

Помимо сооружений, служивших для усиления обороноспособности цитадели и крепости в целом, в цитадели находился комплекс, очевидно, не связанный с обороной. Он располагался в центральной части ее северо-восточной площади (рис. 10).

Из дошедших до нас остатков саркельских сооружений этот комплекс построек сохранился хуже всех. Он представлен в основном отпечатками кирпичей или же уложенными в два-три ряда обрывками кладок. Однако удалось проследить, что все это было явно связано между собой в единую кирпичную выкладку. В плане она состоит из двух неравных прямоугольных частей — северо-восточной и юго-западной, ориентирована точно в соответствии с крепостной ориентировкой — углами по странам света. Площадь юго-западной части примерно 132 м^2, а северо-восточной — 270 м^2. Это была немного приподнятая над древней дневной поверхностью платформа, очень тщательно сложенная: в два или три слоя кирпичей размером 24 × 24, скрепленных известью прекрасного замеса. Этот же известковый раствор покрывал всю поверхность платформы. Местами даже удалось проследить, что покрытие было двухслойным, что скорее всего свидетельствует о ремонтировании вымостки. Края ее завершались подребриком — аккуратно уложенными наклонно кирпичами. На северо-западном крае северо-восточной части платформы было обнаружено небольшое расширение (примерно на 2,3 м). Вероятная ширина его 5 м. Не исключено, что здесь находился вход на платформу и вполне возможно, что дорога от Речных ворот через северный проход в стене цитадели вела именно к этому входу.

Юго-западная часть платформы была занята довольно большим прямоугольным помещением. От краев платформы три его стенки находились на расстоянии 5,5 кирпича. Четвертая стена обращена фасадом (и, видимо, дверью?) на северо-восточную часть платформы. От этого помещения почти ничего не осталось — исследователям пришлось только "угадывать" направление его стен на платформе по нескольким обрывкам кладок. Ширина одного из них 5,5 кирпича. П. А. Раппопорт счел возможным определить таковой ширину стен на всем их протяжении. Однако, судя по сохранившемуся плану этой постройки и части платформы, ширина стен достаточно четко выявляется благодаря отпечаткам кирпичей нижнего их ряда — всюду, где ее можно было проследить, она равняется двум кирпичам и двум половинкам с обеих сторон. Видимо, стены ставились не на платформу, что сделало бы их значительно менее устойчивыми, а, как и все здания и крепости, на материк. Два слоя кирпичей платформы, примыкавшие к стенам снаружи и изнутри, были

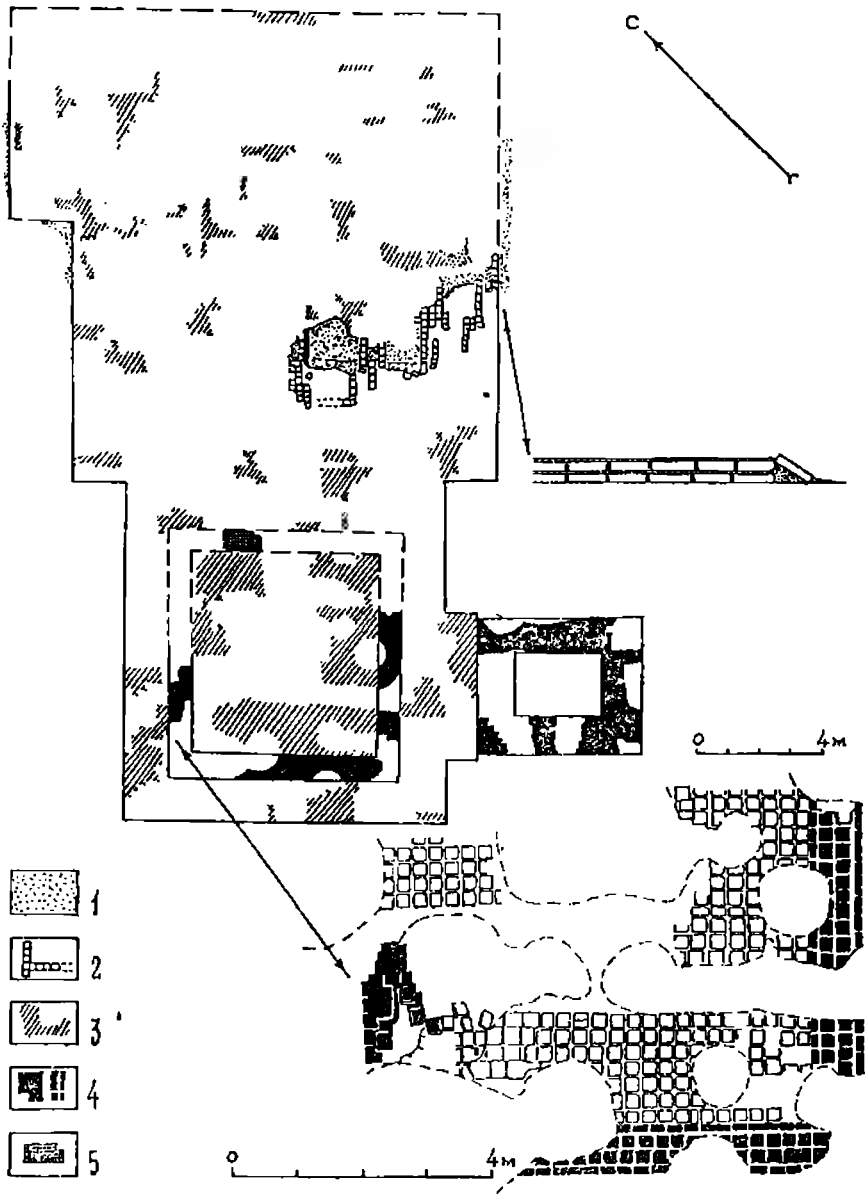


Рис. 10. Платформа (остатки кирпичной вымостки) с остатками зданий на ней: *1* — известковая заливка; *2* — кирпичные стенки поздних построек; *3* — сохранившиеся на вымостке кирпичи; *4* — отпечатки кирпичей от стен зданий; *5* — отпечатки кирпичей на предполагаемом участке стены

прекрасным их креплением: здание как бы вырастало из нее. Что же касается открытой в западном углу кладки шириной в 5,5 кирпича, то вполне возможно здесь ее сделали более массивной для какой-то определенной цели, например, для сооружения лестницы.

Рядом с этим помещением на расстоянии всего 2,5 м юго-восточнее находилось другое аналогичное ему и также связанное с платформой здание, хотя и поставленное вне ее. Расстояние от края платформы до его стены немногим более 1 м, и это узкое пространство вымощено кирпичом одновременно с выкладкой платформы, а это значит, что строительство здания было спланировано специально как одной из составных частей данного комплекса. Размеры этой постройки меньше предыдущей, а толщина стен, сравнительно с небольшими размерами здания, весьма значительна — 5 кирпичей. Судя по толщине стен, постройка могла быть довольно высокой (как донжон или даже выше). Пол внутри ее был явно уничтожен грабительским перекопом. Это дает некоторое основание думать, что он, как и в первой постройке, был кирпичным.

Что представлял собой комплекс, состоявший из двух кирпичных зданий и широкой ровной платформы, связывавшей его в единое целое? Строители крепости придавали сооружаемому комплексу важное значение, что подтверждается первоочередностью его постройки (раньше всех укреплений цитадели). По-видимому, это было какое-то общественное здание, возможно, культовое, хотя данных о связи его с определенным культом нет. Ясно только, что это не остатки христианской церкви, не языческого святилища и не мечети, архитектура которых в настоящее время хорошо известна. При интерпретации этого явно общественного сооружения следует, видимо, учитывать, что в хазарской крепости, принадлежавшей кагану, недавно принявшему иудейство, могла быть выстроена скорее всего синагога, специально предназначенная для воинов-хазар, охранявших Саркел и обосновавшихся в цитадели этой крепости.

Северо-западная половина крепости, от вторжений обитателей которой так тщательно, как мы видели, оберегалась цитадель, по площади равна последней. Однако она была иначе застроена и функционально была иной.

Прежде всего, в отличие от цитадели, эта часть крепости имела двое ворот: Главные, расположенные на северо-западной стене, и Речные — на северо-восточной.

При постройке Главных ворот была использована одна из двух серединных башен северо-западной стены (рис. 11). Для этой цели ее пришлось почти вдвое расширить, но пилоны ворот выдавались за пределы внешней линии стены так же, как и остальные серединные башни — на 19,5 кирпича. Ширина каждого пилона 10 кирпичей, ширина проезда тоже была выдержана в единицах мер первой системы (8—16—24). Поверхность проезда была замощена прямоугольными, вероятно, песчаниковыми плитами. Сами плиты не сохранились: они были уложены на известковый раствор, на котором четко отпечатались.

У внешнего края проезда был врезан в материк толстый брус деревянного порога, а перед ним (снаружи) "налита" известковая полоса заливки для его укрепления [Раппопорт, 1959. С. 23, рис. 18]. По обеим сторонам порога среди отпечатков кирпичей от стен проезда прослежены небольшие участки без отпечатков. П. А. Раппопорт полагал, что они соответствовали местам заглубленных в кладки стоякам, на которых навешивались створы ворот.

Добавлю, что снаружи по обоим концам известковой заливки у углов пилонов обнаружены ямы, по-видимому, от очень массивных столбов. Слева — круглая яма глубиной 0,65 м, диаметром 0,8 м, а рядом с ней — меньшая ямка, немного овальная в плане. Справа — также круглая яма глубиной 1,2 м,

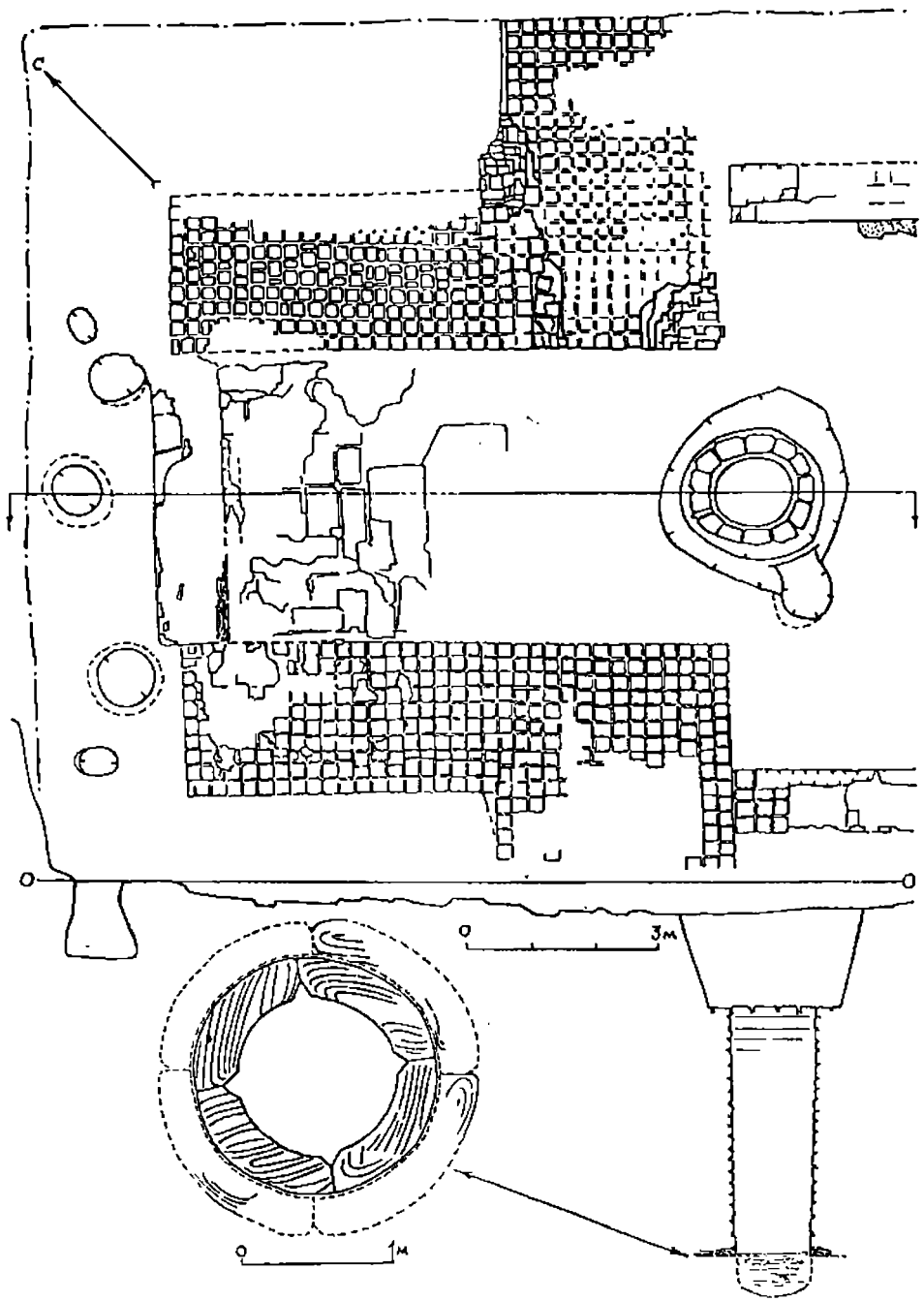


Рис. 11. Главные ворота (план и разрез по центральной линии проезда) и деревянная прокладка

диаметром 1 м, немного расширяющаяся ко дну, и рядом — небольшая овальная ямка. Представляется, что обе пары были стояками, на которых держались какие-то воротные конструкции, дополнительно укреплявшие проезд.

Близкие по типу и размерам ко второй круглой яме довольно крупные ямы были обнаружены поблизости. Одна — на центральной линии проезда, прямо перед воротами, другая — вплотную у торцовой стенки северо-западного пилона. Возможно, что и они имели отношение к сложным заградительным механизмам ворот (подъемным решеткам и пр.).

П. А. Раппопорт не уделил всем этим ямам внимания, считая их, видимо, обычными хозяйственными. Действительно, три из них, расширявшиеся ко дну, вполне могли быть таковыми.

Уверенно судить о назначении этих ям мы вряд ли когда-либо сможем, поскольку не сохранилось сведений ни об уровне их устий, т.е. их соотношения с культурными напластованиями, ни о составе их заполнения. Единственно, что связывает их с воротами, — нарочитое расположение ям вокруг воротного проезда. Особенно явственно выступает эта связь с двумя парами ям, находившимися непосредственно у углов пилонов. Однако уверенно судить о том, какую роль и в каких механизмах использовались даже эти, наиболее "разумно" размещенные у проезда ямы, вряд ли возможно.

На осевой линии воротного прохода был помещен глубокий колодец с питьевой водой, вырытый у выхода из проезда внутрь крепости. Большое (диаметр 3 м) неправильно округлое пятно этой колодезной ямы было обнаружено здесь ниже "0" (уровня подошвы крепостной стены) почти на 0,5 м (см. рис. 11). Прослеженная с этого уровня глубина сужающейся книзу ямы равнялась 1,5 м. На этой глубине обнаружена белокаменная выкладка круглого в плане колодца 2,16 (9 мер длины первой системы). Стенки ямы облицованы уложенными без раствора белокаменными известковыми прекрасно обработанными блоками со специально скошенными (для укладки по кругу) гранями. Каждый ряд сложен из 13—14 блоков, всего их сохранилось 20 рядов. Для устойчивости облицовки нижний ее ряд опирался на деревянную прокладку в виде кольца, составленного из плотно пригнанных друг к другу четырех дубовых дугообразных массивных плах (ширина их 0,3 м, толщина доходит до 0,15 м). Этот деревянный венец был окружен для крепости еще одним таким же кольцом, остатки которого удалось проследить при расчистке колодца. Очевидно, деревянные достаточно подвижные (составные) прокладки играли здесь ту же роль, что и доски, положенные под стены бесфундаментных сооружений [Афанасьев, 1984. С. 32, рис. 5]. Это был один из самых распространенных антисейсмических приемов, обеспечивавших прочность кладки даже во время землетрясения. Дно колодца находилось ниже деревянного венца еще на 0,6 м. После расчистки колодца открылся родничок, который и заполнил древний колодец чистой водой, уровень которой в первый год держался на линии низа каменной кладки, т.е. примерно на уровне прокладки, а позднее поднялся на два ряда кладки.

П. А. Раппопорт справедливо полагал, что верх колодца первоначально доходил до уровня дневной поверхности, которой была вымостка проезда ворот. Это означает, что колодец был закрытым и им пользовались, как считал М. И. Артамонов, во время осады, когда ворота бывали закрыты и даже забаррикадированы, а за водой к реке выйти было невозможно. Представляется вероятным, что колодец мог быть и не закрытым (над поверхностью он возвышался на 3—4 ряда блоков). Однако же расположение колодца, как закрытого, так и открытого, было с современной точки зрения крайне неудачным. Он

венным сотрясениям от проезжавших рядом или прямо над ним тяжелых телег, вооруженных всадников, груженых верблюдов и пр. Именно поэтому верх стенок колодца довольно быстро разрушился и колодец пришел в негодность. Возможно, что его ремонтировали: этим объясняется расширение ямы, необходимое при перекладке верхних 2 м облицовки. Причем она могла быть уже не каменной, а более легкой для реставрации — деревянной. Характерно, что в заполнении колодца, даже в самом низу, совсем не было обломков обрушившихся в него блоков: верхняя часть колодца, если была деревянной, просто истлела, когда колодец засыпали — сровняли с поверхностью.

В отличие от верха, на дне колодца в пропитанной водой почве дерево сохранилось неплохо. Помимо венца под каменной облицовкой, там были обнаружены остатки спущенной в колодец лестницы (нижние части двух дубовых брусьев, соединенные перекладиной), по которой жители спускались за водой, стоявшей в колодце очень низко. Такое предположение высказывал А. Л. Якобсон, раскопавший этот объект. Не вполне, правда, ясно, зачем люди с таким трудом добывали воду, когда ее можно было зачерпнуть опущенной на веревке бадьей. Такая бадья, выдолбленная из ствола ивы, с вставным дном была обнаружена на самом дне колодца.

Не менее функционально важными, чем сами ворота, были пристроенные с двух сторон воротного проезда внутри крепости две большие постройки, являвшиеся, очевидно, караульнями. Обе выстроены во второй период из крупного кирпича на плохой извести. Следы одной из них (юго-западной) открыты полностью, и на плане видно, что спланирована она не очень точно относительно стены, к которой пристроена (отклонение от прямого угла не менее 4°). Судя по дошедшим до нас следам левой (северо-восточной) караульни, она тоже была отклонена от направления, перпендикулярного стене крепости, на 4—5°, а значит, была строго параллельна юго-западной караульне, что свидетельствует об одновременности их строительства. Некоторая небрежность наблюдается и в расположении обеих караулен относительно воротного проема: юго-западная находилась на расстоянии 8,5 кирпича от него, а северо-восточная — 7,5. Все это, видимо, свидетельствует о том, что планировка производилась менее квалифицированными специалистами сравнительно с теми, кто занимался планировкой в первый период строительства.

Несмотря на очень плохую сохранность остатков обеих построек, удалось выяснить и определить размеры зданий (внутренняя площадь более 57 м^2), толщину стен (3,5 кирпича) и местонахождение входов в помещения. Оба располагались напротив друг друга, на расстоянии примерно 1 м от крепостной стены — в непосредственной близости к воротному проезду. От входа в северо-восточную караульню осталась только часть одной из стенок, и на основании легких полустертых следов от отпечатков кирпичей удалось установить его ширину — около 1 м. Вход в юго-западную караульню сохранился лучше. Ширина его 1,05 м, поперек входа с внешней стороны прослежен желоб от деревянного порога — массивного прямоугольного в сечении бруса, оба конца которого были закреплены в стене караульни. На сохранившемся в несколько рядов участке стены слева от входа осталась покрывавшая внешнюю и внутреннюю поверхности стены штукатурка. Это одна из редчайших находок в Саркеле, поскольку стены его практически всюду были разобраны до основания. Напомню, что в раскопках Н. И. Веселовского были обнаружены куски штукатурки, окрашенной в красный, зеленый и серый цвета [Артамонов, 1935. С. 10—11]. Это позволяет думать, что изнутри кирпичные оштукатуренные здания украшались росписями. На штукатурке в караульне, естественно, росписи не было и не могло быть, поскольку кусок стены от разрушен-

ного здания долгие годы стоял на поверхности открытым, а затем его использовали частично в качестве стены позднейшей постройки.

В больших караульнях у Главных ворот помещался, вероятно, крупный отряд, состоявший из отборных воинов, так как он охранял основной въезд в крепость. В каждой из них могло разместиться не менее 10—12 человек.

Другие ворота крепости (Речные) выходили прямо на берег реки. Они сильно отличались от Главных прежде всего размерами. Речные ворота, как и Главные, занимали одну из серединных башен, но при этом башня и величиной и формой идентична всем остальным серединным башням крепости (рис. 12). Пилоны Речных ворот в 1,5 раза, а проезд в 2,5 раза уже Главных, а это значит, что ширина пилонов всего 7 кирпичей, а проезда — 7—7,5 кирпи-

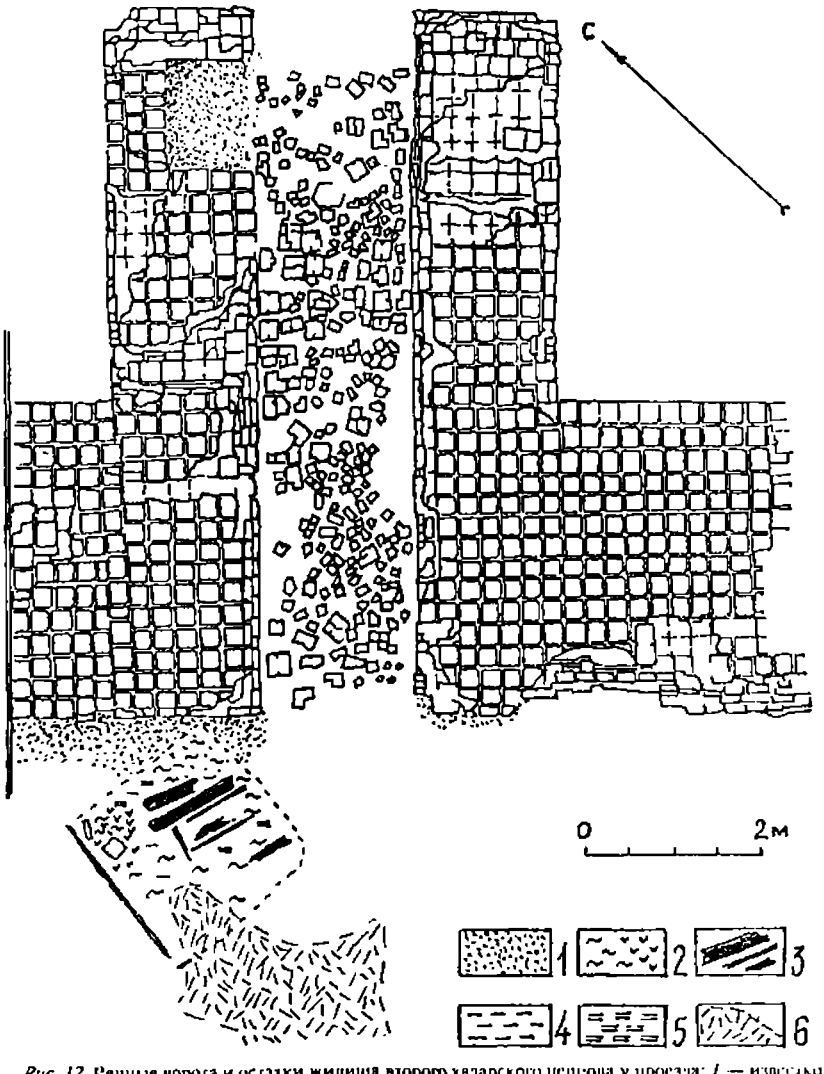
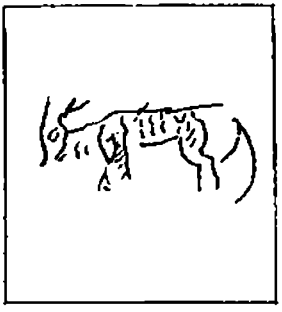


Рис. 12. Речные ворота и остатки жилища второго хазарского периода у проезда: *1* — известковая заливка; *2* — зола и угли; *3* — сгоревшие плахи; *4* — глина; *5* — обожженная глина; *6* — остатки мостовой белобережского времени

ча. В северо-западном пилоне, почти у самого края внешнего выхода из проезда, прослежена среди отпечатков кирпичей небольшая, покрытая известковой подмазкой площадка (1,2 × 1 м), являвшаяся, вероятно, полом ниши-сторожки, в которой находился дежурный воин гарнизона.

К сожалению, не сохранилось никаких следов воротных конструкций, находившихся скорее всего на внешнем краю проезда, там, где ровной линией кончалась кирпичная вымостка, покрывавшая всю поверхность проезда. Кирпичи вымостки уложены на слой извести довольно ровными рядами. За долгое время пользования проездом почти все они были разбиты, выщерблены и многие смещены с мест первоначальной укладки. Проезд был, как и все подобные сооружения, крытым, но, вероятно, а беловежское время башня Речных ворот была частично разобрана и проезд какое-то время функционировал в открытом виде. Это также способствовало разбитости вымостки в нем.

Перейдем далее к характеристике двух наиболее интересных комплексов раннего Саркела, сооруженных в крепости в первый период строительства, а следовательно, заранее спланированных до его начала.



Глава II
КАРАВАН-САРАИ

Постройки этих сложных комплексов занимают половину северо-западной части крепости. Они обозначены на опубликованном плане П. А. Раппопорта как здание I и здание IV [Раппопорт, 1959. Рис. 4].

ЗДАНИЕ I

Здание I расположено в углу, образованном крепостной юго-западной стеной и перпендикулярной ей внутренней стеной цитадели (южным ее отрезком). П. А. Раппопорт называл это здание "Г-образным", поскольку относил к нему только строения на северо-западной и северо-восточной сторонах. Однако здание следует рассматривать единым комплексом, состоявшим не только из Г-образно расположенных построек, но и из обширного "двора", примыкавшего к ним и ограниченного с двух других сторон стенами крепости и цитадели (рис. 13). Такой подход к комплексу позволяет интерпретировать его в качестве вполне благоустроенного караван-сарая. Он состоял из помещений для гостей (купцов), для их караванных животных и двора.

Помещения для гостей находились в северо-восточной части комплекса. В него входили пять комнат, небольшой отсек в восточном углу и проход на территорию двора. Сохранность всех помещений очень плохая: от них остались самые незначительные следы в виде отдельных участков отпечатков кирпичей, дающих, правда, общее представление о направлении стен. В двух-трех местах остались не выбранными кирпичи нижнего ряда, а в комнате 4 в позднюю яму завалился довольно большой блок внутренней стены. В комнатах 2, 4—6 и в проходе прослежены известковые полы, всюду сильно изрезанные поздними перекопами и ямами. Так, в комнате 2 сохранился только маленький кусочек пола в восточном углу, а в комнате 3 он был полностью срезан.

Несмотря на сильное разрушение, то, что осталось, дает возможность получить представление об этой части комплекса.

Толщина стен комплекса 3,5 кирпича, длина комнат одинакова — 5,5 м, а ширина различна — от 6,1 до 4,15 м. Перегораживающие стенки ставились строго перпендикулярно основным длинным внешним стенам, параллельно друг другу. Несмотря на разрушенность стен, в двух случаях удалось проследить места входов, обращенных во двор комплекса. Ширина входа в комнату 5 примерно 1,3 м. Никаких следов креплений двери не обнаружено, так как перекоп подходил вплотную к наружной стороне входа. В самом входе — на пороге была вырыта сравнительно небольшая овальная ямка, расположенная поперек входа. Размеры ее 0,9 × 0,6 м. Яма прорезает известковый пол. Глубина ее 1 м, дно плоское, стенки вертикальные, заполнение золистое. В нем на глубине 0,8 м обнаружены череп, шейные позвонки и нижняя челюсть женщины 35—40 лет (рис. 14, *а*). На дне ямы найдены сломанная берцовая кость и кости рук, поясничные позвонки, ребра, относящиеся к этому же скелету. Непосредственно под женским черепом на дно ямы был поставлен вверх

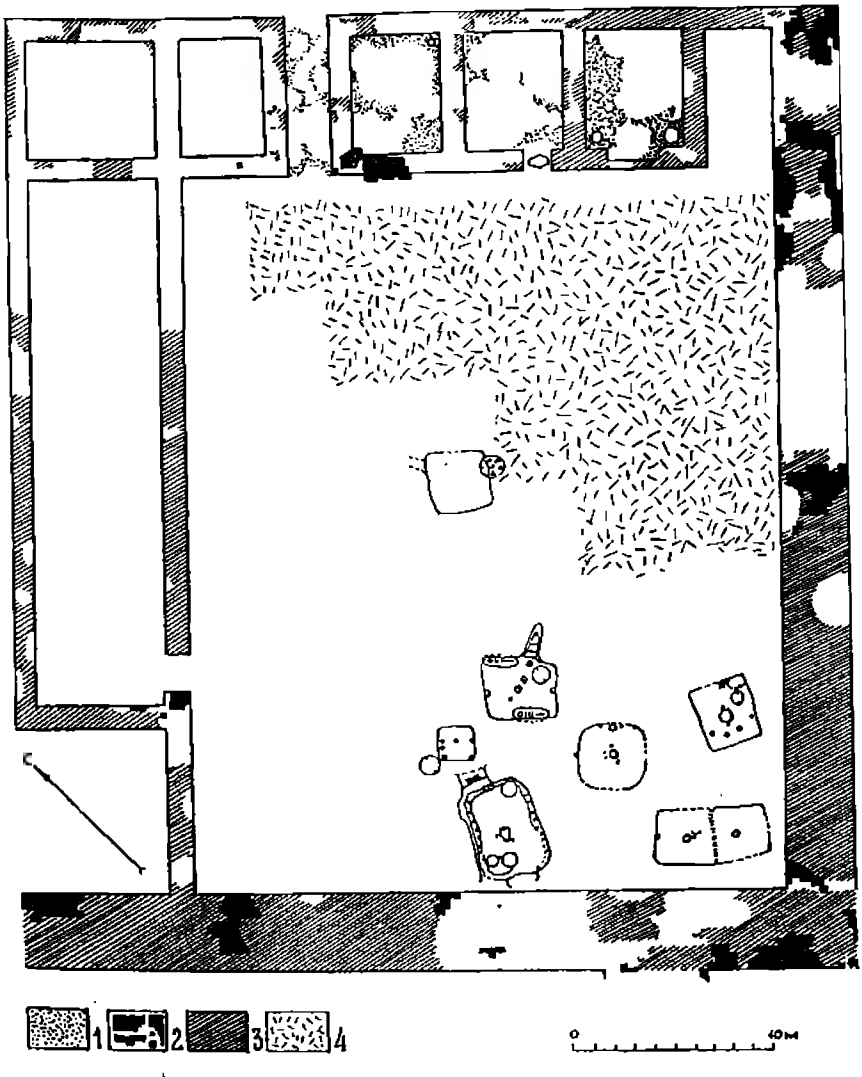


Рис. 13. Остатки караван-сарая I: *1* — известковая заливка; *2* — остатки кирпичных кладок; *3* — отпечатки кирпичей; *4* — нераскопанная часть двора

теменем череп ребенка 10 лет. Помимо останков скелетов в золистом заполнении обнаружены обломки хазарских горшков и сероглиняного кувшина. Состав находок характерен для самого раннего периода жизни крепости, что дает возможность считать яму синхронной караван-сараю. По-видимому, вырытая на пороге яма с захоронением разрозненных частей тела женщины и головой ребенка была ритуальным "сооружением", игравшим роль своеобразного "оберега" для обитателей помещения.

Вход в комнату 6 намного шире предыдущего. П. А. Раппопорт считал, что это углубление в стене было нишей в комнате. Однако раскапывавший это

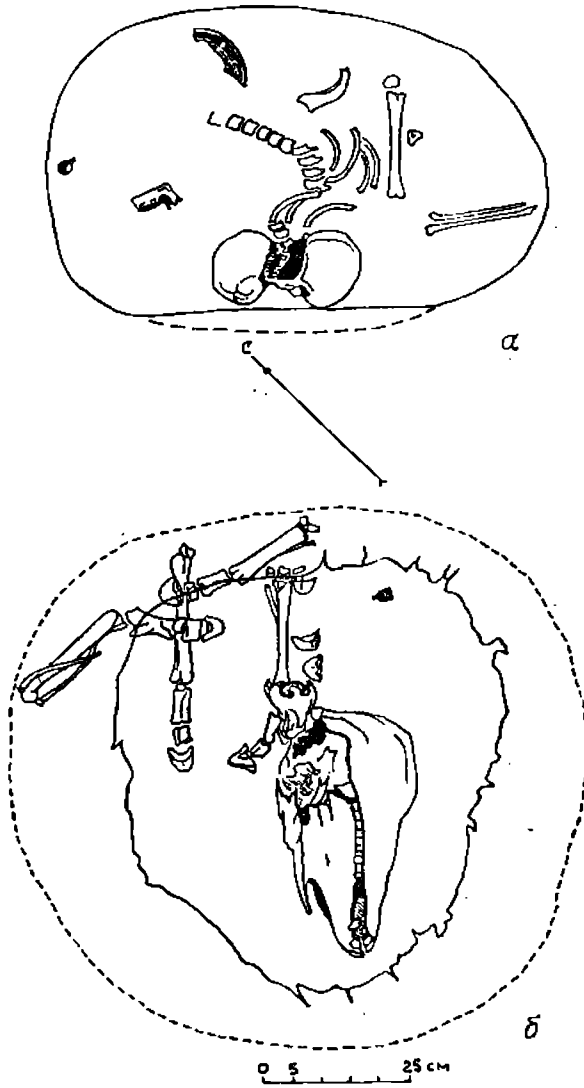


Рис. 14. Яма 53 на пороге помещения 5 (*а*) и яма 31 в углу помещения 6 (*б*)

помещение И. Г. Спасский уверенно писал в своем дневнике, что это был вход с порогом. Ширина порога, судя по отпечаткам кирпичей, равиялась 2 кирпичам.

Косвенным подтверждением расположения входа именно на месте "ниши" является и внутренняя планировка комнаты, которую отчасти удалось про-

следить благодаря довольно большим участкам сохранившегося в ней пола. По обе стороны входа в полу были вырыты две, очевидно, ритуальные ямы (см. рис. 13). Обе сооружены в период строительства, поскольку засыпаны были и затем перекрыты подмазкой пола. В южном углу помещена круглая яма, диаметр ее устья 0,77 м, дна — 1,12 м. Глубина 0,37 м, дно плоское, стенки ровные (см. рис. 14, *б*). На дне уложены повернутая мордой к юго-западу голова коня и кости двух передних ног, отчлененные по третий сустав. Кости задних ног помещены в яме немного выше. Останки коня обильно посыпаны углем, на полу под костями обнаружено бронзовое ботало с железным язычком. Поверх костей положили полкирпича, после чего в яму засыпали глину, а после ее усадки еще немного досыпали землей с примесью рыбьей чешуи, а затем снова досыпали слоем глины. Тем не менее пол все-таки осел в яму почти на 0,14 м.

Вторая яма находилась в западном углу комнаты. Пол тоже осел — сполз в яму и осыпался по краям. Диаметры устья и дна соответственно 0,5—0,62 м и 1,02 м, глубина в материке от пола 0,49 м. Верхний слой заполнения ямы — материковая чистая глина. Под ним обнаружен точильный брусок. Ниже яма заполнена зольно-угольным слоем с костями животных и рыб и обломками хазарских горшков. У самого дна слой коричневый рыхлый с примесью золы. В нем найдены обломки сероглиняного кувшина, куски извести, кости рыбы, птицы и кошки.

Ритуальный характер первой ямы не вызывает сомнений — кости коня с боталом, засыпанные углем, могли быть как закладной жертвой, так и близким по ритуальному смыслу "оберегом", охранявшим помещение от злых чар. То же можно, вероятно, сказать и о яме в западном углу, заполненной зольно-угольным слоем с разбитыми горшком и кувшином в нем и "запечатанной" также сначала глиной и затем покрытой слоем известковой заливки пола.

Золистое заполнение объединяет обе ямы с ямой, обнаруженной на пороге комнаты *5*.

Аналогичная яма, также относящаяся ко времени функционирования караван-сарая, обнаружена в восточном углу комнаты 4 (см. рис. 13). Она небольшая: диаметры устья и дна соответственно 0,33 м и 0,63 м, глубина 0,56 м. Заполнение насыщено углями и чешуей рыб. В нем найдено так называемое "горлышко бурдюка". Яма закрыта глиняной "пробкой", позднее осевшей в нее. Подмазка пола над ней отсутствует.

Между комнатой 6 и стеной цитадели оставлено небольшое пространство, возможно, тоже являвшееся гостевой комнатой, но более узкой. Пол в ней также был покрыт известковой подмазкой. Отсутствуют только следы стенки, отделяющей комнату от двора. В данном случае надо учитывать, что не менее 70 % площади этой комнаты уничтожено ямами. Особенно пострадала поверхность на участке, где должна бы находиться стенка с входом. Она могла быть деревянной или плетневой, обмазанной глиной или просто глинобитной. Если же такой стенки вообще не было, то назначение этого "закутка" неясно. Возможно, здесь помещалась лестница на второй этаж здания. Поскольку полы сохранились плохо, нельзя уверенно говорить о наличии или отсутствии отопительных сооружений в комнатах первого этажа. Они могли находиться и в жилых комнатах второго этажа, комнаты первого служили складами караванных товаров или помещениями для слуг.

Между комнатами 3 и 4 находился проход во двор караван-сарая. Ширина его 2,05 м, пол покрыт известковой подмазкой, что свидетельствовало, по мнению П. А. Раппопорта, о наличии над ним перекрытия (видимо, арочного).

Комнаты 2 и 3 особенно сильно разрушены, поскольку в них и на их развалинах были выстроены дома, которые в свою очередь были разрушены, и остатки их многократно перерезаны более поздними ямами. От комнаты 3 почти не осталось даже отпечатков кирпичей (только маленькие полустертые участочки) и совсем нет пола. Немного больше и лучше сохранились отпечатки стен, обрамляющих комнату 2, в восточном углу которой был прослежен даже кусочек пола.

К комнате 2 примыкает торцом большое длинное помещение, расположенное перпендикулярно к описанному и замыкавшее двор караван-сарая с северо-западной стороны. Сохранность его в части, примыкавшей к комнате 2, очень плохая — отпечатки кирпичей стерты и срезаны ямами на длину 5—7 м. Общая длина помещения 24,92 м. Две внешние стены его сложены, как и стены гостевых комнат, в ширину из 3,5 кирпича, только стена, обращенная внутрь двора, сложена на 4,5 кирпича. По отпечаткам кирпичей этой стены можно говорить о наличии в ней входа. Ширина его 1,85 м. Внутренняя поверхность помещения сильно изрезана ямами, но не сплошь. Тем не менее нигде не обнаружено даже небольших обрывков известкового пола. По-видимому, это позволяет сделать вывод о том, что подмазки пола здесь не было.

В восточных, в частности, среднеазиатских караван-сараях такие длинные помещения без полов предназначались для караванных животных. Они были неотъемлемой частью караван-сараев вплоть до XV—XVII вв. Иногда в раскопах удавалось обнаружить древний дневной слой аналогичных помещений. На нем лежали тонкие органические прослойки истлевшей травы, навоза, соломы [Немцова, 1983. С. 161]. В Саркеле такого слоя не могло быть, так как наслоения культурного слоя над ним, постоянный приток воды и воздуха, пронизывавшие культурные слои до материка, способствовали исчезновению этой тонкой, подверженной внешним воздействиям прослойки.

Таким образом, длинное помещение было второй необходимой в каждом караван-сарае составной частью. Третьей его частью являлся закрытый со всех сторон внутренний двор, по существу, бывший главной связующей все помещения площадью [Манылов, 1983. С. 130 и сл., рис. 2]. Двор очень большой — 33,8 × 27,2 м. На его территории раскопками вскрыто более полутора десятка разных построек (жилых, производственных, хозяйственных) и множество хозяйственных ям. Попытаемся выделить среди них постройки первого периода, синхронного наиболее активной жизни караван-сарая.

Стратиграфически к ним следует отнести остатки сооружений, которые, во-первых, врезаны в материк на всю глубину полуземляночного жилища (0,6—0,7 м); во-вторых, перекрыты слоями более поздних сооружений; в-третьих, сами не нарушают (не врезаются) никакие до них не существовавшие на данном участке строения. Этим условиям полностью отвечают пять жилых и производственных построек, расположенных в южном углу караван-сарая (см. рис. 13 и 15). Все они (каждое в отдельности) опубликованы в монографической статье В. Д. Белецкого, посвященной жилищам Саркела—Белой Вежи [Белецкий, 1959. С. 46—48, 51, рис. 4—6, 10]. В ней они по формальным признакам попали в разные разделы работы. Об их назначении и обосновании времени постройки говорится бегло, поскольку целью автора было создание типологической схемы всех открытых на городище жилищ и даже их почти полностью уничтоженных остатков. Материал, охваченный В. Д. Белецким, настолько обширен, что отразить его полностью с необходимыми подробностями в статье не было возможности. Поэтому нужно вернуться к более тщательному рассмотрению этих самых ранних саркельских комплексов и по возможности обосновать их хронологию и одновременность существования на данном участке.

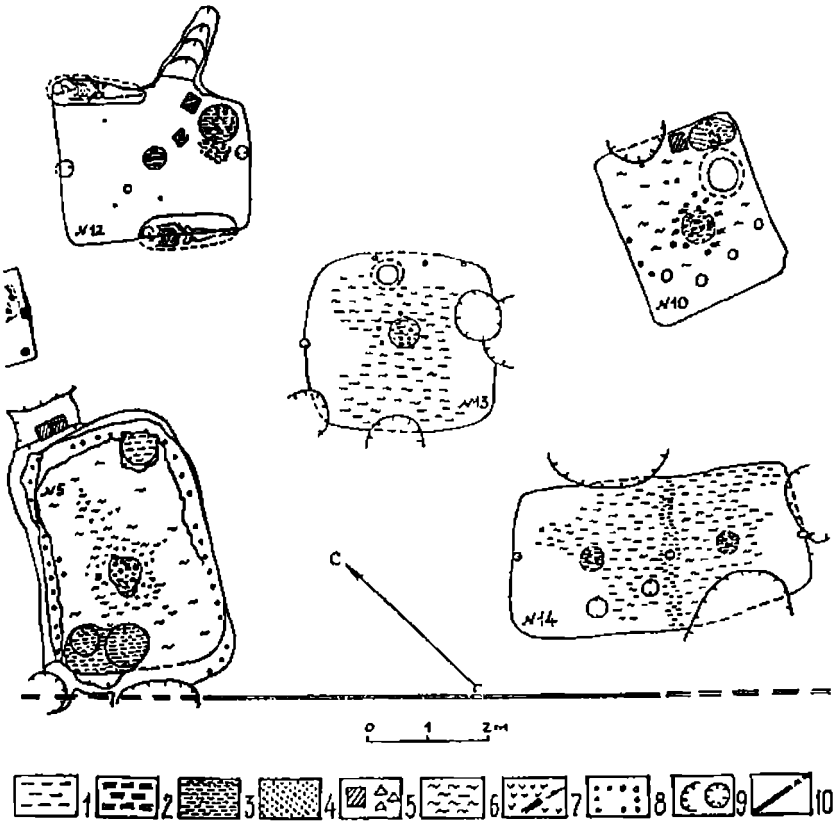


Рис. 15. "Курень" во дворе караван-сарая I: *1* — глина, *2* — обожженная глина; *3* — производственная зеленая глина; *4* — песок; *5* — кирпичи и обломки кирпичей; *6* — зола; *7* — угли; *8* — ямки от жердей; *9* — контуры поздних ям; *10* — линия юго-западной стены

Постройка 5

Котлован постройки прямоугольный в плане с сильно округленными углами. Размеры 4,75 × 3,5 м, ориентировка по длинной оси ССВ-ЮЮЗ, глубина от уровня материка 0,7 м. Материк здесь выше уровня отпечатков кирпичей ("0") на 0,1 м, поэтому глубина котлована от основания стены 0,6 м. Вдоль стен у дна прослежен бортик высотой 0,1 м, шириной 0,15—0,3 м, в котором хорошо выделяются 36 ямок от жердевой конструкции стен. Диаметр жердей 5 см, друг от друга они отстоят на 0,25 м, а от стенки котлована — на 0,1—0,16 м (см. рис. 15).

Вход находился в северо-восточной стенке — в виде "языка" выходил за пределы жилища, представляя собой лесенку из ступенек различной длины. На одной из них были уложены слегка углубленные в материк два кирпича, укреплявшие ее поверхность. Следует отметить, что кирпичи были вынуты из какой-то кладки, так как на их поверхности сохранились следы известко-

вого раствора. В полу котлована по обеим сторонам входа находились ямки от столбиков дверного проема, расстояние между ними 0,8 м.

Пол жилища хорошо утрамбованный плотный материковый, покрытый слоем гари. В центре пола находился очаг — овальная ямка с пологими сильно обожженными стенками, глубина его в полу всего 0,1 м, размеры 0,8 × × 0,55 м. Он почти до краев заполнен слежавшимся слоем золы, рассыпанной и по полу вокруг. С двух противоположных сторон от очага расположены две ямки от довольно толстых (диаметрами 0,1 м) столбиков, служивших основой приочажного устройства для подвешивания котла. Кроме того, по периметру очага было прослежено еще семь ямок от жердей меньшего диаметра.

В восточном углу жилища находилась конусовидная яма глубиной 0,7 м, диаметрами устья и дна соответственно 0,5 м и 0,9 м. Заполнение ее — рыхлая глина без находок.

Западный край пола слегка понижается, в углу расположены еще две ямы, объединенные общим углублением (0,3 м), на дне которого они были выкопаны. Первая яма диаметром 0,75 м и такой же глубины. Стенки ее вертикальные, обмазаны зеленой глиной, заполнение тоже состоит в основном из глины зеленоватого цвета, в которой попадались большие куски железного шлака (30 кусков). Вторая яма диаметром и глубиной 0,5 м также с вертикальными прямыми стенками, обмазанными зеленой глиной. Заполнена она такой же глиной, в которой обнаружены 15 кусков шлаков, 9 криц, обломки хазарских горшков и сероглиняных столовых сосудов, по одному обломку амфоры и кувшина тмутаракайского типа, а также кости овцы, быка, кабана и собаки. Углубление вокруг ям было забито зеленой глиной.

Заполнение самого котлована жилища золистое, пропитанное ржавчиной, изменившей обычный сероватый цвет заполнения на ржаво-коричневый. 250 обломков различных железных предметов, в том числе обломки серпа, ключа, напильника, мотыжки, копья, а также целые железные изделия: коса-горбуша, скобель, ботало, две мотыжки, тесло, наконечник стрелы. Помимо железных предметов заполнение было насыщено обломками различной керамики с явным преобладанием кухонных хазарских горшков (68) и сероглиняных столовых сосудов (с лощением и без него) — 148 обломков. Довольно много попадается также обломков тмутараканских кувшинов (90), а амфорных обломков очень мало — всего 8. Среди них выделяется дно амфоры IX в. с аккуратно подпиленными краями и двумя дырками для подвешивания. Судя по некоторой закопченности краев, обломок вторично использовался, вероятно, в качестве светильника. В заполнении находилось также большое количество костей животных (коровы, лошади, овцы, свиньи, собаки, кошки, зайца, лисы, барсука, кабана, бобра, разных рыб, их чешуя).

Среди всего этого мусора обнаружен разрозненный скелет женщины 35—40 лет. Череп хорошей сохранности лежал на затылке выше пола всего на 0,3 м, остальные кости, частично находившиеся в анатомическом порядке, обнаружены еще ниже, почти на полу у северо-восточной стены котлована.

Над заполнением котлована была выложена на уровне древней дневной поверхности небольшая кирпичная вымостка на растворе глины, немного осевшая в центре котлована. Кроме кирпичей котлован был дополнительно перекрыт слоем глины, также прогнувшейся к середине. Никаких следов пожара в котловане не обнаружено. Очевидно, жилище заброшено по иной причине. Разрушив его и тщательно заровняв котлован, на этом месте, спустя небольшое время, поставили новое жилище и вырыли новые хозяйственные ямы, датирующиеся, как мы увидим ниже, не позже первой половины X в. Вероятно, разрушенная и заровненная постройка 5 может быть отнесена к IX в. Состав находок в котловане подтверждает эту датировку.

Какие же выводы о строительных приемах и назначении этой постройки можно сделать, исходя из полученных материалов?

Прямоугольная, почти овальная из-за скругленных углов форма жилища в плане, жердевая конструкция стен, отсутствие специальной подмазки пола, форма открытого — тарелкообразного очага с характерным устройством для подвешиваиия над ним котла, расположеиие его в центре пола, отходивший в сторону почти от угла вход-спуск, ямы-хранилища, выкопанные в жилище, — все это признаки, типичные для жилых построек того времени на всей территории Хазарии. В этом типе явственно выступают черты кочевнического жилища — юрты. Особенно существенно расположение очага в цеитральной части пола, свидетельствующее о сохранившихся еще глубоких идеологических традициях почитания его как охраияющей и объединяющей силы дома и семьи [Плетнева, 1967. С. 58]. Есть и другие, сближающие это жилище с юртой черты: округлость очертанний в плаие, отсутствие подмазки пола (в переносной юрте делать ее не было необходимости), решетчатая (жердевая) конструкция стен. Жерди в этом и других подобных домах, естественно, покрывались не войлоком, как в юртах, а были каркасом для плетения, который с обеих сторон обмазывался глиной. Это была турлучиая конструкция, широко известная в среде степных азиатских иародов почти до иаших дней. Возможно, что зеленая глина в постройке 5, хранившаяся в ямах, служила в качестве зимнего запаса для подмазки образовавшихся в стенах и кровле от осеиних дождей и зимних ветров щелей и промоин. То, что вокруг ямок от жердей не сохранилось следов этой яркой подмазки, объясняется, вероятно, тем, что стены и крыша не рухнули, а были при разрушении жилища разобраны и не оставлены в котловане.

Таким образом, постройка 5 является типичным жилым комплексом, широко распространенным в степях среди осевших кочевников. Своеобразие се заключается в скоплениях шлаков и крид, в железных предметах и их обломках в ямах западного угла и в заполнении котлована. Все эти находки дают основаиие считать данное жилое помещеиие принадлежавшим кузнецу, видимо, не только жившему, но и работавшему в нем.

Наряду с крицами и железными предметами, предназиаченными для перековки, было обнаружено много кусков шлаков. Это может свидетельствовать о выплавке железа из руды здесь же, в помещении. То, что такие небольшие выплавки в домашних печах и обычных горшках осуществлялись даже в XII в. в Рязани, известно [Рыбаков, 1948. С. 210], но возможны ли они были в открытом очаге — трудно представить. Тем не менее единственным объясиением наличия шлаков в ямах представляется вероятность таких выплавок. К сожалению, других доказательств у нас нет, поскольку в котловане не обнаружено никаких следов специально оборудованного кузнечного горна (и тем более плавильного) или хотя бы просто сильно обожженного места в полу, где он стоял. Единственным местом, в котором явно горел довольно сильный огонь, был очаг. Видимо, он и играл роль горна. Возможно и иное предположение, высказанное С. С. Сорокиным [1959. С. 197]: на месте очага находился горн, который перед разрушением жилища полностью разобрали. Но археологических доказательств этого нет.

Не менее таинственным и неразрешимым остается вопрос о причинах, побудивших обитателей этого жилища оставить его и затем разобрать, тщательно засыпать, утрамбовать и покрыть глиняной подсыпкой. Необъяснимы и причины, по которым практически весь довольно богатый запас железа этой кузницы и даже некоторые готовые изделия были выброшены в заполнение котлована. Туда же были брошены и части расчлененного трупа женщины. Одной из вероятных гипотез, хотя и недоказуемых, является сакральность всех действий, связанных с разрушением кузницы. Известно, что работы "ог-

ненных производств" во все времена связывались с высшими потусторонними силами, а кузнецы считались колдунами или, во всяком случае, людьми, имевшими дело с нечистой силой. Очевидно, в данном действии, направленном против жилища, возникла необходимость предельно обезопасить себя от хозяина дома, от его производства, изделий и опасных "покровителей", что и было сделано. Женщина была убита в качестве искупительной жертвы, обезопасившей окружающих людей и место, на котором стояла кузница.

Постройка 10

Постройка прямоугольная в плане, размеры ее 3,2 × 2,7 м, по длинной оси ориентирована ССВ-ЮЮЗ (см. рис. 15). В материк котлован врезан на 0,6 м. Стенки его ровные, вертикальные, пол без подмазки. В центре пола находился очаг в виде неглубокой ямки с пологими краями, немного выпуклый к середине, диаметром 0,6 м; очаг и пол вокруг него сильно обожжены, а пол на всей площади постройки покрыт слоем золы. Никаких следов конструкций стен в котловане не обнаружено. Зато поверх слоя золы, покрывавшего пол, обнаружен слой глины и древесного тлена, бывших, видимо, остатками кровли этого жилища. Вокруг очага находилось несколько ямок от жердей обычного приочажного устройства. Юго-западнее очага прослежены в полу четыре ямки от довольно массивных столбов (диаметрами до 0,22 м). Они как бы отделяли перегородкой юго-западную часть постройки. Однако такая тяжелая перегородка вряд ли была необходима для небольшого помещения. Вероятнее, они служили опорой какого-то ложа или помоста, приподнятого над полом. Поскольку жилище служило также и гончарной мастерской, можно предполагать, что на этом помосте размещались горшки для просушивания перед обжигом. Такие сушильни, правда в специально оборудованных мастерских, были обнаружены в гончарном районе на Маяцком городище [Плетнева, Красильников, 1990. С. 92—139].

О том, что постройка принадлежала гончарам, свидетельствует прежде всего найденный на полу разбитый необожженный, но просушенный, сделанный на круге кувшин из зеленоватой глины. Обломки его обнаружены также в яме, выкопанной в восточном углу. Яма круглая, небольшая (диаметр устья 0,6 м, дна 0,9 м, глубина 0,65 м). Кроме обломков необожженного кувшина в ее заполнении были обнаружены обломки кухонного хазарского горшка и замечательная костяная шахматная фигурка слона с погонщиком на спине (рис. 16), датирующаяся VII в. и происходившая из Согда [Буряков, 1980].

Между ямой и очагом в полу находились две глубокие ямки от кольев, вероятно, осей гончарных кругов, а поблизости от них, рядом с ямой — углубление в полу (1 × 0,6 м), разделенное обломками кирпичей и камнями на две части: в одной находился запас зеленой глины, в другой — песка.

Вход в постройку находился, видимо, в северо-восточной стенке. Место входа прорезано большой поздней ямой, врезавшейся даже в пол жилища. У края ямы на полу жилища лежал кирпич, на котором были аккуратно поставлены два маленьких горшочка: обычный кухонный хазарский и лепной, неумело, грубо сделанный.

В плотно утрамбованном мусорном заполнении котлована обломков керамики было немного: они принадлежали только кухонным хазарским и сероглиняным столовым сосудам.

Жилище не сгорело, а было заброшено, разрушено и засыпано темным древним дерном с небольшой примесью окружающего культурного слоя. Поверх этой забутовки котлована не было насыпано глинистого нивелировочного слоя, и над котлованом какое-то время ничего не строили — он был перекрыт слоями уже белобережского времени. Именно к нему относилась и упомянутая выше большая яма, уничтожившая вход в постройку. О времени этой

Рис. 16. Орнамент на костяном "горлышке бурдюка" и костяной слон—шахматная фигурка

постройки можно судить по находкам в ней обломков керамики характерного для раннего хазарского слоя комплекса. В нем не было даже обломков тмутараканских кувшинов и тем более амфор. Очевидно, все это позволяет относить жилище к середине—второй половине IX в.

Была ли эта постройка жилищем или только производственным комплексом? Если признать, что "помост" на столбах был не ложем, а сушилкой, то

условий для жизни семьи в помещении не было. Жильем для гончаров мог служить расположенный рядом довольно обширный дом.

Постройка 14

Этот большой дом был поставлен в самом углу, образованном стеной крепости и упиравшейся в нее стеной цитадели, т.е. находился в наиболее защищенном от ветров и разных нежелательных вторжений участке двора (см. рис. 13 и 15). В плане котлован постройки четырехугольный с закругленными углами, размеры его 4,5—5,15 × 2,55 м, по длинной оси ориентирован СЗ-ЮВ. Глубина котлована в материке 0,35 м, стенки и пол неровные, пол материковый, без подмазки, вокруг очагов утоптан и из-за этого больше, чем у стенок, углублен. В полу обнаружено несколько ямок от довольно крупных столбов (диаметрами до 0,2 м), глубоко (до 0,3 м) врытых в пол. Два из них находились на середине торцовых стенок и поддерживали, вероятно, конек двускатной крыши, третий — в центре жилища, был дополнительной опорой длинного конька кровли и одновременно являлся существенной частью поперечной перегородки, разделявшей постройку на две части (комнаты). Кроме ямки от этого столба от перегородки осталась полоса оплывшей глины. Пол в обоих помещениях усыпан золой, не прослеживавшейся только на глине перегородки, благодаря чему ее и удалось заметить и зафиксировать.

В обеих комнатах находились очаги, расположенные в центре пола каждой. В северо-западной комнате очаг представлял собой круглое углубление, диаметром 0,35 м, глубиной 7 см, заполненное золой. Поверхность его была промазана глиной и сильно обожжена. Вокруг очага обнаружены ямки от жердей приочажного устройства. Очаг в юго-восточной комнате — такая же неглубокая ямка с пологими краями, обмазанная глиной, обожженная и заполненная золой. Однако жердевых ямок вокруг очага не было, возможно, он был только обогревательным, пищу готовили на нем не постоянно: котел или казан над ним не висел. Интересно, что и пол в этой комнате меньше утоптан — выше первого на 0,15 м. Создается впечатление, что первая комната была более "обитаемой", проходной; в перегородке, разделявшей комнаты, был проход, дверь которого закреплена на срединном массивном столбе.

Находок керамики в этом помещении на полу не было. У юго-западной стенки обнаружены только остатки корзинки (отпечатки переплетенных прутиков) диаметром 0,2 м. Дно ее выстлано камышинками.

Заполнение котлована глинистое, плотное, почти без находок (5 обломков керамики, костей животных совсем не было). Несмотря на малое количество разбитой посуды, набор ее характерен только для раннего хазарского периода Саркела: три обломка хазарских горшков, один — котла с внутренним ушком, один — сероглиняного сосуда.

Постройка, как и две предыдущие, не сгорела, а была оставлена и засыпана почти чистой материковой глиной (с небольшой примесью дерна, давшей заполнению сероватый цвет).

Западная часть засыпанного и заровненного котлована была перекрыта глинобитным полом наземного жилища, очевидно, позднего хазарского времени (см. раздел о Саркеле X в.). Над остальной частью постройки накопился довольно мощный слой (толщиной почти 1 м), забитый обломками посуды: тмутараканских кувшинов — 237, кухонных хазарских горшков — 134, лепных горшков — 76, амфор — 12, крин — 7 и обломков железа — 10. Здесь же, на уровне +0,33 м, была обнаружена монета Романа I, херсонского чекана (915—944 гг.). Монета и весь состав находок позволяют говорить о том, что постройка 14 была перекрыта слоем, образовавшимся еще в саркельский период (первая половина X в.).

Постройка 13

Котлован постройки почти квадратный с закругленными углами и немного "выпуклыми" стенками (см. рис. 15). Размеры его 3,25 × 3,15 м, глубина в материке около 0,7 м. Ориентировано жилище углами по сторонам света. Вдоль северо-восточной стенки в полу прослежены три ямки от жердей, возможно, являвшиеся остатками жердевой конструкции стен. По-видимому, жерди не всегда втыкались или вбивались в пол, а закреплялись вдоль стен котлованов каким-то иным способом, в частности, глиняной обмазкой. На середине северо-западной стенки вне котлована (в материке) находилась ямка от столба диаметром 0,17 м, на который опирался один конец конька кровли. Ямка на противоположной стороне не прослежена, так как была срезана более поздним перекопом.

Пол утоптанный материковый, покрытый золой. В центре его расположено тарелкообразное углубление очага диаметром 0,45—0,5 м. Вокруг него — четыре ямки от жердей приочажной конструкции. У северо-восточной стенки вырыта небольшая хозяйственная яма (диаметры устья и дна соответственно 0,4 м и 0,55 м, глубина 0,55 м).

Постройка 13 явно была только жилищем. Она не сгорела, а была разрушена, и котлован ее тщательно заровняли.

Заполнение котлована характерно для жилых комплексов: мусорная земля с большим количеством рыбьей чешуи, костей животных. Обломков керамики мало: один — хазарского горшка и один — лепного сосуда. Кроме того, в заполнении обнаружены обломки двух ножей, какого-то железного стержня и серединная костяная накладка на лук.

Поверх заполнения была выложена вымостка из кирпичей на глине. Жилище 13 синхронно остальным постройкам этого "гнезда".

Постройка 12

Постройка в плане слегка трапециевидная с немного закругленными углами (см. рис. 15 и 17). Размеры котлована 2,85 × 3,35 м, глубина его от уровня древней дневной поверхности 0,7 м. Помещение имело длинный вход (1,5 м), выступавший с северо-восточной стороны котлована в виде узкого спуска с четырьмя ступенями, нижняя из которых укреплена положением на нее кирпичом. Ориентирована постройка углами по странам света. На середине двух противоположных сторон (северо-восточной и юго-западной) в полу прослежены ямки от столбов, служивших стояками для конька двускатной крыши.

Пол утоптанный, без подмазки. В центре его помещен очаг — круглое тарелкообразное углубление диаметром 0,4 м с обожженными стенками, заполненное до краев золой и углями. В золе обнаружены обломки кухонного хазарского горшка с линейным орнаментом. С запада и востока от очага расположены две ямки. Одна из них круглая от довольно массивного (диаметром 0,12 м) столба, врытого в пол на 0,27 м. Вторая — квадратная в плане (0,21 × × 0,21 м), глубиной в полу всего 8 см. В дно ее вбит кол. Очевидно, обе ямки были остатками оснований гончарных кругов различных конструкций: первый круг опирался на глубоко врытый в пол столб, в котором и был закреплен центральный стержень круга; у второго стержень был вбит в материковый пол и закреплен в нем квадратным деревянным основанием (дощечкой). Около первой ямки на полу обнаружена часть гончарного необожженного сосуда с волнистым орнаментом (судя по составу глины — столового). В восточном углу поблизости со вторым кругом находилась яма диаметром 0,75 — 0,8 м и глубиной 0,4 м, заполненная зеленой гончарной глиной. Такая же глина была сложена и у ямы, а поверх этой кучи глины был насыпан крупнозернистый

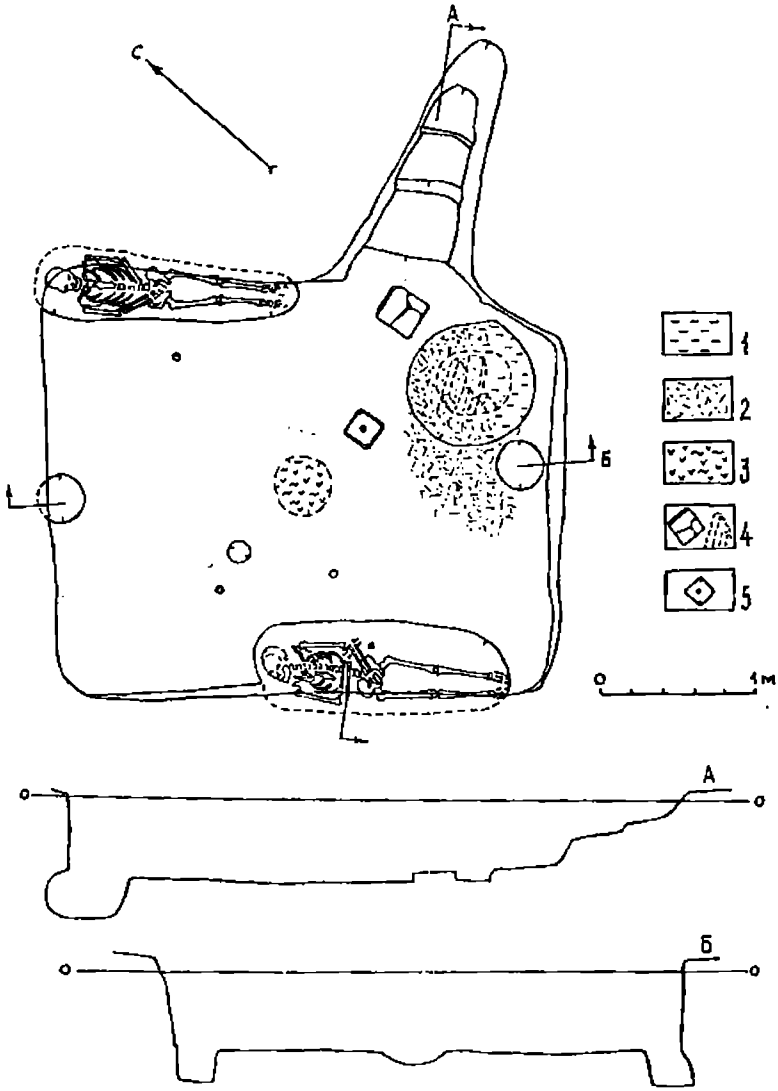


Рис. 17. Гончарная мастерская (полуземлянка 12): *1* — глина, *2* — глина и песок, *3* — уголь и зола; *4* — кирпичи; *5* — следы основания гончарного круга

темно-желтый песок. Все эти находки свидетельствуют, что в постройке, являвшейся и жилым помещением, находилась гончарная мастерская.

В западном углу в полу была вырыта еще одна яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,6 м. Ко дну она сильно расширяется (до 0,7 м). В яме обнаружен завал поставленных на ребро кирпичей. Назначение ямы, видимо, обычное — хозяйственное.

Вдоль северо-восточной и юго-западной стенок в полу обнаружены пятна вытянутой формы с закругленными углами. В стенках, соответственно пят-

нам, прослеживались невысокие и небольшие по глубине подбои. Северо-восточное пятно выделялось темным цветом засыпи, юго-западное было припорошено налетом золы, как и весь окружавший его пол. В обеих подбойных ямах были совершены погребения мужчин-европеоидов смешанного типа. Оба они метисы (вероятно, братья?): смешение распространенного в ту эпоху в восточноевропейских степях европеоида среднеазиатского междуречья (САМ) с переднеазиатским типом (ПА)*. Последним тогда мог быть семит, скорее всего не араб, а еврей, так как в IX в. в Хазарии иудейство стало официальной религией, а вместе с ним в стране появились и евреи. Возраст мужчин возмужалый, оба ориентированы головами на СЗ. С мужчиной в северо-восточном подбое вещей не было, а с мужчиной в юго-западном подбое положили два ножа в деревянных ножнах, бронзовый пинцет и крючок, на поясничных костях обнаружена бронзовая пряжка от пояса, а на дне могилы между бедренными костями сохранился отпечаток тонкой полотняной ткани.

По-видимому, захоронения были произведены не одновременно: юго-западное совершено раньше — оно успело "запылиться". После второго захоронения в жилище уже не жили и не работали. Затем помещение было оставлено и засыпано мусорным слоем, забитым рыбьими костями и чешуей. Находок в заполнении мало: донце кухонного хазарского горшка, перстень со вставкой, железный клевец и обломки псалия, молотка, ножей.

Поверх этого заполнения котлован засыпан глиной, слой которой был слегка утрамбован.

Итак, все пять описанных выше построек были явно самыми ранними открытыми в раскопанной части двора производственно-бытовыми комплексами. Они объединены хронологически в единую группу единовременностью их возникновения и общностью прекращения существования. Ни одно из жилищ не сгорело: все были оставлены, видимо, разобраны и затем тщательно засыпаны и заровнены.

То, что все жилища синхронны и относятся ко времени не позже второй половины IX в., подтверждается их типологической близостью между собой и с постройками, в настоящее время хорошо изученными на других памятниках салтово-маяцкой культуры.

Общность и единовременность этой группы ранних построек подтверждается также взаиморасположением их на занимаемой, сравнительно небольшой площадке: продуманной планировкой этого "гнезда" по древнему, принятому в степях обычаю — куренем [Плетнева, 1967. С. 69]. Весьма емкое, хотя и краткое описание такого построения дал в XIII в. Рашид ад-Дин: "В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно (располагалось) наподобие кольца, а его старейшина находился в середине (этого) круга, подобно центральной точке; это и называли курень" [Рашид ад-Дин. 1952. С. 86]. Такое построение несомненно имеет глубокие идеологические корни, связанные, по-видимому, с космической символикой (культами солнца и неба). В средневековье этот древнейший пласт верований при планировке поселков уже не был решающим. Тогда важнее было учитывать компактность и защищенность таких "гнезд" от посторонних вторжений и, кроме того, существенную роль играло помещение жилища главы "гнезда" в центре, что подчеркивало его руководящую функцию в данном обычно небольшом коллективе.

Наиболее близкой территориально, хронологически и культурно аналогией саркельскому куреню является планировка центральной части поселения на Правобережном Цимлянском городище [Плетнева, 1964. С. 133—140]. Там в

---

* Антропологические данные и подробные описания этих погребений см. в статье О. А. Артамо-

курень входило восемь юртообразных жилищ — семь по кругу и одно (большое) в центре.

Саркельский курень состоял из пяти полуземлянок, весьма близких типологически, несмотря на бо́льшую заглубленность, к юртообразным жилищам. Одна из них стояла в центре, четыре — вокруг, образуя как бы крест, ориентированный концами по странам света. На северном и восточном концах располагались гончарные мастерские, на западном — кузница, на южном — двухкомнатное жилище. Центральная постройка тоже была жилой. Она несколько отличалась от других округлостью формы, но в остальном — ни размерами, ни устройством, ни составом керамических находок — не выделялась от них. Может быть, не случайно в ее заполнении найдены накладки лука? Глава этой семьи мастеров, занявших участок во дворе караван-сарая, мог быть одним из обосновавшихся в Саркеле воинов.

В курень Правобережного городища кроме юртообразных жилищ входили и некоторые другие сооружения, в частности, хозяйственные ямы. То же прослежено и в саркельском курене. Здесь явно ко времени первичной застройки относился небольшой, облицованный деревом погреб, размещавшийся между северной гончарной мастерской и кузницей (см. рис. 13). Погреб квадратный (со сторонами 1,6 м), ориентирован углами по сторонам света. Первоначальная глубина его равнялась примерно 1 м, но две трети стенок погреба были срезаны перекрывавшей его более поздней постройкой, тоже врезанной в материк. Стенки погреба облицованы тополевыми плахами, пол материковый, без подмазки. В нем прослежены ямки от пяти столбиков. Два из них находились в западном и южном углах погреба, три — отделяли узкую (всего 0,6 м) северо-восточную часть от основной площади, в то же время они, как и угловые, служили подпорками облицовочным плахам и кровле. В восточном углу в полу прослежено прямоугольное углубление (0,7 × 0,55 м), в котором находились остатки ивовой корзины. Пол погреба покрыт слоем гари: постройка погибла в огне — все деревянные части обуглены или полностью сгорели. На полу помимо корзинки обнаружен разбитый светильник с отбитой ножкой.

Заполнение погреба удалось, естественно, проследить только в нижней его части. Находок в нем мало: обломки мисочки с линейным орнаментом, пифосообразного горшка с так называемым "витым" венчиком (с косыми глубокими вмятинами) и железный перержавевший стержень.

Одновременно с погребом существовала и расположенная у его западного угла хозяйственная яма (31). Глубина ее от уровня материка 0,8 м, диаметры устья и дна соответственно 0,9 м и 1,3 м (яма конусовидная). Заполнение нижней части глинистое с большим количеством угля, что сближает ее с погребком — они сгорели, видимо, вместе. Верх ямы заполнен мусором с малым количеством обломков керамики: 5 — тмутараканских кувшинов, 2 — амфор, 5 — хазарских горшков, а также 10 криц, попавших в нее, вероятно, из расположенной рядом кузницы.

Северо-восточнее куреня (см. рис. 13), примерно на 8—9 м, находилась, видимо, синхронная ему квадратная небольшая полуземлянка (2,75 × × 2,75 м), углубленная в материк на 0,5 м. Стенки и пол ее тщательно заглажены, пол утоптан, без подмазки. Никаких остатков или следов конструкций стен и кровли не сохранилось. У северного угла прослежен отходивший от котлована "язык" входа, углубленного в материк у края котлована на 0,2 м и постепенно сходившего на нет. Длина его около 1 м, ширина 0,65 м.

В юго-восточную стенку котлована врезана яма диаметром 1,15 м, в которой обнаружен завал камней и кирпичей, перемешанных с золой и частично закопченных. Возможно, это остатки разрушенной печи типа камина. Такие выносные за пределы помещения печные устройства известны на многих поселениях западных степных и лесостепных районов [Comsa, 1978, С. 41,

рис. 27; Плетнева, 1992. С. 53—54, рис. 26], но в Саркеле и вообще в донских степях они не были распространены. Сохранность печи настолько плоха и необычна, что говорить о ее конструкции нельзя, в поле она исследовалась как обычная яма. В завале камней и золы в этой яме были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов и хазарских горшков.

Эта постройка, как и полуземлянки куреня, погибла не от пожара, а была оставлена, засыпана грунтом и утрамбована сверху (вместе с печной ямой) слоем материковой глины. Этот факт позволяет сближать ее хронологически с куренем.

В заключение следует остановиться на существенном для истории крепости вопросе о встречавшихся почти в каждой постройке кирпичах. Причем все они несут на себе явные следы использования в кладках: на их поверхностях всюду хорошо видны остатки известкового раствора. Это является очевидным свидетельством начала разборки отдельных кирпичных сооружений Саркела почти сразу же после их постройки. Не исключено, что в тот ранний период они играли роль в первую очередь сакральную, служили "оберегами" от злых чар. Находились они, как правило, в местах, нуждающихся в охране, — у входов на порогах, в погребках, ямах. Видимо, хазарский каган, несмотря на принятый им самим и государством иудаизм, оставался по-прежнему сакральным главой в государстве и принадлежавшие ему кирпичные постройки обладали, в представлениях хазар, мощными защитными средствами. Точно так же укладывались кирпичи, вынутые из кладок Саркела в жилищах Правобережного городища и Карнаухова [Плетнева, 1993. С. 63; Ляпушкин, 1958б. С. 314].

Возникшее на территории двора караван-сарая "гнездо" принадлежало, вероятно, семье, жилище главы которой было поставлено в центре, а остальные ее члены разместили свои мастерские и жилища крестообразно вокруг. Известно, что при караван-сараях, в частности в Средней Азии, появились сопровождавшие их ремесленные мастерские, обычно гончарные, ювелирные, кузнечные [Немцова, 1984. С. 162]. Характерно, что их нередко ставили во дворах, под защитой и покровительством содержателя караван-сарая. Таким образом, саркельское "гнездо" отнюдь не было исключительным явлением. Существование его внутри караван-сарая свидетельствует, во-первых, о развитости самого института караван-сараев в Хазарии и, во-вторых, о сложении в этом государстве ведущих ремесел — кузнечного и гончарного.

ЗДАНИЕ IV

Не меньший интерес представляет и так называемое здание IV или "длинное" (см. рис. 5 и 18). Оно расположено поперек северо-западной территории крепости, отделяя от нее большой замкнутый прямоугольный участок, с юго-востока граничивший со стеной описанного выше караван-сарая. С северо- и юго-запада этот участок ограничен стенами крепости. Размеры его 73 × 48 м (более 3500 м^2); исследована только примерно четвертая часть этой обширной площади — западный угол и "длинное здание", полностью входившее во внутреннее пространство участка. Несмотря на недостаточную изученность, аналогия с первым караван-сараем позволяет считать "длинное здание", разделенное на отдельные помещения, основным гостиничным комплексом второго саркельского караван-сарая. Замкнутое пространство перед фасадом этого здания было внутренним двором, вход в который находился в стене, являвшейся внешней стеной караван-сарая с северо-востока. Эта стена одним концом упиралась в угловую башню цитадели, другим — в северо-западную стену крепости.

"Длинное здание" состояло из пяти больших прямоугольных комнат (от-

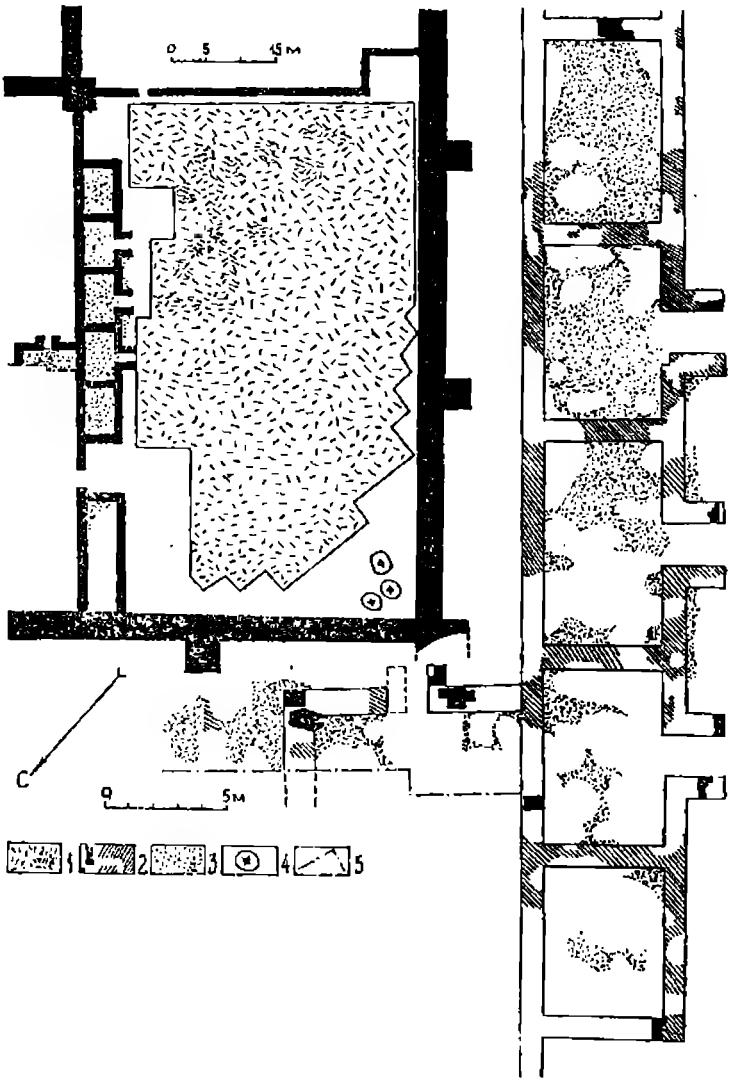


Рис. 18. Остатки караван-сарая II: *1* — нераскопанная часть двора; *2* — следы кирпичных построек (отпечатки кирпичей и редкие остатки кладок); *3* — известковая заливка; *4* — жилища с очагом в центре; *5* — линия края раскопа

разные. Самой крупной была центральная (длина 8,47 м). Вход в нее вел со двора и, в отличие от входов в комнаты первого караван-сарая, был снабжен кирпичным тамбуром или порталом длиной 2 м, шириной 1,6 м. По обеим сторонам этой комнаты расположены две другие, длина которых 7,2 м и 7,39 м. Обе также имели аналогичные предыдущему тамбуры, немного более широкие. Длина двух крайних, симметрично расположенных по обеим сторо-

нам здания помещений мало отличалась от двух соседних с ними (7,45 м и 7,35 м), но оба они "бестамбурные", т.е. внешних выходов во двор у них не было. Как бы там ни было, но, вероятно, здание с фасадом, снабженным в средней части тремя порталами, выдвинутыми за линию фасадной стены, а также гладкими (без входов) "крыльями", выглядело весьма эффектно. Во всяком случае, можно говорить о стремлении строителей сделать постройку красивой. Пол во всех комнатах был покрыт известковой заливкой, сохранившейся, как и сами стены, очень плохо, особенно в северо-западных помещениях.

Вход во двор и помещение для скота сильно отличался от первого караван-сарая. Он представлял собой просто дверь во внешней стене шириной около 1,5 м. Дверь вела в открытый проход — довольно широкое помещение, ограниченное с одной стороны стеной гостиничной комнаты, с другой — стеной длинного помещения для скота. Последнее выстроено было немного позже основных помещений караван-сарая в углу, образованном стеной караван-сарая и крепостной стеной. По существу, к двум уже стоявшим стенам были чуть позже (из кирпичей 27 × 27 и на менее качественном растворе извести) пристроены еще две стены: короткая — перпендикулярно стене караван-сарая и длинная — параллельно этой стене. Сохранность этой постройки очень плохая. Почти полностью стерты даже следы отпечатков кирпичей. Остался в виде нескольких рядов кирпичей только южный угол пристройки.

Таким образом, представляется очевидным, что данный комплекс построек с помещениями для гостей, для караванного скота и закрытого двора также был караван-сараем. Следует сказать, что помещения для гостей здесь были очень большими, но, вероятно, нижние этажи были складскими, а сами караванщики размещались на втором этаже.

Оба караван-сарая, по-видимому, были синхронны и тесно связаны друг с другом: проход соединял второй караван-сарай с площадкой перед входом в первый, на которую попасть можно было только через двор второго караван-сарая или из цитадели.

К стене второго караван-сарая снаружи было пристроено во второй период стройки еще одно здание. Исследовать его полностью не удалось. Были открыты только следы юго-восточной стены с входом и восточный угол с частью северо-восточной стены. Выяснена ширина пристройки — 7,6 м, стены ее были массивными (4,5 кирпича), а довольно широкий вход (1,5 м), как и входы гостиничного здания, снабжен тамбуром (порталом). Какую роль играла эта крупная постройка, являлась ли она частью караван-сарая или функционально не была с ним связана, осталось невыясненным.

Фактически почти не исследована и громадная территория двора караван-сарая. Тщательному археологическому изучению был подвергнут только участок в его западном углу — примерно 250—260 м^2. В этом углу были поставлены расположенные компактным, вписанным в угол "гнездом" три жилые постройки (рис. 19).

Котлованы всех трех жилищ врезаны в материк и перекрыты более поздними сооружениями. Это и дает стратиграфическое обоснование относительной датировки данных жилых построек.

Описания жилищ, их планы и взаиморасположение даны В. Д. Белецким [1959. С. 42—45, рис. 2 и 3]. Казалось бы, нет смысла вновь возвращаться к их рассмотрению, однако некоторые уточнения, появившиеся в процессе повторного изучения материалов, требуют более подробной публикации данных об этих комплексах.

Наиболее сохранившимся из них является котлован жилища, обозначенно-

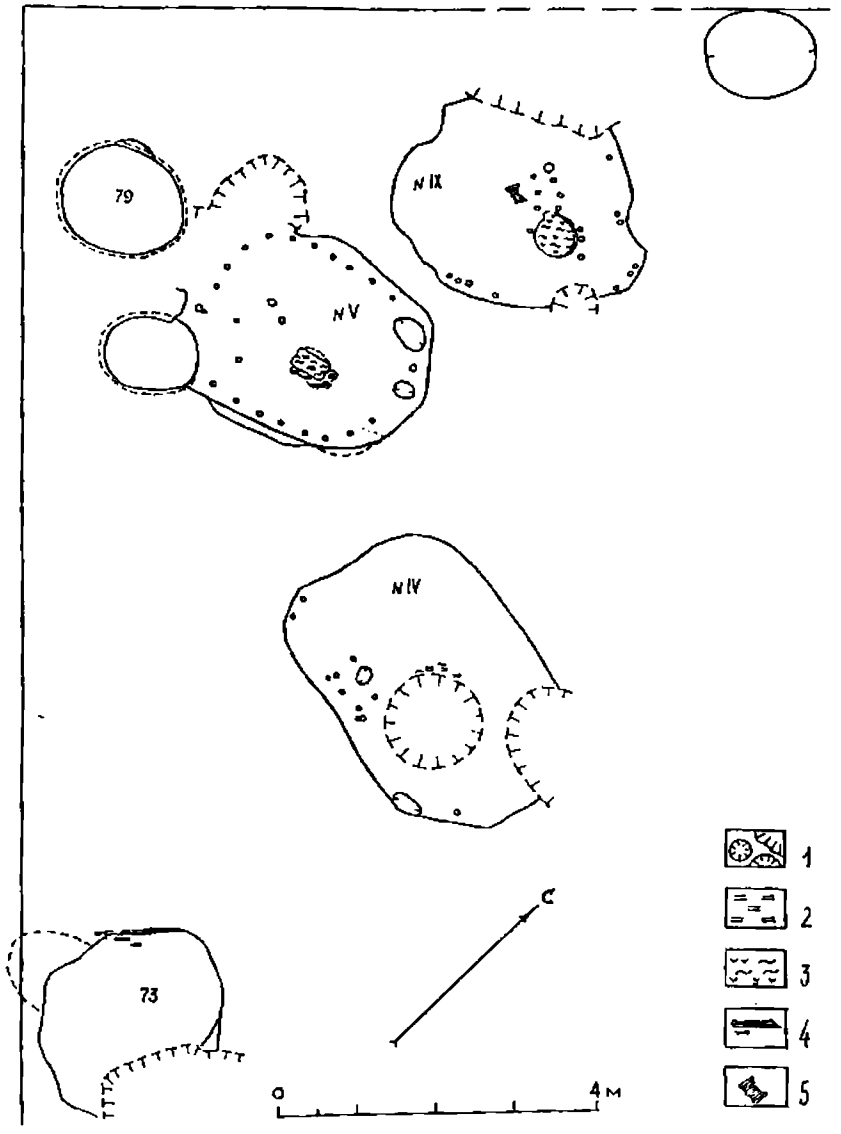


Рис. 19. Жилища в западном углу караван-сарая II: *1* — контуры поздних ям; *2* — обожженная глина; *3* — зола и угли; *4* — обгоревшие куски досок; *5* — обломок хазарского горшка

оси В-З. Западная сторона котлована разрушена перекопом, но расположение стенки прослеживается благодаря ямкам от вбитых в пол вдоль нее жердям. Аналогичные ямки прослежены по всему периметру котлована, всего их 20, расстояние между ними 0,25—0,3 м. Ямки расположены не вплотную к стенкам котлована, поэтому размеры котлована и внутреннего пространства жилища различны — 3,4 × 2,5 м и 2,75 × 2,1 м. У северо-восточной стенки котлована в полу (в ряду с жердевыми) находились две овальные крупные ямки,

видимо, от столбов или плах, но, поскольку разрезов этого котлована не сохранилось, судить об их назначении мы не можем.

Пол без подмазки, сильно утрамбован, что дало впечатление глинобитного его покрытия. В центральной части помещен прямоугольный в плане очаг (0,5 × 0,3 м), глубиной 0,2 м. Поверхность его сильно обожжена, он заполнен золой. Пол вокруг очага тоже местами обгорел.

В южной части пола выявлены четыре жердевые ямки, вероятно, от вбитых в пол ножек какой-то "мебели".

С северо-западной стороны к котловану примыкает полукруглый выступ-ниша диаметром 1 м. Очевидно, это была "пристройка", характерная для жилищ салтово-маяцкой культуры. Однако с полной уверенностью связывать этот полукруглый выступ с жилищем в данном случае трудно, так как именно с этой стороны край котлована перекопан. Частью перекопа могла быть и врезавшаяся в котлован "ниша".

Заполнение котлована — плотно утрамбованная серая глинистая земля с прослойками глины, образовавшимися, возможно, в результате посезонно разрушавшейся глиняной обмазки стен заброшенного жилища, имевшего плетневые, обмазанные глиной стены.

В заполнении обнаружены обломки хазарских горшков, один обломок лощеного сосуда, обломки кувшинов тмутараканского типа, много железных проржавевших пластин неясного назначения. Наиболее яркой находкой в этом жилище было так называемое "горлышко бурдюка" с процарапанной на нем сложной композицией гор, оленя, птиц и деревьев (см. рис. 16). Картина несет большую смысловую "нагрузку". Изображены олень, скачущий по горам, древо жизни, вырастающее из гор, крестовидный цветок над ним, крестообразная фигура (второе древо?) с сердцевидными окончаниями, из которых нижнее опирается на рога оленя, а на верхнем сидит птица. С двух сторон она обрамлена спускающимися на длинных полосах-лентах цветками или косыми крестами. Еще две явно хищные птицы, охотившиеся или, наоборот, охранявшие оленя, изображены у его хвоста и рогов. Все эти рисунки несомненно связаны друг с другом в единое целое какой-то легендой, широко известной в степях в то время. Не исключено также и более глубокое идеологическое содержание этих изображений — символов окружающего мира*.

Никаких следов пожара, в котором могло бы погибнуть жилище, в котловане не обнаружено. Оно было просто заброшено и через некоторое время засыпано и заровнено для последующего строительства.

Рядом с этим жилищем, на расстоянии немногим более 1 м от его восточного угла, расположено было, очевидно, одновременное ему жилое сооружение № IV (по Белецкому — № 64). Форма его котлована в плане почти прямоугольная с сильно округленными углами. В материк котлован углублен на 1 м, размеры его 3,9 × 2,25 м, ориентация по длинной оси В-З. От деревянных конструкций в котловане в юго-восточном углу прослежена яма от массивного столба или плахи и несколько разбросанных по периметру жердевых ямок. Пол без подмазки, в его центре находился, видимо, открытый очаг, от которого сохранился только участок обожженного пола. Сам он уничтожен поздней ямой, прорезавшей не только заполнение котлована, но и его пол. К юго-западному углу прирезано трапециевидное углубление шириной 0,5 м, глубиной 0,25 м. Возможно, здесь находился вход в помещение: входы в жилищах салтово-маяцкой культуры нередко помещались в углах.

Заполнение котлована аналогично предыдущему — светло-серое, глинистое. Правда, в этом котловане не было глиняных прослоек. Это, вероятно,

---

* Очень удачное толкование сложнейшего изображения на аналогичном предмете, обнаруженном на городище Маяки, весьма убедительно дано В. Е. Нахапетян (1994. С. 114—116, рис. 5).

означает, что не было периода саморазрушения уже заброшенного жилища. Находок в заполнении мало — всего несколько обломков керамики и гвоздей.

Третье жилище находилось к северу от первого, на расстоянии 1 м от северо-западной стены крепости. На плане оно обозначено № IX (по Белецкому — № 59). Степень углубления его в материк не превышала 0,5 м. Размеры котлована 3,35 × 3 м, в плане он овальный, по длинной оси ориентирован, как и два предыдущих, В-З. Пол материковый, сильно утоптанный. Очаг располагался в середине пола, он обычный — тарелкообразный, диаметр его 0,55 м, поверхность обожжена и покрыта золой. Вокруг очага и по всему полу разбросаны жердевые ямки, 10 из них — вдоль стен котлована, что свидетельствует о жердевом каркасе стен данного жилища.

Заполнение котлована плотное, глинистое, без находок.

Забивка глиной котлованов свидетельствует о серьезной перепланировке этого участка двора в последующее время. Ясно, что все три, одинаково ориентированные, засыпанные аналогичным по составу грунтом постройки были построены и засыпаны одновременно.

Основной исследователь этого участка городища А. Л. Якобсон считал возможным сделать вывод о "докрепостной" постройке этих жилищ, поскольку их ориентировка не соответствовала крепостным стенам. Однако против этого свидетельствует расположение построек относительно стен. Котлованы были вырыты с учетом уже стоявших стен на расстоянии не менее 1 м от них: треугольное в плане гнездо жилищ было точно "вписано" в угол крепости. Это сближает его с гнездом построек первого караван-сарая.

Впрочем, сходство двух гнезд построек не ограничивается их размещением у крепостных стен. Очень выразительна типологическая близость полуземляночных построек с каркасными стенами, полом без подмазки, открытыми очагами в центре, а также аналогичность их уничтожения: все восемь были заброшены, разобраны, а их котлованы засыпаны и заровнены.

Отличие же между гнездами построек заключается в том, что в первом караван-сарае оно принадлежало ремесленникам, а во втором состояло исключительно из жилых полуземлянок. Жители, которым разрешили строиться и жить в караван-сарае, были, вероятно, необходимой для гостиничного комплекса обслугой. Поселили их, естественно, поодаль от комнат, занимаемых гостями, хотя, поскольку площадь двора почти не исследована, говорить о том, что здесь было только одно жилое гнездо, вряд ли правомерно. На большом дворе их могло быть несколько.

***

Итак, принадлежность кирпичных внутрикрепостных построек северо-западной половины Саркела двум караван-сараям представляется весьма вероятной. Трехчастность комплексов (собственно гостиница, помещение для караванных животных, закрытый двор), а также возникновение в одном из них ремесленных мастерских являются основаниями, позволяющими именно так интерпретировать оба комплекса.

Следует отметить, что планировка саркельских караван-сараев, сооружение которых относится к первой половине IX в., довольно сильно отличалась от открытых исследователями караван-сараев Средней Азии, датирующихся XI—XIV вв. Очевидно, караван-сараи Саркела самые ранние из известных нам, что делает их особенно интересными для изучения формирования архитектуры сооружений этого рода и назначения. В IX в. они, как мы видели, не вполне оформились и здания караван-сараев только еще начали приобретать ту законченную форму замкнутых четырехугольников, которую они получили в дальнейшем.

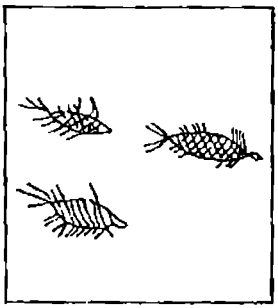
Впрочем, первый караван-сарай близок к среднеазиатским, только по-

стройки в нем окружают двор не с трех сторон, как в позднейших караван-сараях, а с двух. Для создания замкнутости двора использованы две сходившиеся углом крепостные стены, к которым помещения караван-сарая были Г-образно пристроены.

Планировка второго караван-сарая значительно меньше напоминает "классическую", так как помещения для гостей расположены в нем вдоль одной стороны двора, остальные ограничены стенами крепости и первого караван-сарая. При этом, судя по тем данным, которые дошли до нас, этот двор был проходным: только через него можно было попасть на участок перед входами в первый караван-сарай и цитадель.

Строительство внутри крепости двух гостиниц, занимавших почти четвертую часть всей ее площади, означает, очевидно, что одной из основных функций крепости являлась охрана торговых караванов, проходивших через Саркел.

Существенно, что торгово-перевалочное назначение Саркела было спланировано с самого начала строительства. Об этом можно судить прежде всего по тождеству строительных материалов, из которых сложены стены караван-сараев и оборонных стен крепости. Все строения караван-сараев отличаются четкостью линий, точностью прямых углов, правильностью принятой ориентировки, что также объединяет их со всеми основными постройками крепости. Правда, можно предположить, что второй караван-сарай стал функционировать немного позднее первого. "Длинное здание" первоначально было задумано, вероятно, не как составная часть гостиницы. Его симметричная строгая планировка, украшение фасада порталами, расположение почти в центре северо-западной половины крепости — все как-нибудь говорит о его "парадном" назначении, не имеющем ничего общего с более простыми гостиничными "номерами" караван-сараев. Недаром вначале рядом с ним даже не было выстроено помещение для караванных животных — его достроили тогда, когда стало ясно, что одним гостиничным комплексом не обойдешься, нужен второй и причем более обширный караван-сарай. Функциональная переориентировка и достройка происходили, видимо, в период еще не оконченного строительства, поэтому говорить о какой бы то ни было (самой малой) хронологической разнице между двумя караван-сараями или просто о небольшой разнице начала их существования в настоящее время невозможно.



Глава III
У ПОДНОЖИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СТЕНЫ

Прежде чем обратиться к характеристике данных о позднем Саркеле, необходимо представить и интерпретировать материалы, относящиеся к периоду, предшествовавшему описанному в предыдущих главах, а именно ко времени строительства крепости.

Самые ранние материалы городища были обнаружены вдоль внешней стороны юго-западной стены, на сравнительно узкой полосе между стеной и рвом. Ширина полосы 8—10 м, а длина занятого ранними сооружениями участка 60 м — он тянется вдоль стены между башнями западной угловой и "В" (см. рис. 5).

Все ранние комплексы, как правило, врезаны в материк, и нередко пятна их котлованов начинали прослеживаться даже ниже уровня подошвы стены ("0") примерно на 0,2—0,3 м. И только редкие из них частично заходят в перекрывавший материк гумусированный слой. Однако последний перекрывает не разрушившиеся постройки, а в большинстве случаев уже подзатянувшиеся их котлованы, нередко даже специально засыпанные и утрамбованные сверху материковой глиной. Толщина этого слоя весьма значительна — местами доходит до 1 м, что свидетельствует о его довольно длительном сроке накопления. Слой на всем участке однороден — это гумусированная серовато-зеленая глина, сильно слежавшаяся в верхнем горизонте. Именно с этого горизонта и немного ниже слой прорезается многочисленными могильными ямами могильника (рис. 20), полностью опубликованного О. А. Артамоновой [1963]. Некоторые из ям врезаются в материк и в котлованы ранних сооружений. Самые поздние могилы были выкопаны в заполнении рва и даже на краю разобранной до основания башни "Г", а значит, ров и башня уже не существовали в период функционирования этого могильника, время которого было определено О. А. Артамоновой XI—началом XII вв. [Артамонова, 1963. С. 77—103].

Следует отметить, что перекрывавший материк толстый слой не был насыщен находками (обломками керамики и костями животных). Небольшое количество их попадалось на уровне, с которого копались могилы, и у самого материка — в прослойке, относящейся ко времени жизни ранних построек.

Создается впечатление, что основная толща слоя образовалась в результате сбрасывания со стены не бытового мусора, как это наблюдалось в других частях городища, а земли из котлованов строившихся в крепости жилищ, погребов, колодцев, хозяйственных ям и пр. Относительная "чистота", рыхлость, перемешанность с зеленоватой глиной и утрамбованность верхнего горизонта привели исследователей участка первоначально к убеждению, что это предматериковый сильно высветленный гумус "естественного" происхождения, а значит, под ним в материке не могло быть никаких остатков жизни. И только при подчистках твердого глинистого желтоватого материка вдоль стены были неожиданно открыты пятна ближайших к ней ям и постройки ранней застройки этой площади.

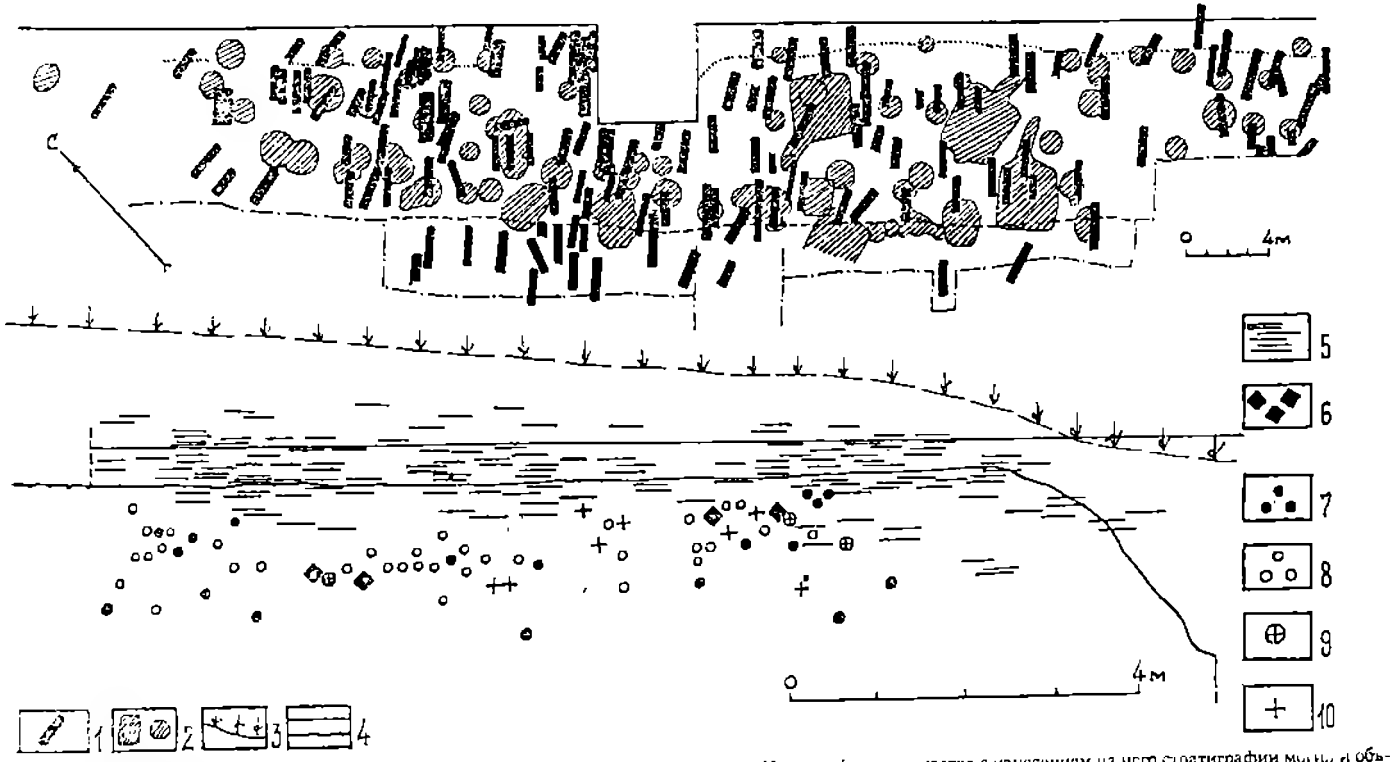


Рис. 3. Расположение могил беловежского времени, перекрытых саркельскими комплексами. Условный разрез участка с нанесением на него стратиграфии могил и объ-
саркельского периода: *1* — беловежские могилы; *2* — пятна саркельских комплексов; *3* — линия современной поверхности; *4* — уровни строительства стены и ма-
1. *5* — беловежские могилы, *6* — саркельские постройки, *7* — ямы с погребениями; *8* — хозяйственные ямы; *9* — жертвенники; *10* — производственные комплексы

Эти ранние комплексы неоднократно упоминались и даже описывались исследователями памятника: М. И. Артамоновым [1958. С. 27], О. А. Артамоновой [1963. С. 11—25], В. Д. Белецким [1959. С. 50—60]. Особое внимание участку было уделено О. А. Артамоновой, настойчивости которой мы обязаны открытию этого древнейшего хронологического горизонта Саркела, поскольку именно она настояла на, казалось бы, бессмысленном копании почти пустого "предматерика". Результаты работы на этом участке в сильно сокращенном виде опубликованы ею в статье, посвященной могильникам Саркела—Белой Вежи. В ней автор, естественно, не могла рассмотреть ранний материал со всей полнотой, которую он заслужил. Так, о жилищах она, ссылаясь на статью В. Д. Белецкого, только упомянула, в производственных комплексах вообще не стала разбираться, уделив главное внимание в своей работе погребальным комплексам (ранним и поздним).

Тем не менее ряд ее наблюдений о стратиграфии открытых раскопками объектов очень верен и это дает нам представление о всех комплексах в совокупности, хотя местами излишне сжатое описание привело автора к ряду неточностей. Не хотелось бы останавливаться на этом, поскольку статья О. А. Артамоновой о могильниках превосходна, и не стоит акцентировать внимание на каких-то мелких недоработках в ней. Упоминаю же об этом потому, что читатели ее статьи и данной работы могут заметить некоторые несоответствия в описании скелетов, деталей комплексов, размерах. Следует подчеркнуть, что материалы для исследования мною почерпнуты при анализе полевых дневников и полевых чертежей — источников, доброкачественность которых несомненна.

Перейдем к рассмотрению материалов. Открытые в материке на этом участке комплексы функционально очень разнообразны (рис. 21—23):

1 — постройки (жилые и хозяйственные);
2 — производственные сооружения;
3 — ритуальные комплексы;
4 — погребения животных в круглых ямах;
5 — погребения людей в круглых ямах;
6 — хозяйственные ямы.

1. Постройки.

Котлован *постройки 116* [Белецкий, 1959. Рис. 8,*2*] был выявлен на уровне материка, ниже уровня крепостной стены на 0,3 м и углублен на 0,7 м. Форма его несколько трапециевидная: длина западной стенки 2,35 м, а восточной — 3,08 м (рис. 24). Длина северной и южной стенок тоже различна — 3 м и 3,13 м. Площадь постройки равна примерно 8,5 м^2. Стенки ровные, вертикальные, пол материковый, без подмазки. Ориентирована постройка сторонами по странам света. У восточной стенки в полу находились два "гнезда" от столбов, расстояние между которыми 0,7 м. Столбы служили, видимо, дверными косяками. От двери снаружи в материке прослеживалась чуть заметная, сходившая на нет выемка (протертость).

В северо-восточном углу постройки находилась печь. Под у нее на материковом останце высотой 0.2 м. Стенки также были вырезаны в материке, толщина их весьма значительна — 0,2 м. Форма печи в плане круглая, внешний ее диаметр более 1 м, внутренний — 0,7 м. Под выложен кирпичами: двумя целыми, половинкой и двумя обломками, а поверх кирпичей обмазан слоем глины толщиной до 5 см. Внутри печь перегорожена двумя вкопанными в толщу пода кирпичами, поставленными на торцы. Они отделяют часть, замощенную кирпичами, от меньшего отсека, служившего, очевидно, топкой. Глиняная обмазка и стенки печи прокалены до красно-оранжевого цвета. Судя по сохранившимся остаткам свода, он был полусферичен. В печь завалилось большое количество кусков обмазки стен, некоторые из них плоские. Ве-

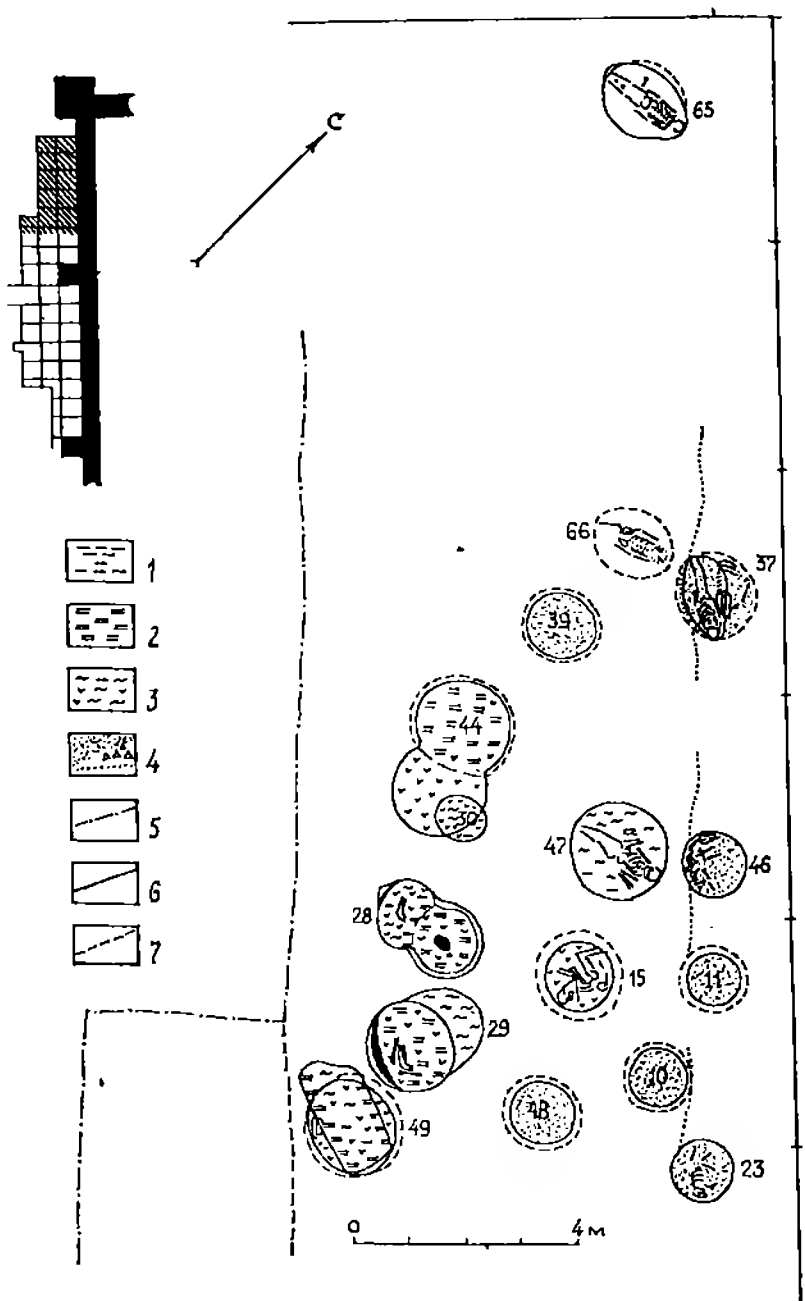
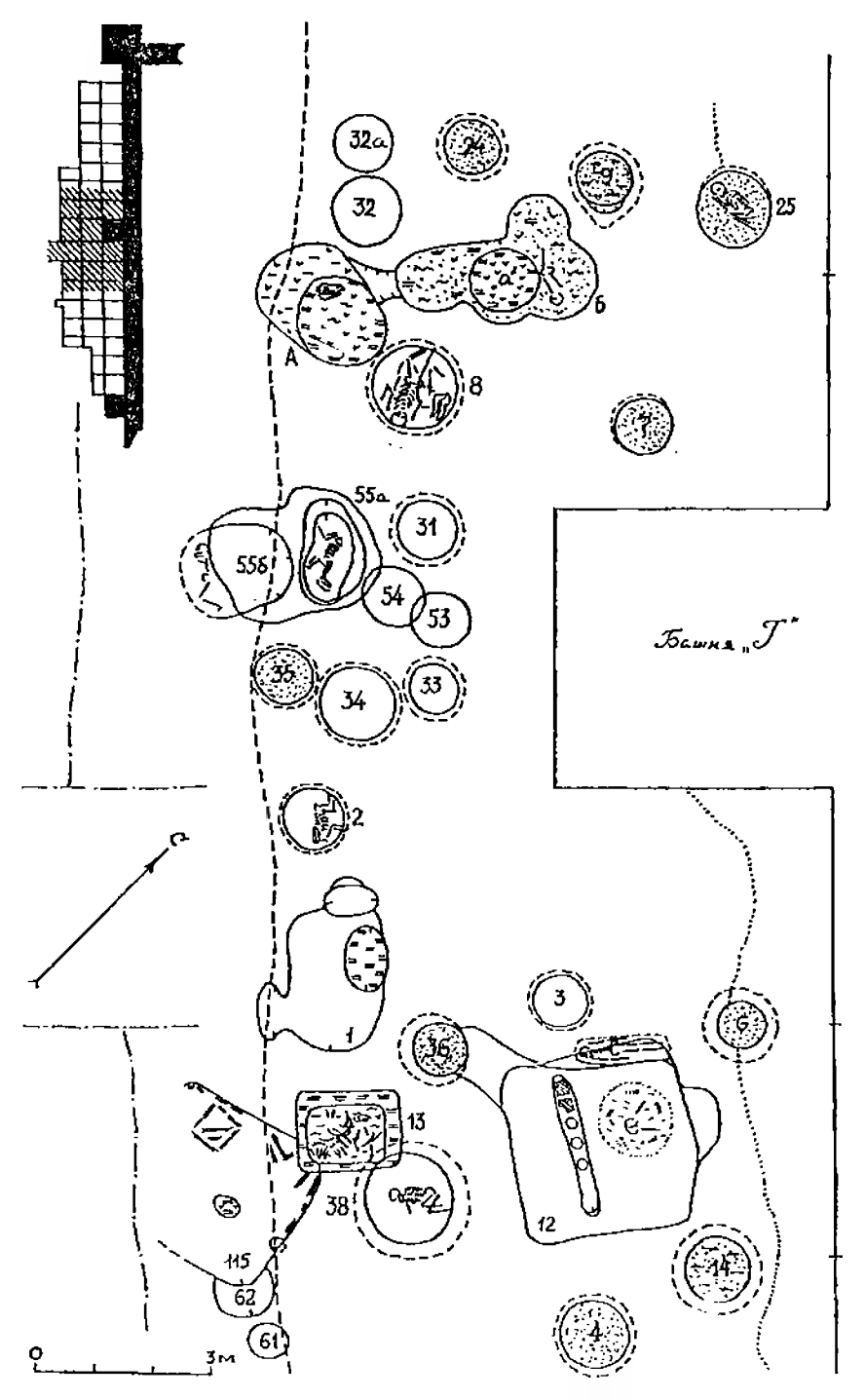
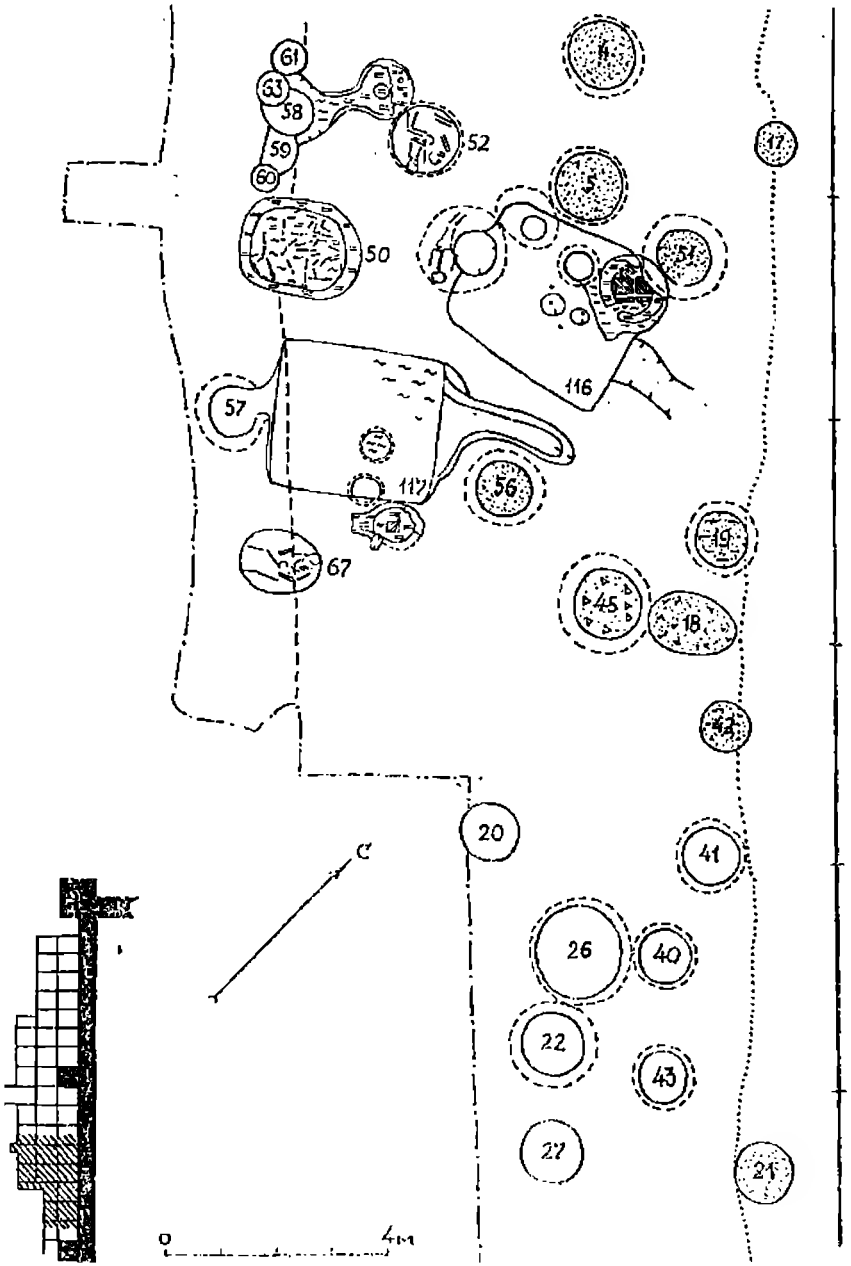


Рис. 21. План участка у юго-западной стены (северо-западная часть): *1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — зола и угли; *4* — куски извести, кирпичей, граница известковой отмостки-заливки вдоль стены; *5* — граница раскопа; *6* — линия крепостной стены; *7* — край рва


32а
32
24
59
25
А
б
8
7
55а
55б
31
54
53
35
34
33
Башня „Г"
2
С
1
3
36
6
13
38
12
14
115
62
61
4
0
3м


61
63
58
59
60
52
50
4
5
17
51
116
57
117
56
67
19
45
18
42
20
41
C
26
40
22
43
27
21
0
4M

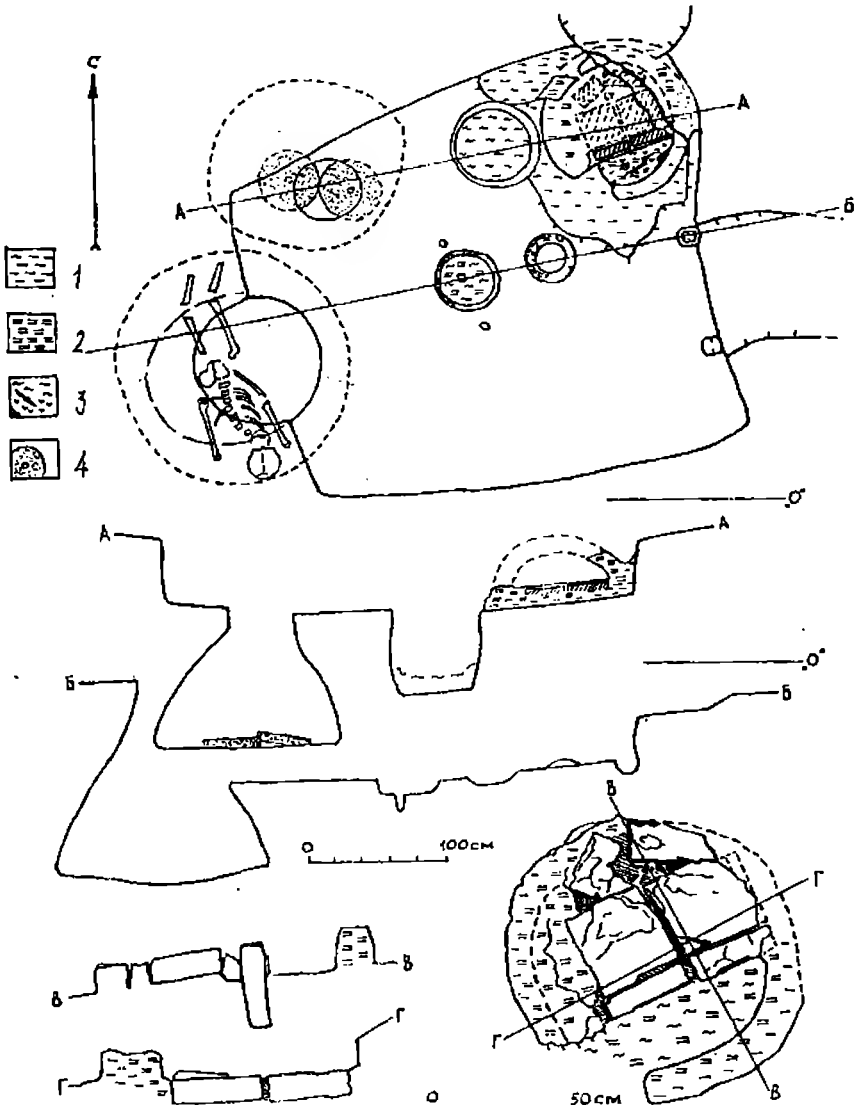


Рис. 24. Полуземлянка 116 (план и разрезы) и печь в ней: *1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — зола и угли; *4* — жерновa

роятно, свод завершался плоской "подницей" (сковородой?). Внешняя сторона стенок печи "оплыла" и перекрывает пол постройки вокруг и прилечную яму, расположенную не у ее устья, как следовало бы ожидать, а рядом — у стенки. Яма круглая в плане, бочковидная, диаметром 0,65 м, глубиной 0,6 м. Заполнена золой, в которой обнаружено 25 обломков горшков с линейным орнамен-

диаметрами устья и дна соответственно 0,5 м и 1,4—1,6 м. Глубина ямы 1 м. Относительно устья дно не центрировано — оно отклонено к юго-западу, подбоем углубляясь под стену жилища. Стенки ямы плавно расширяются ко дну, немного вогнутые. Дно ровное и плоское, на нем лежали два жернова (диаметр каждого 0,5 м), а под ними обнаружены зерна карликовой пшеницы и ячменя. Заполнена яма серой довольно плотной глиной с включениями угольков и обломков хазарских горшков.

В центральной части пола расположены два небольших круглых углубления. Одно из них представляет собой обычный открытый тарелкообразный очаг с обожженными стенками диаметром 0,5 м. В дно и по краю очага вбиты массивные колья приочажного устройства. Второе углубление немного меньше, и поверхность его не обожжена. Вероятно, в нем была закреплена в полу ручная мельница, жернова которой были при разрушении жилища сброшены в яму.

Середину западной стенки постройки прорезает большая яма, также являвшаяся частью жилища. Как уже отмечалось, такие, выходящие за контуры жилищ ямы хорошо известны на поселениях Хазарского каганата (Винников, 1984. С. 105, рис. 6,2; Плетнева, 1989. Рис. 8,2; 10). Диаметр ее устья на уровне материка не превышал 0,9 м, но ко дну она расширялась до 1,6 м. Глубина ее от устья равнялась 1,1 м, от пола жилища — 0,7 м. Стенки и дно ямы немного вогнутые. На дне было помещено погребение мужчины зрелого возраста (до 45 лет), европеоида-брахикрана (САМ)*. Он был уложен на спине, с небольшим разворотом влево, ориентирован головой на Юг. Правая рука была первоначально вытянута вдоль тела, левая — кистью на тазу. Ноги немного согнуты в коленях, сильно подогнута шея — череп стоял вверх теменной костью, лицом на север. Очевидно, покойник был втиснут в яму, диаметр которой был намного меньше его длины. Скелет сильно разрушен: ребра перемешаны, руки явно "переотложены", лучевые кости и кисти отсутствуют, разрушена правая половина таза, кости ног переломаны и также "переотложены", нет малых берцовых, отсутствуют кости ступней. Большие берцовые примерно на треть укорочены (отрублены?).

Заполнение котлована этого жилища неоднородно. Вдоль западной стенки и в яме, прирезанной к ней, плотный темный слой без находок перекрывает более раннее заполнение — рыхлый мешаный черный слой с находками обломков керамики, заполнявший весь котлован. В нем обнаружены обломки хазарских горшков (41), лощеных сосудов (23), а в прирезанной яме с погребением — еще и обломки котлов с внутренними ушками. На полу жилища стоял разбитый хазарский горшок.

Описанная постройка была несомненно жилой, однако находившаяся в углу печь необычной конструкции, сочетавшаяся с открытым очагом, дает некоторые основания предполагать и наличие в этом помещении какого-то производства. Представляется, что таковым могло быть "хлебопечение". Близ очага, которым хозяева пользовались для приготовления пищи, стояло мельничное устройство, а рядом с ним — печь с "чистой", тщательно обмазанной глиной камерой, расположенной рядом с топкой. Камера явно сильно и часто прокаливалась: хлеб в ней пекли постоянно, вероятно, не только для себя, но и на продажу. Более в Саркеле и позже в Белой Веже таких печей не встретилось ни разу. В Белой Веже примерно в конце X — начале XI в. появились для этой же цели тандыры, но это уже другая "конструкция", работавшая по иному принципу.

Постройка 117 (Белецкий, 1959. Рис. 8,1) расположена на самом краю рва, даже как бы частично врезаясь в него. Ее котлован прослежен на уровне

ниже подошвы крепостной стены на 7 см и углублен в материк на 0,4 м (рис. 25).

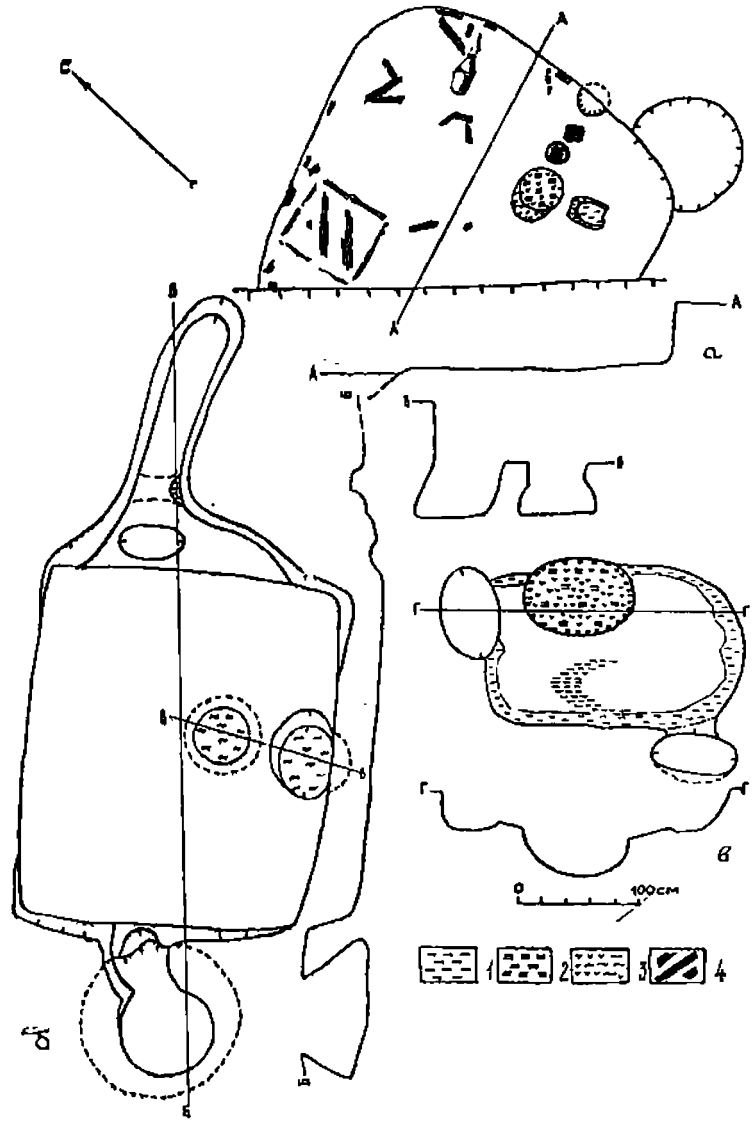


Рис. 25. Полуземлянка 115 (*а*), полуземлянка 117 (*б*) и остатки производственного комплекса — яма 1 (*в*); *1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — угли и зола; *4* — куски сгоревших досок и жердей

В плане котлован правильно прямоугольный, размер его 8,5 м^2 (3,15 × × 2,7 м), ориентирован углами по странам света. Стенки ровные, но сильно оплывшие, особенно с северо-восточной стороны, с которой находился вход в

жилище. Вход — пологий длинный (2 м) спуск шириной 0,5 м. Стенка котлована сильно обвалилась, однако видно, что в месте соединения жилища с входом на полу последнего находился материковый порожек, за которым прослеживалась неглубокая овальная выемка-протертость, образовавшаяся в полу в результате вытаптывания.

Пол постройки материковый, без подмазки, немного вогнутый к середине. Вдоль стен в полу никаких следов столбовых или жердевых конструкций не было.

В полу находились две, видимо, хозяйственные ямы. Одна — на середине юго-восточной стенки (неглубоким подбоем уходит под нее). В плане она немного овальная (0,47 × 0,55 м), диаметр дна 0,7 м, а глубина 0,45 м. Заполнение золистое с прослойками глины, образовавшимися от осыпи стенок. В заполнении обнаружены обломки кухонных хазарских горшков. Вторая яма — рядом с первой, аналогична ей. Диаметры ее устья и дна соответственно 0,5 м и 0,7 м, глубина 0,5 м, заполнена также золой (тополевой), содержащей большое количество рыбьих костей и чешуи. На дне обнаружены обломки кухонных хазарских горшков и толстостенного горшка с "витым" венчиком.

С юго-западной стороны к постройке примыкает выходившая за ее пределы, но явно связанная с нею еще одна яма — конусовидная, с диаметрами устья и дна соответственно 0,8 м и 1,3 м, глубиной не выше 0,6 м, т.е. она глубже пола котлована жилища всего на 0,15—0,2 м.

Несмотря на то, что выявленные особенности конструкции постройки свидетельствуют о принадлежности ее к жилищам, отсутствие следов отопительного устройства не позволяет уверенно считать ее жилой. Возможно, что ямки с золой в середине пола постройки служили своеобразными "обогревателями", но отсутствие данных об обожженности стенок ям не позволяет говорить об этом с уверенностью.

Заполнение котлована неоднородно. Сверху он перекрыт линзой плотной утрамбованной материковой глины, как бы выравнивавшей выемку в материке, образовавшуюся от котлована заброшенной постройки. Вокруг этой линзы — вдоль стен, а также под ней — заполнение золистое с большим количеством обломков хазарских горшков. Пол постройки покрыт ровным слоем рыбьей чешуи (толщиной 1—2 см).

То, что котлован жилища и примыкающая к нему яма почти на полтора метра заходят за край рва, создает впечатление о его более позднем, сравнительно со рвом, времени сооружения. Однако по сохранившемуся разрезу жилища и ямы видно, что верх их был довольно заметно срезан. Материковая линза, перекрывавшая котлован, возникла тогда, когда здесь потребовалась ровная площадка, т.е. при фортификационных больших работах. Материковый выкид из рва послужил в данном случае дополнительным "выравнивателем". Таким образом, более вероятно, что котлован был уже полузасыпан золистым грунтом, когда начали на этом участке рыть ров и выравнивать берму.

Постройка 115 [Белецкий, 1959. Рис. 8] почти наполовину срезана рвом. Заполнение сохранившейся части котлована перекрыто материковой глиной, выброшенной на край при рытье рва. Ясно, что эта постройка, как и предыдущая, погибла уже до сооружения рва. Ориентирована она по странам света с незначительным отклонением. Полностью прослежены длина и очертания только северо-восточной стенки и почти на всю длину — северо-западной (см. рис. 25). Размеры котлована жилища по ним устанавливаются 3,1 × 2,8 м, т.е. 8,7 м^2, глубина в материке 0,5 м. Два сохранившихся угла сильно закругленные, стенки ровные, вертикальные. Пол без подмазки, покрыт слоем угля, обугленными кусками тополевых кольев и обгоревших прутьев ивняка — стены были плетневые, видимо, обмазанные глиной (турлучные). Глина обмазки

при пожаре сильно обожжена, и куски ее в значительной степени заполняют котлован вместе с тополевыми угольками, костями животных и рыб, обломками керамики.

В юго-восточной части пола находился обычный тарелкообразный очаг диаметром 0,4 м. Он заполнен обожженной глиной, угольками, мелкими обломками хазарских горшков. Рядом с очагом на полу стоял горшок с линейным орнаментом (хазарский) и лежала половина (как бы продольный разрез) необожженного хазарского горшка. По-видимому, он был разрезан одновременно со стенами котлована — при выравнивании края рва. Сделан горшок из зеленоватой глины с примесью речного песка, поверхность его темная, видимо, специально подсушенная в горячей золе очажка перед обжигом.

В северо-западном углу жилища стояло неясного назначения квадратное деревянное сооружение (ящик без дна?), размером 0,7 × 0,7 м, сделанный, судя по сохранившимся кускам обгорелого дерева, из гладких и довольно массивных (толщиной до 5 см) досок или плах. Сверху ящик был прикрыт досчатой крышкой, от которой также сохранились куски дерева и угля.

В северо-восточном углу жилища на полу лежал большой лощеный кувшин, а юго-восточный угол жилища "перекрывал" круглую яму (диаметром 1 м), углубленную в материк на 0,2 м ниже пола жилища. Заполнение ямы и жилища идентично, поэтому есть основание предполагать, что яма была частью этой постройки, как и ямы-прирезки двух описанных выше помещений.

Постройка 12 прослежена в материке с уровня подошвы крепостной стены. В материк она углублена на 1 м (рис. 26). Котлован в плане почти правильно квадратный, размеры его 2,6 — 3 × 3 м (8,5 м^2), ориентирован углами по странам света. Стенки ровные, вертикальные. В северо-восточной стенке прослежена полукруглая ниша, углубленная в стену на 0,4 м. Дно ее выше уровня пола постройки на 0,5 м.

Пол материковый, без подмазки. В нем на расстоянии 0,7—0,9 м от юго-западной стенки (параллельно ей) прорезана канавка шириной около 0,3 м, глубиной 0,2 м, длиной от стены до стены 2,4 м (оба конца ее не доведены до стен на 0,25—0,3 м). В канавке хорошо заметны следы оснований стоявших в ней массивных столбов диаметрами 0,2—0,3 м. Вокруг столбов заметны остатки глинистой обмазки — плотной и затвердевшей до каменного состояния. В северо-западном конце канавки вплотную друг к другу уложены два кирпича (25 × 25). Очевидно, канавка была основанием столбов массивной перегородки, разделявшей помещение на две неравные части: меньшую — юго-западную и северо-восточную, в два раза большую. Кирпичи в канавке служили, вероятно, порогом в двери, ведущей из одного помещения в другое.

Вход в постройку находился в западном углу, у которого пологое, плавно опускавшееся к полу дно. Длина входа около 1,3 м, ширина 0,6 м. Верхний его конец частично срезан поздней ямой.

В северо-западной стенке постройки, во внутреннем (большем) ее отсеке, вырыт подбой. Дно его ниже пола постройки всего на 0,2 м. Длина 1,75 м, ширина по дну 0,5 м. Задняя стенка подбоя скошена, максимальная высота примерно 0,35 м. От пола подбой отделен невысоким материковым порожком. В подбое совершено захоронение пожилой женщины, европеоида-мезокрана [Артамонова, 1963. С. 199, рис. 134, погр. 170]. Ориентирована она головой на ЮЗ, уложена в строго ритуальной позе — вытянута на спине с руками вдоль туловища, череп на правом виске.

Никаких следов очажного устройства в постройке не было. Близкие типологически сооружения с внутренними перегородками известны на Маяцком селище [Винников, 1984. С. 124—128; Винников, Афанасьев, 1991. С. 80—98]. Это не жилые, а хозяйственные постройки. В их стенках на Маяцком селище неоднократно попадались выдолбленные камеры катакомб — типичного

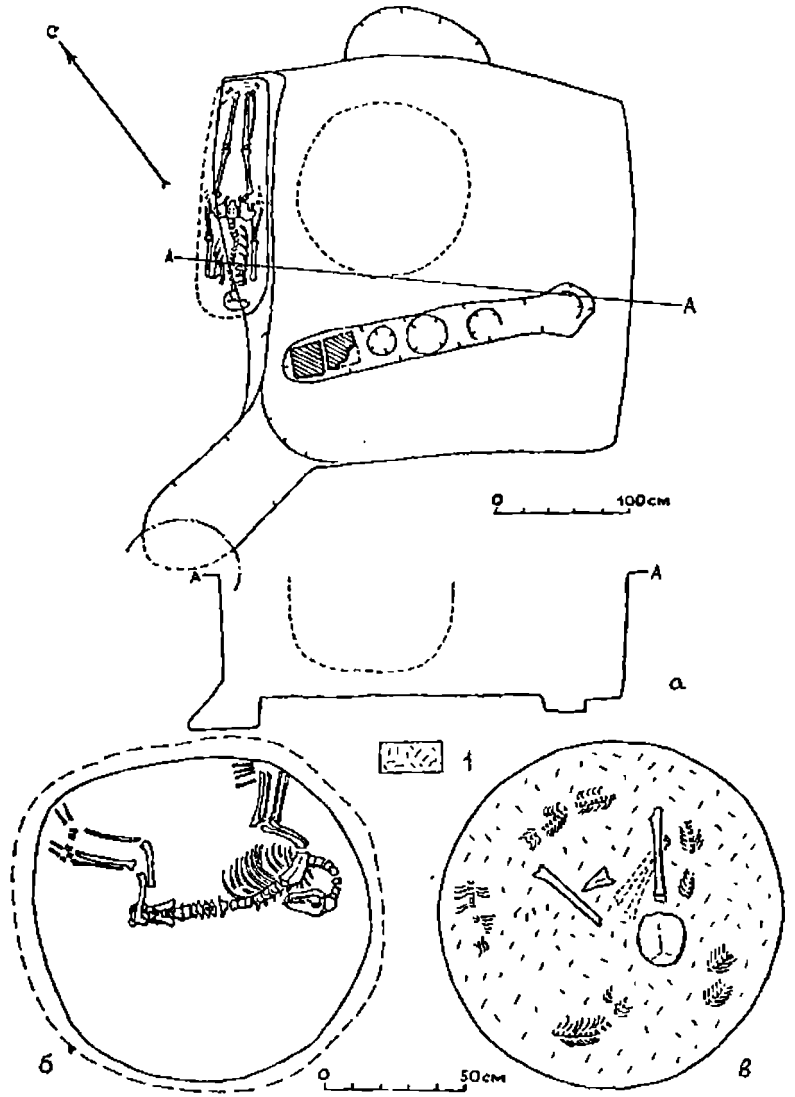


Рис. 26. Постройка с подбойным погребением (*а*), захоронение собаки в яме 2 (*б*), жертвоприношение в яме, врезанной в заполнение (*в*): *1* — рыбьи кости и чешуя

для того региона вида погребения. Здесь же, в Саркеле, совершенно аналогичные описанному погребения в подбоях встречены, как говорилось выше, в заброшенном жилище гончаров.

Заполнение котлована постройки твердое глинистое желтовато-серое, а подбоя — чистая желтая глина, в которой попадались обломки хазарских горшков и несколько косточек животных.

описании которой мы остановимся ниже. К постройке она не имела никакого отношения: случайно ее выкопали не в материке, а в весьма близком по составу и плотности заполнении сровненного с поверхностью котлована.

Таким образом, все четыре постройки расположены на сравнительно небольшой площади, равной 144—150 м^2. Расстояния между ними колеблются от 0,75 до 6 м. Вместе они представляли собой единый жилой и хозяйственный комплекс — "гнездо" [Плетнева, 1994. С. 185—190].

Жилища характеризуются общими признаками, позволяющими объединить их в один тип. Так, общими для трех из них чертами являются: 1) стандартная величина (8—8,5 м^2); 2) небольшая заглубленность котлованов в материк; 3) прямоугольная, близкая к квадрату форма в плане; 4) "бесстолбовая" конструкция стен; судя по жилищу 115, в котором благодаря пожару сохранились следы плетневых, обмазанных глиной стен и не было следов крупных столбов, у всех жилищ стены были легкие — турлучные; 5) пол материковый, без подмазки; 6) в стенки жилищ специально врезаны круглые ямы, увеличивающие их полезную площадь; 7) очаги в двух из них одиночные — тарелкообразные, расположенные в центральной части пола.

Типологически к этой же группе жилых построек относится и четвертая, хотя жилой она не была. Ее размеры, квадратная форма, "бесстолбовость", материковый пол и даже врезанная в ее стену неглубокая "полочка" — те же признаки, что и у жилищ. Сближает их также и устройство входа в виде длинного "желоба" с пологим дном. Тем не менее особенности постройки настолько значительны, что позволяют относить ее к функционально иному виду строений. Во-первых, у нее нет отопительного устройства; во-вторых, она перегорожена очень массивной стенкой с дверью; в-третьих, постройка углублена в материк на 1 м, т.е. это не была уже полуземлянка. Скорее всего она принадлежала к категории значительно более заглубленных в материк сооружений — погребов.

2. Производственные сооружения.

К данной группе относятся разные производственные комплексы, остатки которых обнаружены на этом участке в большом количестве.

Наиболее крупным из них и наименее понятным помещением является сооружение, котлован которого расположен рядом с жилищем 115, у самого края рва. В плане форма котлована неправильно-овальная с дополнительными ямами-выступами (см. рис. 25).

Размеры основного помещения 2,1 × 1,5 м, глубина в материке 0,4 м. Котлован заполнен черной гумусной землей с большим количеством костей животных, шлаков и кусочков меди. Пол залит жидкой глиной, вероятно, оплывшей со стен, без подмазки, неровный. У северо-восточной стенки в полу вырыты овальная с округлым дном яма (0,9 × 0,6 м), глубиной 0,5 м. Дно и стенки ее прокалены до оранжево-красного цвета, на дне лежал слой угля. Заполнение то же, что и в котловане, у дна обнаружено горло амфоры IX в.

Вторая яма также овальная и почти того же размера (0,8 × 0,5 м). Однако глубина ее от пола не превышала 0,1 м, стенки не обожжены и вырыта она не внутри постройки, а вне ее, представляя собой, видимо, обычное пристенное дополнительное помещение.

Еще одна, выступающая за пределы постройки овальная яма (0,75 × × 0,4 м), соединенная с основной частью перемычком, вырыта у южного угла. Глубина ее та же, что и всей постройки, стенки сильно срезаны рвом — очевидно, она, как и вся постройка, относилась ко времени до сооружения рва.

Судя по наличию в первой яме обожженности и угля, а также кусочков меди и шлаков в заполнении, можно предполагать, что постройка была связана с бронзолитейным производством. Однако дошедшие до нас остатки настолько сильно разрушены, что уверенно считать эту постройку бронзолитейной мастерской вряд ли возможно.

Остатками производственных сооружений, явно связанных с использованием огня, заполнен весь северо-западный участок пристенного района Саркела (между западной угловой башней и башней "Г"). Это — несколько ям с сильно обожженной, а местами "ошлакованной" поверхностью [Плетнева, 1996]. Они не привлекли особенного внимания археологов, работавших на том участке, хотя были добросовестно описаны в полевом дневнике Л. Г. Нечаевой. Две ямы зачерчены на отдельных листах (рис. 27). С остальными можно было ознакомиться только по их контурам на общем плане раскопа (см. рис. 21, 28).

Тем не менее попытаемся дать по возможности полную характеристику этих интереснейших комплексов, используя дневниковые записи и сохранившиеся графические данные.

Яма 28[*].

Яма состоит из двух отделений (см. рис. 27 и 28). Одно из них (основное) круглое в плане, диаметром по полу 1,1—1,3 м. Углубленность его в материк небольшая — 0,35 м. Стенки прокалены, сильно ошлакованы, пол ярко-красный, также прокаленный, покрытый золой и слоем тополевых углей. В центре пола находилась овальная в плане ямка размером 0,3 × 0,4 м с расплывчатыми, искрошившимися краями. Поверхность ее особенно сильно прокалена, края ошлакованы. К ямке подведен узкий закрытый каналец, выведенный на поверхность пола у задней стенки ямы. Очевидно, это было поддувало для нагнетания в центр ямы воздуха. Оно, как и все дно ямы, забито углями и золой. Другое отделение ямы полукруглое с немного наклонными стенками. Диаметр по дну 1,15 м. Глубина его та же, что и основной части. Стенки и пол не обожжены, только на линии слияния с обгорелой камерой на полу отмечены следы обожженности и угли. Пол утоптанный, покрытый тонким слоем крошки угля, а у стен — золы. На противоположной стороне от линии соединения двух отделений выделен неглубокий полукруглый выступ, отделенный от ямы узкой канавкой. Заполнение ямы довольно рыхлое, мусорное с обломками кухонных хазарских горшков и чешуей рыб. В заполнении полукруглого заполнения обнаружена половина нижней челюсти лошади. Поверх мусорного слоя яма засыпана глинистым слоем — выкидом из рва.

Яма 29.

Яма расположена рядом с предыдущей (см. рис. 28). Контур ямы в материке овальный, вытянутый по оси С-Ю. Южная часть ямы круглая с вертикальными стенками. Диаметр ее 1,5 м, глубина в материке 0,75. Стенки и пол сильно обожжены, местами ошлакованы. У южного края на полу лежал слой дубовых углей. Заполнение этой части ямы — черная земля с большим содержанием угля, но не дубового, а, как и в предыдущей яме, тополиного. С северной стороны к яме примыкает "подсобная" часть тех же диаметра и глубины. Стенки ее не обожжены, заполнена почти до верха золой. Очевидно, перед нами аналогичное предыдущему устройство, также сильно разрушенное, со следами завала глины поверх углисто-зольного заполнения. Сходство усугубляется и тем, что в заполнении ямы обнаружены челюсть и несколько костей ног лошади. Находились они не в полукруглой вспомогательной части, а в основной обгорелой камере. Там же, рядом с костями, найдены куски железного шлака.

Яма 49 а, б.

Южнее ямы 29, у самого края рва, на уровне материка было обнаружено еще одно пятно типологически близкой ямы (см. рис. 28). Пятно овальное из-за "выступа" на западной стороне ямы. Расчистка пятна показала, что здесь

---

[*] Яма, как и все последующие, получила номер в поле. Нумерация была общая для всех функционально различных ям — хозяйственных, ритуальных, погребальных, промышленных [Артамонова, 1963. С. 11—20].

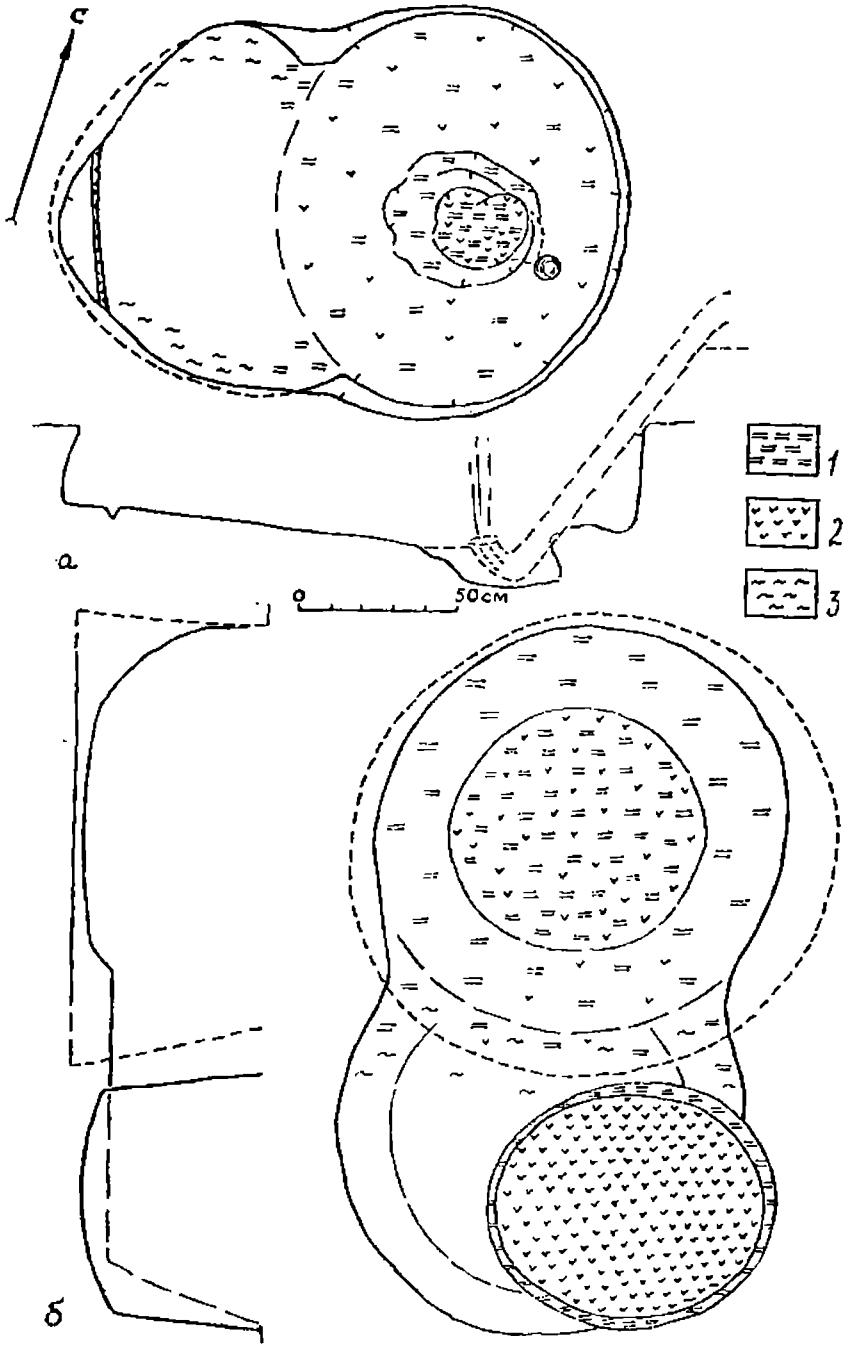


Рис. 27. Остатки железоплавильных горнов: яма 28 (*а*), ямы 30 и, б и 44 п, б (*б*): *1* — обожженная глина; *2* — угли; *3* — зола

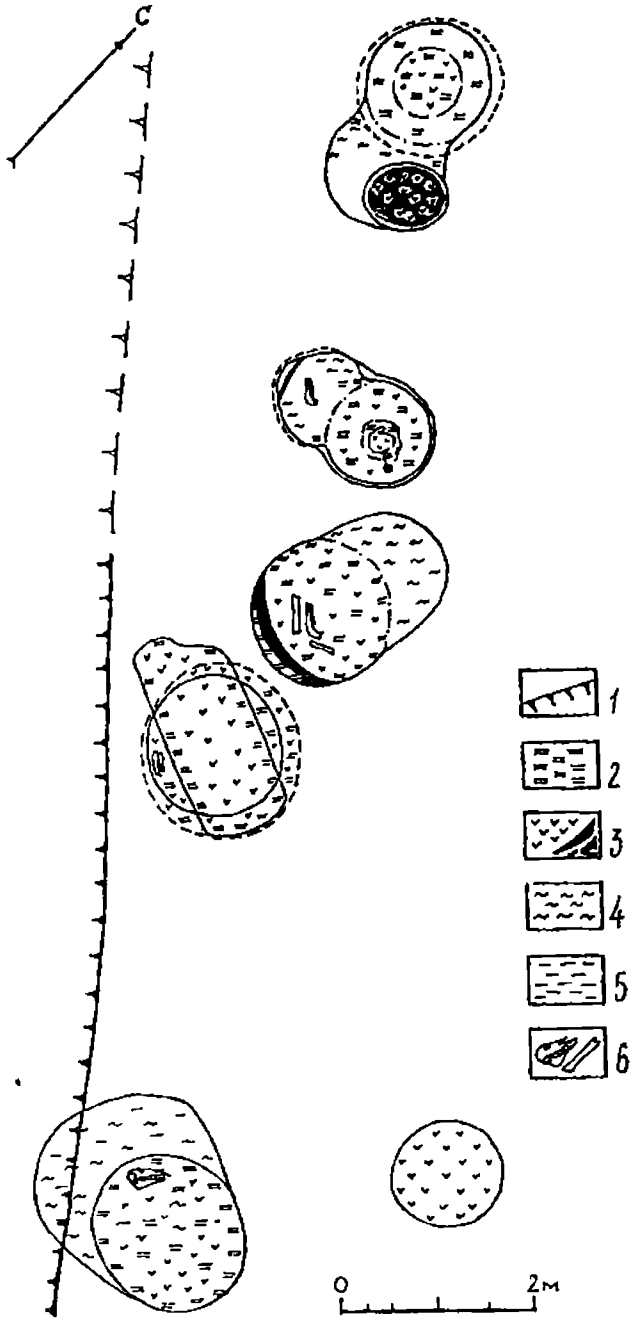


Рис. 28. План расположения на участке железоплавильных горнов и угольных ям: *1* — край рва; *2* — обожженная глина; *3* — уголь; *4* — зола; *5* — глина; *6* — кости жертвенных животных

было выкопано две ямы: одна перекрывала другую. Более ранняя — круглая яма (а). Сохранившиеся края дают представление о ее форме, размерах и заполнении. Диаметр ямы на материке 1,45 м, диаметр дна 1,75 м, глубина 0,65 м. Стенки наклонные, обожженные до оранжевого цвета, дно тоже обожженное, на нем лежал плотный слой слежавшейся тополевой золы, в которой обнаружены куски пережженного песчаника и целый кирпич половинного размера (24 × 12) со следами извести на поверхности. На полу у стенки найдены обломки серого гончарного сосуда с ручкой и череп собаки. Заполнение ямы — рыхлая глинистая земля с находками костей животных, нескольких обломков тмутараканских кувшинов, хазарских горшков, кусков железа и железного шлака.

В эту круглую яму, прорезая ее заполнение и дно на глубину от уровня материка 1,12 м, была врезана прямоугольная с закругленными углами яма (2 × × 1 м). По длинной оси она ориентирована В-З, ее западный конец выходил за пределы круглой ямы примерно на 0,5 м, образуя как бы сужающийся выступ. Стенки этой второй ямы были также прокалены, что прослежено в глубоко врезавшейся в материк нижней части. Заполнение ямы — насыщенная углем черная земля без находок.

Яма "А".

Так обозначена в полевой документации еще одна яма, явно относящаяся к той же группе (см. рис. 28). Она расположена в 3 м юго-восточнее ямы 49, у края рва, частично его перерезавшего. Пятно ямы выявлено на уровне материка, оно овальное, ориентировано по длинной оси В-З. Яма состояла из двух частей. Основная — круглая в плане, диаметром 1,45 м, глубиной 1,3 м. Стенки вертикальные, обожжены и оплакованы, дно прокалено. Заполнена яма рыхлой золистой землей, в которой попадались мелкие обломки лепных сосудов. На глубине 1 м у западной стенки обнаружен целый череп коня.

С запада к яме примыкала сегментовидная в плане прирезка шириной примерно 1 м, глубиной всего 0,5 м. Стенки ее не обожжены, заполнение — зеленая глина с включениями большого количества угля.

Яма "А" соединена узким перешейком с длинной ямой, означенной на чертеже и в дневнике как яма "Б". Очертания пятна этой ямы в материке "фигурные", составленные из нескольких слившихся ям. Однородность заполнения позволяет считать единовременной их забивку грунтом, состоявшим из серой рыхлой земли с примесью золы, обожженных кусочков глины, кусочков извести, обломков кирпичей, костей животных, обломков лощеных сосудов и горшка с линейным орнаментом (хазарского). Состав заполнения свидетельствует о сравнительно позднем прекращении функционирования этих пересекающихся ям, во всяком случае, уже после образования здесь слоя строительного мусора. Общая длина фигурной ямы 3,5 м, ширина от 1 до 2 м, а в материк она углублена на 0,5 м. Стенки всех входивших в нее ям, образовавших фигурный контур, не обожжены.

В середине этой сложной ямы в полу выявлена круглая яма "а" диаметром 1 м, а глубиной от дна слившихся ям всего 0,2 м. Стенки этой ямы обожжены. Заполнена она слоем слежавшегося угля. Очевидно, яма была аналогична вышеописанным, но ее почти полностью срезали более поздние, сплошь покрывавшие этот участок слившиеся ямы.

Еще более сложным конгломератом пересекающихся ям является комплекс из четырех ям (30а,б; 44а,б), расположенный северо-западнее ямы 28 (см. рис. 27 и 28). Разобраться в нем трудно.

Наиболее четко выявляется яма 44а. Она полусферическая с обожженными стенками и вогнутым также обожженным дном, обмазаным слоем глины. Диаметр ямы 1,5 м. Она врезана в яму 44б, которая, вероятно, была хозяйствен-

ной, так как стенки ее не обожжены. Глубины ям в материке почти совпадали — 1,15 м и 1,2 м.

Яма 30б представляла собой фактически "вспомогательную" часть ямы 44а, обычную для всех обожженных ям этой группы. Диаметр ее также 1,5 м. На стенках видны следы обожженности только в местах соединения ее с основной частью сооружения, т.е. с ямой 44а. Заполнение обеих частей однородное — рыхлая, насыщенная золой земля.

В яму 30б с восточного края врезана яма 30а. В плане на уровне материка она овальная (1 × 0,75 м), глубина ее 1,2 м. Стенки вертикальные, обожженные, дно немного вогнутое, тоже обожженное. Заполнена яма золой и углями карагача, сосны, ивовых прутьев, а на дне лежал слой слежавшегося дубового угля.

Все описанные комплексы, явно связанные с использованием сильного огня, являются остатками какого-то "огненного производства".

В полевой документации только яму 28 исследователи сочли возможным считать остатками топки гончарной печи. Остальные ямы не были интерпретированы. Объясняется это, видимо, крайне плохой сохранностью этих производственных комплексов. Они не просто перестали существовать и постепенно затянулись окружающим грунтом, их специально засыпали еще до строительства стены, затем их подровняли, некоторые дополнительно забили материковой глиной, поверхность вокруг подчистили, так как площадка выравнивалась для облегчения подвоза стройматериалов к возводимой стене. Естественно, что всякие следы бывшего здесь производства были окончательно уничтожены в период строительства.

Однако, несмотря на сильное разрушение, в пяти ямах (28, 29, 49а, 44а—30б, "А") с обожженной и ошлакованной поверхностью отчетливо выявляются объединяющие их в единую группу особенности: их круглая в плане форма, наличие примыкающих к ним "дополнительных" отделений с необожженными стенками, характер заполнения, в котором преобладали уголь и зола. Размеры ям нестандартны. Помимо основных объединяющих признаков отметим также имеющие большое значение находки в заполнении ям обломков сосудов, типичных для хазарского периода жизни на городище (IX в.), шлаков и кусков железа.

Вторая группа ям с обожженными стенками представлена всего двумя ямами (30б, 49б), овально-продолговатыми в плане, с сужающимися ко дну стенками. Заполнены они углем и золой без всяких включений и примесей.

Определить, к какой группе ям относится яма "а", невозможно, так как от нее сохранилось только дно, покрытое углем. Очевидно, она входила в комплекс ям, связанных с "огненным делом". Особенная обожженность и засыпь углей и золы прослеживались, как мы видели, в круглых отделениях ям, которые и были основными. Именно в них поддерживалась высокая температура, при которой прокаливалась и ошлаковывалась поверхность. Для поддержания такой температуры использовались специальные устройства, нагнетавшие воздух — поддувала. Остатки такого поддувала обнаружены на дне ямы 28, но не исключено, что они были и в других, хотя следы их не сохранились.

По-видимому, правомерно связывать прокаленные сильным длительным жаром двухчастные сооружения, заполненные углем и золой, с находками в некоторых из них кусков шлака и железа, с металлургическим производством. Дошедшие до нас данные о них не очень выразительны. По ним можно судить только о нижней, врытой в материк части горнов, причем и они были разрушены и засыпаны. Говорить о первоначальной конструкции горнов практически почти невозможно. Тем не менее попытаемся указать вероятные

синхронные аналогии этим комплексам, открытые в степях Донского бассейна.

Таковы обнаруженные и расчищенные в 1950 г. Б. А. Шрамко сыродутные горны, представляющие собой цилиндрические ямы, врытые в материк [Шрамко, 1962. С. 133—136]. Диаметры их не превышали 1,5 м, а углубленность в материк — 1,6 м, дно у них вогнутое. Заполнены шлаком и кусками обожженного глиняного перекрытия. В 1977 г. К. И. Красильников исследовал в верховьях Миуса остатки горнов в виде оплакованных колоколовидных ям, диаметрами по дну 1,1—1,5 м, глубиной 1—1,2 м [Красильников, 1992. С. 183—185; а также Михеев, 1985. С. 87], а двумя годами раньше на среднем Дону Д. А. Телегин обнаружил на берегу реки 10 горнов, расположенных в 2—5 м друг от друга. Один из них он раскопал. Это тоже была круглая в плане яма, диаметром 0,8 м, углубленная в материк на 1 м, с заполнением из глиняной обожженной обмазки, камней, шлаков, золы [Афанасьев, Николаенко, 1984. С. 268].

Крайне плохая сохранность саркельских горнов не снижает значения открытия их для истории Саркела, поскольку можно говорить о существовании металлургического производства еще в период строительства крепости, т.е. в самом начале ее жизни.

Железо было необходимо строителям крепости в громадном количестве. Даже пороги внутрикрепостных проходов обивались железными коваными листами. Остатки одного такого порога обнаружены в виде дубового бревна, окованного снаружи железом, закрепленным на бревне большими коваными гвоздями [Раппопорт, 1959. С. 27, рис. 22—23]. Ясно, что не только пороги, но и двери проходов, а тем более внешних ворот также были покрыты коваными железными листами, а держались они на массивных железных петлях. Петли десятков дверей, засовы, скобы и тысячи гвоздей разной величины требовались строителям ежедневно. Все это поставляли строителям кузнецы, пользовавшиеся выплавленным здесь же железом.

Трудно сказать, откуда брали саркельские металлурги руду. Она могла быть местной — болота занимали в пойме Дона большую площадь. Могли ее поставлять и из экономически крепко связанных с Саркелом областей, в частности из Керчи и Таматархи, являвшихся западными провинциями Хазарии, хотя оттуда рациональнее было бы везти не руду, а крицы.

Металлургические горны были заполнены костями коня и собаки. В ямы брошены самые "действенные" (опасные) части животных: в двух ямах — половинки нижних челюстей коня, причем к одной из них прибавлены отчлененные и разрозненные кости ног, в третьей яме — полный череп коня, в четвертой — череп собаки. Целенаправленность помещения в забрасываемый горн этих костей очевидна. Связанное с огненной стихией дело было опасным, а люди, с ним связанные, у всех народов мира считались обладателями волшебной силы, колдунами и врачевателями. Вероятно, для защиты от сил, сосредоточенных в раскаленной пылающей яме даже после ее использования, в нее при засыпке бросали части животных-покровителей, вооруженных сильными защитными средствами: зубами (черепа, челюсти), копытами (ноги). До настоящего времени этот обычай не был прослежен ни в археологических, ни в этнографических материалах, поэтому интерпретация гипотетична. Возможно, что части животных в заполнении горнов играли ту же защитную (искупительную?) роль, какую выполнял расчлененный труп женщины, брошенный в заполнение ранней кузницы в первом караван-сарае.

Помимо остатков и следов медно- и железоплавильного производств на этом участке были обнаружены и две гончарные печи (см. рис. 23).

Первая печь находилась поблизости от жилища 115. Над ней расположены два поздних погребения, при сооружении которых была разрушена верхняя

камера печи, предназначенная для обжига. Устье печи обращено в сторону рва, край которого почти полностью срезал предпечную яму. Кроме того, предпечье пострадало и от нескольких хозяйственных более поздних ям, прорезавших его, друг друга и даже край рва.

От верхней камеры сохранился только край дна, т.е. горизонтальной перегородки, отделявшей верхнюю камеру от топки (рис. 29, *а*). В ней прослежены два продуха и пять половинок продухов. Благодаря им установлено, что они размещались в перегородке концентрическими кругами и было их примерно 15—16. Перегородка насквозь прокалена, толщина ее 0,14 м, диаметры продухов 5 см. Диаметр круглой обжигательной камеры 1,1 м.

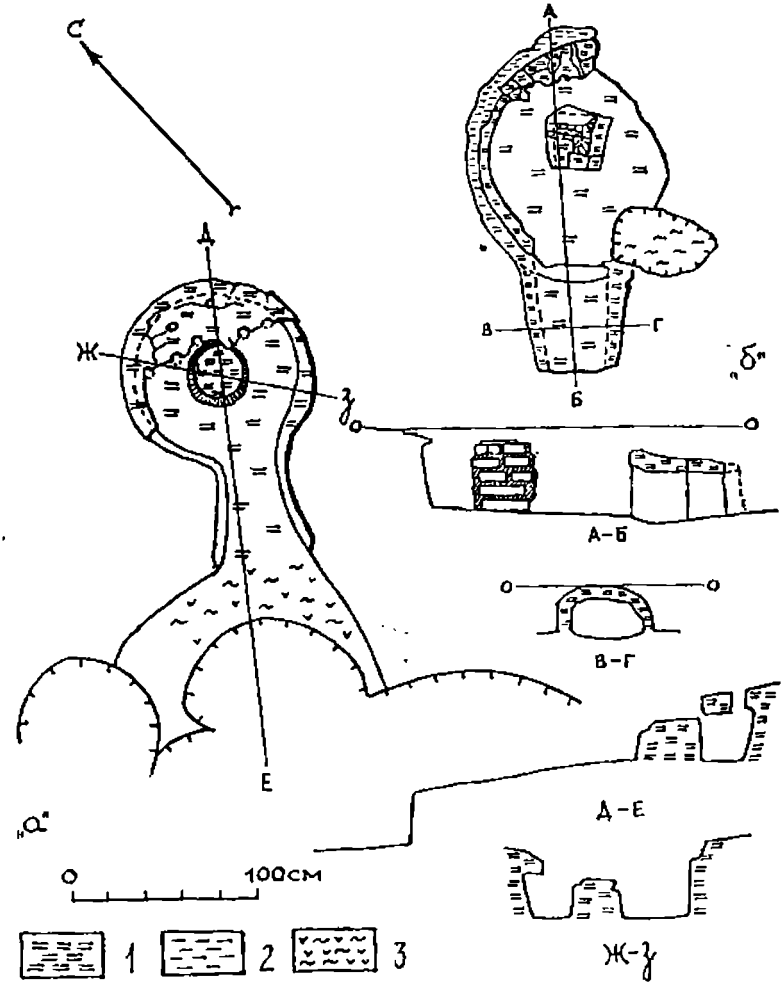


Рис. 29. Гончарные печи: печь 1 (*а*), печь 2 (*б*). *1* — обожженная глина; *2* — глина, *3* — уголь, зола

Врытая в материк, также круглая в плане топка сохранилась полностью — на всю высоту — примерно 0,3 м. Диаметры ее: верхний — 0,95 м, дна (пода) — 0,85 м. В центр пода поставлен глинобитный массивный расширяющийся

вверх столб диаметром 0,27—0,35 м. Очевидно, он поддерживал горизонтальную перегородку. Стенки печи и дно сильно прокалены, на полу лежал тонкий слой золы. Столб в центре топки тоже прокален до красно-оранжевого цвета.

Устье печи 0,45—0,5 м, шириной у топки 0,28 м, а у выхода в предпечье — 0,4 м. Стенки устья тоже обожжены.

Предпечье, судя по сохранившейся части, было, видимо, обычной круглой ямой с пологими стенками. На дне ее лежал слой угля и золы. Часть золы попала и на стенку рва, которая осыпалась в него, видимо, при его сооружении.

Заполнение печи и предпечья также золистое с большим количеством угля. В нем попадались немногочисленные обломки кухонных казарских горшков. Каких-либо явных следов керамического производства (разбитых или полуобожженных горшков, разного брака) вокруг печи не было. Однако в жилище 115, т.е. рядом с печью, был обнаружен, как говорилось выше, необожженный глиняный горшок с линейным орнаментом. Возможно, что обжигать его должны были в этой печи. Близкое соседство печи к постройке могло быть причиной пожара в ней, следы которого прекрасно прослежены в открытом котловане.

Вторая печь расположена у самой стенки жилища 117. Стратиграфические наблюдения позволяют как будто говорить о том, что печь была поставлена уже после того, как жилище перестало функционировать и его котлован был частично затянут мусорным слоем. Во всяком случае, ясно, что эти комплексы не могли существовать одновременно.

Топка и устье топки хорошо прослеживались в материке, так как поверхность их была сильно обожжена (см. рис. 29). Устье ориентировано входом ко рву, в плане оно трапециевидное, немного расширявшееся к входу в топку, длиной 0,62 м, максимальной шириной 0,42 м. Сохранился арочный свод входа (высотой 0,25 м). Под устья немного покатый — от топки к выходу, плавно (без порожка) переходит в предпечье. Очертания последнего в материке не выявлены — видимо, оно было засыпано материковой глиной-выкидом из рва, неотличимым от материка.

Южнее входа в топку с древней поверхности было пробито отверстие шириной 0,1 м, высотой 0,2 м, предназначенное для поддува воздуха и, вероятно, для частичного выгребания из топки золы. На плане печи этот "поддув" не был изображен, он только описан в дневнике Л. Г. Нечаевой, но в том месте, где он выходил на поверхность, на план помещена неглубокая ямка (углубление), заполненная золой и костями рыб.

Топка круглая, стенки ее немного скошены ко дну, высота их 0,4 м, диаметр топки по дну 1,15 м. В центре пода поставлен столб из кирпичей, обмазанный слоем глины. Высота его 5 кирпичей, что составляет вместе со скрепляющими прослойками глины 0,4 м.

Горизонтальная перегородка между обжигательной (верхней) камерой и топкой почти не сохранилась — прослежен только небольшой кусок от нее. Судя по нему, ее сооружали с применением кирпичей; диаметр ее 1,3 м. Сохранились края двух продухов, расположенных у самого края (вдоль стенки).

Под топки, стенки, поверхность столба, перегородка обожжены до красно-оранжевого цвета, топка заполнена золой и углями.

Вокруг печи, на уровне +0,16 м в темном гумусном слое обнаружено большое количество обломков горшков с линейно-волнистым орнаментом. Это — типичный керамический бой, сопровождавший всегда обжигательные горны, хотя обломков бракованных сосудов в нем не обнаружено.

Обе керамические печи относятся к одному типу: со столбами в центре топки, поддерживавшими перегородку, отделявшую от топки обжигательную камеру. Устройство устья, размеры продухов, общие размеры печей очень близки. Различие заключается только в использовании кирпичей при строитель-

стве второй печи. Кирпичи, как и в печи жилища 116, были без следов известкового раствора на поверхностях. Использование же их — явно "новаторский прием", который позволяет, видимо, считать эту печь несколько более поздней сравнительно с первой. Вероятно, её соорудили после прекращения эксплуатации печи с глинобитным столбом.

Аналогии двухкамерным — "двухэтажным" печам, распространенным в Восточной Европе в I—начале II тыс., известны на очень широкой территории. Прежде всего, несколько печей, кроме описанных, встречены и в самом Саркеле, среди жилых комплексов. Правда, все они относились уже к другому периоду жизни крепости — к беловежскому. Таким образом, обе печи, обнаруженные у юго-западной стены, наиболее ранние на этом городище. Сооружение в них поддерживавшего перегородку столба является результатом влияния крымско-византийского гончарства. Большие квадратные печи VIII—IX вв. в Крыму, как правило, строились с несколькими столбами, а им предшествовали небольшие круглые печи со столбом в центре пола, типичные для античности. Именно эти "античные" печи, сохранившиеся на периферии Византийской империи, и были освоены хазарскими гончарами [Якобсон, 1979. С. 39—60]. Такие печи встречаются на многих памятниках салтово-маяцкой культуры. Размеры их обычно не превышают в диаметре 1 м, поэтому горизонтальная перегородка могла держаться и без столба. Практически такие двухкамерные небольшие круглые печи без державшего столба стали типологически единственными в Хазарском каганате [Ляпушкин, 1958 г. С. 331—334; Красильников, 1976, 1980; Плетнева, Красильников, 1990 и др.].

В настоящее время известно более десяти поселений с открытыми на них гончарными печами. Одним из наиболее крупных ремесленных центров, причем долговременных, является знаменитый гончарный район у Каницырки на Днепре [Смиленко, 1975. С. 121—129]. Единственным типом печей там были круглые двухкамерные, преимущественно со столбом в центре пода топки. Поселение и мастерские в Каницырке возникли раньше многих других "салтовских" памятников. Естественно, именно там сохранились архаичные — античные традиции строительства печей со столбами. И в Саркеле они также были прослежены только в ранних для этого памятника печах, которые стратиграфически могут быть отнесены ко времени не позже 30-х гг. IX в.

3. Ритуальные комплексы.

Два из них, несомненно близкие типологически и семантически, располагались в непосредственной близости от рва (см. рис. 22 и 23).

Первый комплекс находился примерно в 0,7 м от края. Это прямоугольный в плане котлован, получивший в поле № 13 (рис. 30, *а*). В материке он вырыт довольно небрежно, ориентирован углами по странам света (длинная ось СВ-ЮЗ). Котлован частично срезает угол жилища 115 и яму 38 (с захоронением), что свидетельствует о более позднем времени его сооружения. Размеры котлована 1,9 × 1,5 м, глубина в материке 0,55 м, стенки слегка наклонны, поэтому размеры дна немного меньше — 1,55 × 1,08 м. Углы слегка закруглены, стенки и дно прокалены до красного цвета. Дно покрыто слоем золы и угля толщиной до 4 см. На этом слое обнаружены четыре пары коровьих метаподий с копытами, а над ними в беспорядке набросаны другие кости животных, в частности, кость ноги лошади и часть скелета собаки: череп, лапы, половина позвоночника. Сверху все это засыпано мусорной рыхлой землей с примесью золы и углей.

Второй комплекс находился в 5,5 м от первого к юго-востоку на самом краю рва, врезаясь в него на целый метр. Это сооружение получило № 50 (рис. 30, *б*). Как и первое, оно прямоугольное с сильно закругленными углами, ориентировано аналогично первому. Размеры котлована 2,3 × 1,65 —

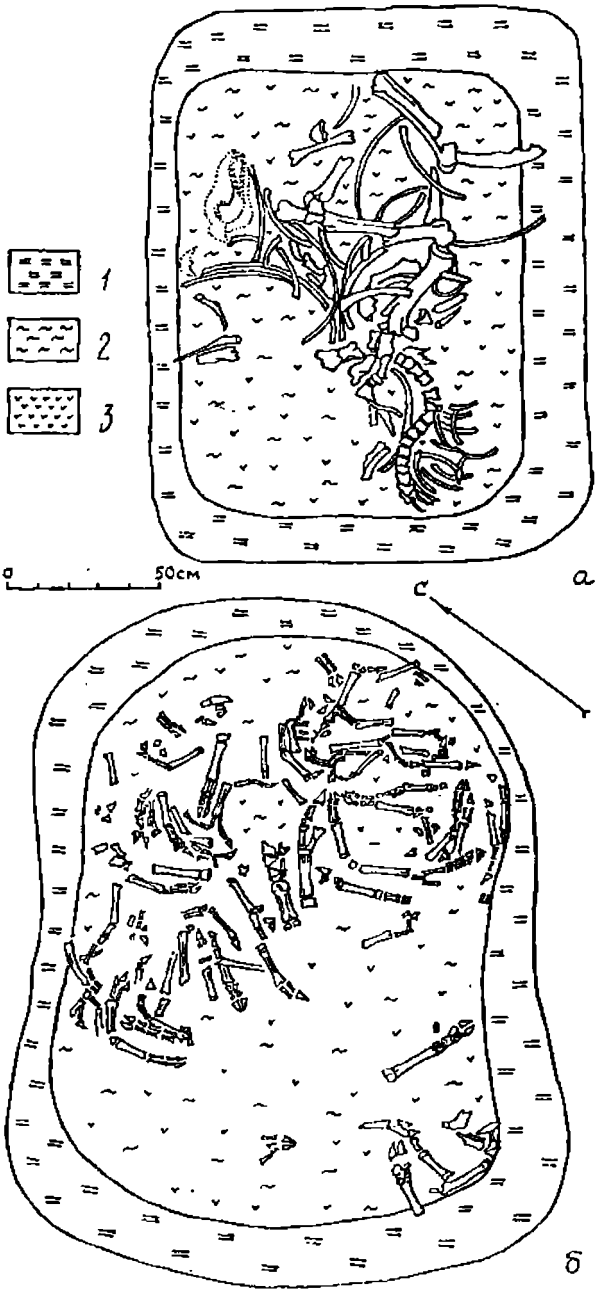


Рис. 30. Жертвенные ямы 13 (*а*), 50 (*б*): *1* – обожженная глина; *2* – зола; *3* – уголь

1,8 м, глубина от уровня подошвы крепостной стены 0,86 м. Выкопана яма в материке небрежно, ко дну стенки ее сужаются, дно плоское (2 × 1,35 м). Стенки и дно сильно прокалены. На дне лежал слой золы и угля. На нем в беспорядке разбросаны по всей площади, особенно в северо-восточной половине, ножки овец, отчлененные по второй или третий сустав. Уголь был, вероятно, уже остывший, так как на костях следов обгорелости нет. В южном углу ямы, помимо овечьих, в засыпке брошены отчлененные также по второй сустав две ноги коровы. Заполнение котлована — гумусированная земля с большой примесью угля. Верхние 0,2 м заполнения — твердая земля (утрамбованная глинистая засыпка). Ее специально насыпали в яму для закрепления края рва, нарушенного этой ямой.

Третьим комплексом, относящимся семантически, по-видимому, к этой же группе, является круглая яма, вырытая в заполнении постройки 12 (погреба) (см. рис. 26).

Заполнение котлована этой постройки, как уже говорилось, было плотное глинистое желтовато-серого цвета. Именно в нем была вырыта яма с округлым (чашевидным) дном. Диаметр ее 1,35 м, глубина 0,8 м — яма не достигала пола постройки примерно на 0,2 м. На дне ямы лежал толстый слой рыбьих костей и чешуи, а по периметру ямы вдоль стен на этом слое уложены пять целых рыб. В центре ямы на дне обнаружены разрозненные кости скелета женщины юношеского возраста (часть черепа, плечевые, бедренные кости, лопатка). Заполнение ямы состояло из специально утрамбованной зеленовато-серой глины с вкраплениями большого количества обломков кирпичей, хазарских горшков, кусочков извести.

Поскольку аналогий этому обряду мы не знаем, остается неясным, была ли молодая женщина, кости которой брошены в яму, специально умерщвлена, почему в яме оказались только ее разрозненные кости, почему уложено только пять целых рыб, а кости остальных и чешуя сброшены в яму, являясь, видимо, остатками ритуального пиршества.

Несмотря на возникающие вопросы при интерпретации не только этого комплекса, но и двух предыдущих, представляется весьма вероятным, что это были остатки каких-то сложных жертвоприношений с поеданием части ритуальной пищи, т.е. приносимых в жертву животных, и с еще более жестоким, но широко распространенным в Хазарии обычаем принесения в жертву женщин или детей.

4. Погребения животных в круглых ямах.

Иное значение имели захоронения собак в круглых ямах. Их было обнаружено на данном участке 4: три — между рвом и башней "Г" и одно — на расстоянии 12 м от них к северо-западу, под самой крепостной стеной (см. рис. 21 и 22).

Первое погребение находилось в яме 2, расположенной у края рва. Яма выявлена на уровне ниже подошвы крепостной стены на 0,37 м. Она круглая в плане, диаметром 1—1,1 м, глубиной 0,5 м. Стенки немного скошены ко дну, дно ровное, на нем на правом боку уложена собака (см. рис. 26). Лапы у нее немного спутаны, шея изогнута так, что голова обращена мордой к хвосту и череп лежал на левом виске. Собака крупная: высота в холке не менее 0,6 м, длина около 0,8 м. Скелет сохранился полностью и не был ритуально разрушен. Заполнение ямы — рыхлая гумусированная земля с включениями угольков. В ней найден кусок железного шлака и попадались обломки хазарских кухонных горшков.

Второе погребение находилось в яме 31, расположенной примерно в 4 м северо-западнее предыдущего. Яма выявлена на уровне ниже подошвы крепостной стены на 0,22 м. Она круглая, диаметры устья и дна соответственно 1 м и 1,35 м, глубина 1 м. Дно ровное, на нем — угольная прослойка толщиной

4 см. На ней уложена также на правом боку собака. Шея ее изогнута — голова мордой обращена к хвосту. Сохранность костей очень плохая, от черепа осталась только нижняя челюсть, задние лапы отсутствовали. Возможно, в этом погребении имело место ритуальное нарушение скелета. Заполнение ямы глинисто-материковое, в нем обнаружен один обломок лепного горшка.

Третье погребение собаки находилось рядом с предыдущим. У края рва выявлена яма 55 на уровне ниже "0" на 0,3 м. Яма овальная с неровными краями, размером 1,75 × 1 м, вытянута по оси СЗ-ЮВ. Дно ямы неровное, глубина ямы 1,25 м. Она заполнена коричневой плотной глиной. В этом заполнении на глубине 0,8 м обнаружен скелет собаки, ориентированный головой на СЗ. Скелет принадлежал крупной собаке. Задняя его часть разрушена.

Четвертое, расположенное в стороне, погребение собаки совершено в круглой в плане яме 46 (рис. 31), диаметром 1 м, глубиной в материке 0,45 м. Обнаружена яма немного выше уровня "0". При ее сооружении был прорезан слой известковой заливки, прослеженной по всей длине внешней стороны юго-западной стены. Дно ямы ровное, на нем на левом боку, мордой на север уложена очень крупная собака. Скелет ее сильно нарушен, очевидно, ритуально. Разрушены позвоночник и грудная клетка, отчленены задние лапы по второй сустав и затем брошены в яму рядом с телом. Яма заполнена коричневатой глиной с большим количеством кусочков известковой заливки. В отличие от предыдущих захоронений, это было совершено уже после возведения здесь стены.

В 4,5 м от этого захоронения, также около крепостной стены, прорезая заливку, вырыта еще одна круглая яма (23), которая четко выделилась на темном погребенном гумусном слое светлым глинистым заполнением с примесью большого количества кусочков извести. Глубина ямы в материке 0,68 м. В ее заполнении, выше дна почти на 0,3 м, обнаружены сильно разрушенный скелет овцы, а рядом — обломки тмутараканского кувшина и хазарского горшка с линейным орнаментом, но не серого, как обычно, а красного обжига.

5. Погребения людей в круглых ямах.

Эту группу захоронений следует разделить на три подгруппы.

Подгруппа А. К ней относятся три погребения людей, совершенные совместно с животными или частями животных (целыми или разрозненными скелетами).

Наиболее сложным из них является погребение человека в яме 55б, находящейся в 0,15 м от захоронения собаки в яме 55а (см. рис. 22).

Яма с погребением человека прямоугольная с закругленными углами и подбоем на юго-западной стороне. Длина ямы вместе с подбоем 1,88 м, ширина 1,2 м, глубина 1,6 м. В подбое совершено захоронение женщины возмужалого возраста, уложенной скорченно на правом боку, головой на СЗ [Артамонова, 1963, С. 205—206, рис. 138, погр. 213]. Скелет явно был ритуально разрушен: от него сохранились череп, правая плечевая и правая бедренная кости, часть левого бедра, правой лопатки и берцовой кости, пять шейных позвонков. Кроме черепа, все кости в переотложенном состоянии. Практически отсутствует вся левая часть скелета, которая была "верхней", так как покойница лежала на правом боку. Скелет уложен не на полу, а на земляной подсыпке толщиной 0,2 м. В глубине подбоя под самым его потолком — над скелетом обнаружены в заполнении подбоя кости двух собак: два черепа, позвоночник, длинные кости лап. Подбой низкий, кости буквально втиснуты над захоронением человека. Возможно, именно для их размещения была извлечена из могилы часть скелета женщины, что вполне допускалось ритуалом разрушения погребенного.

Не исключено, что собака из соседней ямы 55а, скелет которой был также сильно разрушен, просто не поместилась в подбой и поэтому была погребена в

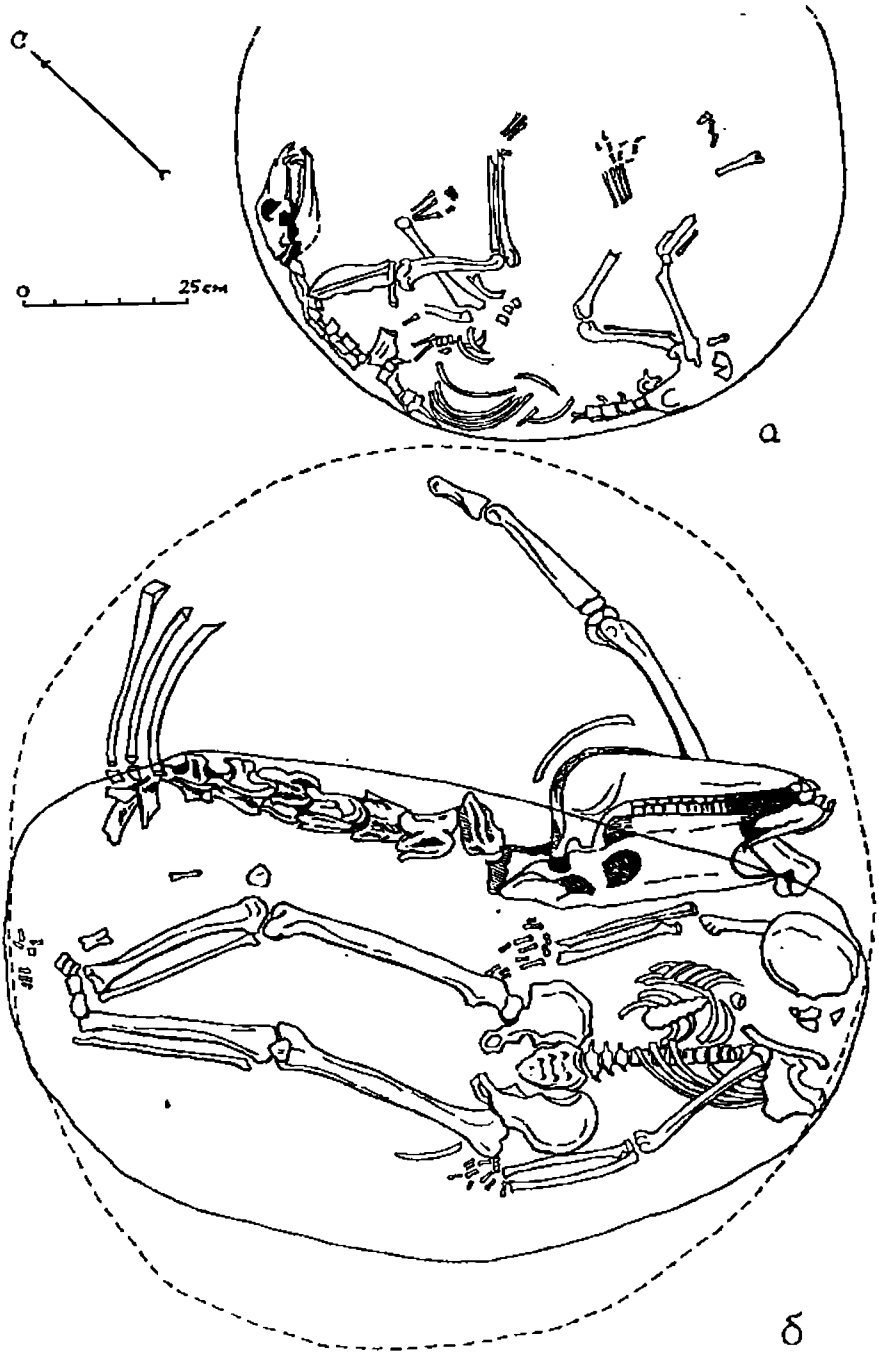


Рис. 31. Погребение собаки в яме 46 (*а*), мужчины с частями копья в яме 37 (*б*)

соседней "дополнительной" яме. Обе ямы явно относятся ко времени до сооружения рва, который сильно срезал краем верхнюю часть ямы 55б. Поверх сохранившейся коричневой глины заполнения прослежен слой зеленой глины, которой обмазан край рва. Толщина обмазки 0,4 м, а к краю рва она сходит на нет, ширина этой своеобразной "набережной" на данном участке около 2 м.

В отличие от основного заполнения ямы (плотной глины), подбой был заполнен черной рыхлой гумусной землей с прослойками глины, угольками, обломками кухонных хазарских горшков и частью ручки лощеного сосуда, обнаруженной рядом с черепом.

Второе совместное захоронение человека и животного тоже описано О. А. Артамоновой [1963. С. 14, 185, 186, рис. 3 и 7, погр. 76]. Оно было совершено в круглой яме 8, выявленной на уровне материка. Диаметры устья и дна ямы соответственно 1,2 м, и 1,6 м, глубина 1,2 м, стенки сильно скошены ко дну, дно немного вогнутое, ровное. В заполнении ямы, на глубине 0,4 м обнаружен скелет женщины возмужалого возраста, европеоида-долихокрана (СЗМ), уложенной головой на Юг, вытянутой на спине (левая рука — вдоль тела, правая — кистью на тазу). В мягком мусорном заполнении скелет несколько деформировался: позвоночник изогнут, таз перекошен, шея подогнута так, что череп стоит на основании, левая нога согнута в колене и берцовая кость сдвинута. Череп и концы ног лежали выше таза в заполнении на 0,2 м — заполнение явно осело под ее тяжестью. Скелет был, вероятно, частично разрушен: уничтожены стопы ног, сдвинута берцовая кость. Вокруг скелета в рыхлом суглинке найдены кости коровы.

Ниже, примерно с глубины 0,8 м, заполнение меняется — оно глинистое, но очень плотное. Его сначала приняли за материковое дно, но оказалось, что именно в этом слое засыпанная им на дне ямы была помещена убитая лошадь. Она лежала почти в "кошачьей" позе: на правом боку с изогнутым позвоночником и сильно подогнутыми ногами. Лошадь была обращена передней частью на север, но шея у нее, как у собак в описанных захоронениях, была отогнута назад и череп обращен мордой к югу. Скелет лошади также был частично ритуально нарушен: позвоночник отсутствовал, ребра и некоторые кости ног перемешаны и сдвинуты.

Близкое типологически к предыдущему захоронение было совершено в яме 37 (см. рис. 31, *б*), расположенной у стены: яма прорезала известковую заливку, обрамлявшую стену. Устье ямы овальное, размеры его 1,4 × 0,8 м, стенки ямы скошены ко дну. Дно круглое, ровное, диаметром около 1,5 м. Глубина ямы весьма значительна — 1,3 м. Погребение опубликовано [Артамонова, 1963. С. 16, 200, погр. 174, 189].

В заполнении, на глубине 0,6 м помещено погребение мужчины возмужалого возраста, европеоида-брахикрана (САМ). Скелет ориентирован головой на ВЮВ, в мягком заполнении прогнулся, шея подогнута — череп стоял на основании, ноги немного согнуты. Погребенный явно не помещался в длину в яме, хотя ему старались сохранить ритуальную позу: вытянут на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

В заполнении ямы много извести, скелет лежал на тонком слое известковых пластинок. Ниже этой прослойки, на глубине от 0,67 до 0,9 м обнаружены череп крупного коня, лежавший на правой щеке, мордой на ЮВ, семь шейных позвонков, несколько передних ребер и кости одной передней ноги. Интересно, что нога была "обезврежена", т.е. брошена в яму без копыта и первого пястного сустава, отчлененного от ноги.

Под костями коня, почти на дне обнаружены остатки захоронения ребенка в возрасте до 1 года. Череп его был раздавлен, косточки в беспорядке.

Как уже говорилось, все эти погребения объединены в единую подгруппу по основному признаку — наличию в них остатков животных. Другим общим

признаком является ритуальное разрушение скелетов людей и животных, причем захоронения людей совершены не на дне ям, а в их заполнении.

Ориентировка погребенных, пол, положение и антропологические типы различны, только возраст всех трех одинаков — возмужалый. Характерно, что все они втиснуты в ямы, диаметры которых значительно меньше длины умерших. Возможно, что эта "втиснутость" также была частью обряда разрушения скелета.

Подгруппа Б — "двойные захоронения". Представлена всего двумя комплексами. Следует сказать, что третье захоронение предыдущей подгруппы также может быть отнесено к "двойным", так как на дне ямы были обнаружены останки детского погребения.

Особенно близким к этому захоронению является погребение в яме 15 (см. рис. 29). Оно, как и прежние, опубликовано [Артамонова, 1963. С. 195, погр. 152, 173]. Яма находилась в северо-западной части исследуемого участка, примерно на равном расстоянии от рва и от стены. Выявлена на уровне материка, диаметры устья и дна соответственно 1,25 м и 1,6 м, глубина 0,9 м. Стенки сильно скошены ко дну. Заполнение верхней части ямы рыхлое, мусорное с обломками кирпичей и кусочками извести. На глубине 0,25—0,55 м на прослойке плотной глины находилось погребение мужчины возмужалого возраста, европеоида-брахимезокрана (САМ), череп со следами проникающих ударов острым оружием. Скелет лежал на спине, левая рука вытянута, правая согнута в локте, кистью касалась груди. Туловище несколько наклонно, череп стоял на основании, ноги согнуты коленями вверх и завалились влево. Как и все уложенные вытянуто на спине погребенные в круглых ямах, этот тоже был втиснут в яму.

Под прослойкой глины, на которой лежал скелет, яму заполнял чистый материковый суглинок. На самом дне ямы находился скелет ребенка в возрасте до 1 года. Уложен на правом боку с согнутыми ногами, кости скелетика сильно истлели и были перемешаны.

Таким образом, в обеих ямах (37 и 15) основные погребения лежали в заполнении на тонких прослойках-подстилках (извести или глины) на равной от материка глубине. Положение покойников (вытянутое на спине) и ориентировка также почти идентичны. Оба втиснуты в ямы и частично разрушены. Принадлежали они возмужалым мужчинам, брахикранам. Дополнительными погребениями, совершенными на дне ям, были в обоих случаях младенцы.

Второе погребение этой подгруппы совершено в яме 52 [Артамонова, 1963. С. 203, рис. 6, 137, погр. 208]. Яма со скошенными стенками, диаметры устья и дна соответственно 1,2 м и 1,35 м, глубина от уровня материка 0,8 м. Дно немного вогнутое, почти у самого дна — останки двух скелетов. Основное захоронение принадлежало женщине зрелого возраста, европеоиду-долихокрану (СЗМ), уложенной головой на Юг, на левом боку, скорченно. Левая рука вытянута — кистью к колену, правая согнута в локте — кистью к локтю левой руки. Череп и ступни упираются в стенки ямы. Другое погребение разрушено: большинство костей скелета отсутствует, оставшиеся — череп, лучевые и локтевые кости с частично сохранившимися фалангами, берцовые кости, половинка таза, несколько позвонков — разбросаны по дну за спиной женщины. Кости принадлежали юноше европеоиду-мезокрану (СЗМ). У костей его рук обнаружена железная крица, а у таза женщины — песчаниковый камень. Заполнение рыхлое, в нем много обломков керамики: 27 хазарских горшков, 17 лощеных сосудов, одна ручка амфоры IX в., три куска крицы и железный шлак.

Подгруппа В. В нее входят обычные погребения людей в круглых ямах. Все они подробно описаны и опубликованы О. А. Артамоновой, поэтому здесь нет смысла повторять описания. Воспользуемся ими только для составления свод-

ной табл. 1, которая дает общее представление об этих погребениях, позволяющее сравнивать их между собой и с вышеописанными погребениями людей и даже животных.

Таблица 1

Основные признаки погребений в круглых ямах (подгруппа В)

	№ ямы		65	47	67	66	33	38	25
	№ погребения		128	157	214	163	2	172	167
Яма	Диаметр устья		200	180	150	150	90	150	120
	Диаметр дна		—	—	—	—	120	210	—
	Глубина ямы		60	40	123	142	176	88	120
	Глубина погребения		20	22	—	—	—	70	28
Погребение	Пол	муж.	+	+	+	+			
		жен.					+	+	+
	Возраст	возмужалый	+	+			+	+	
		зрелый			+				
		старый				+			
	Антропологический тип	САМ	+					+	
		СЗМ					+		
		долихокран степной		+					
		долихокран северный			+				
	Ориентировка		ВЮВ	ВСВ	СВ	ВСВ	СВ	ЮЗ	СЗ
	Положение	вытянут на спине	+	+	+	+	+		
		скорчен на левом боку						+	+
		втиснут	+	+	+	+	+		
		частично разрушен		+	+	+	+	+	+
Вещи	Топор		+						
	Нож		+						
	Костяная рукоять			+					
	Бронзовые пряжки				+				
	Бронзовый наконечник				+				
	Бронзовые колечки				+				
	Железная пряжка					+			
Стр. рис. в статье Артамоновой			191—192 127	195	206	197	175	199—200 135	195—6 130

В приведенной таблице хорошо прослеживается, что погребения людей в круглых ямах объединены в единую подгруппу не только круглой формой могильной ямы, но и рядом других достаточно устойчивых признаков: ритуальное частичное разрушение скелетов (исключение всего одно); преобладание восточной ориентировки; втискивание в могилу покойников, не помещавшихся в длину; частые захоронения не на дне, а в заполнении ям; малочисленность вещей при погребениях или полное их отсутствие (в женских захоронениях). Кроме того, все похороненные, как мужчины, так и женщины, относятся к категории возмужалых и пожилых людей. Характерно и этническое разнообразие погребенных: только два скелета относятся к наиболее распространенной группе саркельского населения — европеоидам-брахикранам (САМ). Черепа трех остальных принадлежали к редким для Саркела и даже для Белой Вежи группам населения.

Большинство перечисленных признаков преобладало и в других подгруппах группы захоронений в круглых ямах. Мы видели, что в "двойных" погре-

бениях попадались детские захоронения, но они были явно дополнительными — сопровождавшими основные погребения возмужалых мужчин и женщин.

Аналогичные захоронения животных и людей в круглых ямах известны пока только на Маяцком селище, где они также разбросаны среди жилых и хозяйственных комплексов [Винников, Афанасьев, 1991. С. 2, 118—130]. Там наряду с такими погребениями попадались и обычные для того региона катакомбные захоронения, причем ряд катакомбных камер имел дромосы в виде круглых хозяйственных ям. Они как бы совмещали две погребальные традиции — в круглых ямах и в камерах катакомб. Следует подчеркнуть, что любые погребальные сооружения на Маяцком поселении были сосредоточены вокруг святилищ, т.е. они вместе с другими ритуальными комплексами формировали внутри поселения отдельные районы. В Саркеле также вся раскопанная у стены площадка насыщена разнотипными ритуальными сооружениями. Вполне возможно, что, несмотря на наличие здесь бытовых и производственных комплексов, участок вне крепостной стены предназначался и для каких-то сложных ритуальных действ.

Не исключено, что "огненные производства", связанные с колдовскими силами, располагались вне крепости не только из-за их реальной пожароопасности, но и из-за ирреальной причины — страха перед огненными тенгри.

6. Хозяйственные ямы.

Весь пристенный участок, как и территория крепости, на уровне материка был изрезан многочисленными ямами: они занимали все свободные от описанных комплексов "клочки" пристенной площадки. Всего их здесь обнаружено и расчищено 32 (табл. 2).

Все ямы выявлены на уровне подошвы стены ("0"), который здесь совпадает с верхним горизонтом гумусированного древнего дернового слоя, толщина которого доходит до 0, 3 м, хотя местами он бывает стерт или срезан почти до материка. Глубины ям в материке различны — от 0,22 до 1,32 м. Мелкие ямы чаще цилиндрические, более глубокие — конусовидные, расширявшиеся ко дну. Ни глубина, ни форма ям не позволяет делать какие-либо выводы о времени их сооружения и гибели. Казалось бы, мелкие ямы могли относиться к более позднему времени, т.е. они были опущены с верхних горизонтов. Однако они не прослеживались в верхнем слое белозерского могильника. Как и у глубоких ям, их устья находились на уровне до возникновения этого могильника.

О. А. Артамонова при анализе заполнения ям отметила весьма существенную разницу, которая дала ей основание для выделения из общего числа ям более ранние. В заполнении последних не было характерных остатков строительного мусора — кусочков извести и обломков кирпичей. Это означало, по-видимому, что эти ямы были заброшены и засыпаны еще до постройки стены на этом участке. К этой же ранней группе следует относить и четыре ямы, нижняя часть которых заполнена слегка гумусированной глиной с небольшим количеством обычных "мусорных" находок, а верхняя забита гумусированной землей, перемешанной с известью и кирпичным щебнем. Очевидно, эти ямы также прекратили существование до строительства стены и были уже полузасыпаны ко времени начала стройки.

Особый интерес представляет яма 51, прорезавшая угол жилища 116 и уже полузасыпанная до строительства стены, что дает основание датировать не только яму, но и жилище, ею нарушенное.

Ямы, забитые строительным мусором, также могли быть выкопанными и функционировали до строительства, но засыпаны они были, очевидно, после его начала. Только о четырех ямах можно уверенно говорить, что их сооружение произошло в строительстве: это ямы, прорезавшие известковую залив-

Таблица 2

Ямы на участке у юго-западной стены

№ полевой	Диаметр устья	Диаметр дна	Глубина	Заполнение				Находки						
				с кусочками извести и кирпичей	прорезана заливка	глинистое	низ—глина, верх—стройму-сор	шлак	обломки хазарских кухонных горшков	обломки тмутараканских кувшинов	обломки амфор	обломки лепных горшков	кости животных	уголь
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
3	95	110	80	—	—	+	—	1	—	—	—	—	—	—
4	120	145	127	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	+
5	110	125	42	+	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—
6	90	130	76	+	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—
7	90	100	100	+	+	—	—	—	—	+	—	+	+	—
9	100	150	91	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—
10	100	120	63	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	90	127	82	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
14	120	167	132	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
17	70	70	22	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	145	145	43	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+
19	90	125	63	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+	—
20	100	100	50	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
21	110	110	95	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	110	145	124	—	—	+	—	—	—	—	+	—	+	—
24	95	110	49	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
26	155	180	100	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+	—
27	105	105	94	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
32	120	120	47	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
32а	90	90	40	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
34	124	131	77	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
35	100	115	68	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
36	100	120	60	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
39	115	125	97	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	100	110	81	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
41	95	115	98	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—
42	85	85	50	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
43	115	135	98	—	—	+	—	—	+	—	+	—	—	—
45	120	170	105	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—
48	110	120	85	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
51	90	165	95	—	—	—	+	—	+	—	—	—	—	—
56	80	120	84	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—

Итак, хозяйственные ямы выкапывались на участке на протяжении относительно длительного времени. Естественно, что и все остальные постройки существовали синхронно им и сооружались не единовременно. Их относительная хронология устанавливается, как и хозяйственных ям, по характеру заполнения котлованов, а также по фактам перекрытия их друг другом и по соотношению со стеной и рвом (рис. 32).

Наиболее ранними сооружениями являются жилища 115 и 116 (см. рис. 30). Оба в засыпи не содержали следов строительного мусора, к тому же, как говорилось, угол жилища 116 был срезан тоже ранней ямой. Жилище 115 почти наполовину срезано рвом, причем ясно, что до этого оно уже давно погибло, превратившись в котлован от сгоревшего жилища. В нем сохранились следы гончарного производства, а рядом находилась гончарная печь, вероятно, синхронная ему. Предпечье ее, как и котлован жилищ, было срезано рвом (см. рис. 32,*а*).

Вторая гончарная печь, как отмечалось, была расположена вплотную к стенке жилища 117, а это значит, что оба сооружения не могли сосуществовать. О том же как будто свидетельствует и стратиграфия заполнения котлована постройки. Оно золистое, забитое обломками хазарских горшков: в котлован сбрасывали золу из печи и керамический бой. Затем этот слой был перекрыт выбросом глины из рва. Поверх этого выброса ни золы, ни керамики не было, по-видимому, печь также перестала функционировать до сооружения рва, хотя использовалась жителями дольше, чем постройка 117.

Помимо хозяйственных ям, относившихся к раннему периоду застройки (с заполнением без строительного мусора), расположенных поблизости от башни "В", к этому периоду относятся ямы различного назначения, сосредоточенные компактной группой около башни "Г". В нее входят ямы с захоронениями собак (2, 31, 55а) и погребение женщины с собаками (55б). Последнее срезано рвом, и поверхность над ним и другими ближайшими ямами заровнена слоем плотной зеленоватой глины, что дополнительно свидетельствует о раннем происхождении всех этих ям, за исключением ямы 54, которая прорезала края ям 53 и 55а (к сожалению, сведений о составе ее заполнения не сохранилось).

Далее к первичной застройке следует относить яму 1, предположительно интерпретированную как медноплавильню, поскольку она частично срезана рвом.

Очевидно, остатки железоплавильных горнов, расположенных между западной башней и башней "Г", и находившаяся рядом с ними яма 8 (погребение женщины с копем), в заполнении которых нет даже следов строительного мусора, также относятся к раннему этапу освоения этого участка. Возможно, что и ямы 38 и 52 с погребениями людей, засыпанные "чистым" (без стройму-сора) грунтом, тоже следует относить к раннему времени. Добавим, что в край ямы 38 и в угол жилища 115 врезалась яма 13 (явно более поздняя).

С этими двумя захоронениями единовременны, вероятно, еще несколько погребений в круглых ямах (47, 65, 66, 67), поскольку в их заполнении не было ни извести, ни кусков кирпичей. Три из них размещены вдоль стены на расстоянии в 1,5—2 м от нее. Если бы их выкопали и засыпали после ее постройки, слой известковой заливки неизбежно был бы нарушен и известь попала бы и ямы. В одной из ям четко прослежено, что заливка-отмостка перекрывала забитую чистым грунтом яму. Четвертое захоронение (яма 67) пересечено рвом так, что вся верхняя половина ямы срезана строителями.

Тогда же была засыпана постройка 12 (погреб) с подбойным погребением. Котлован ее был забит не мусором, а, видимо, специально привезенной сюда желто-серой плотной глиной без примеси извести. Но в глинистом заполнении подбоя кусочки извести попадались в большом количестве. Это дает не-

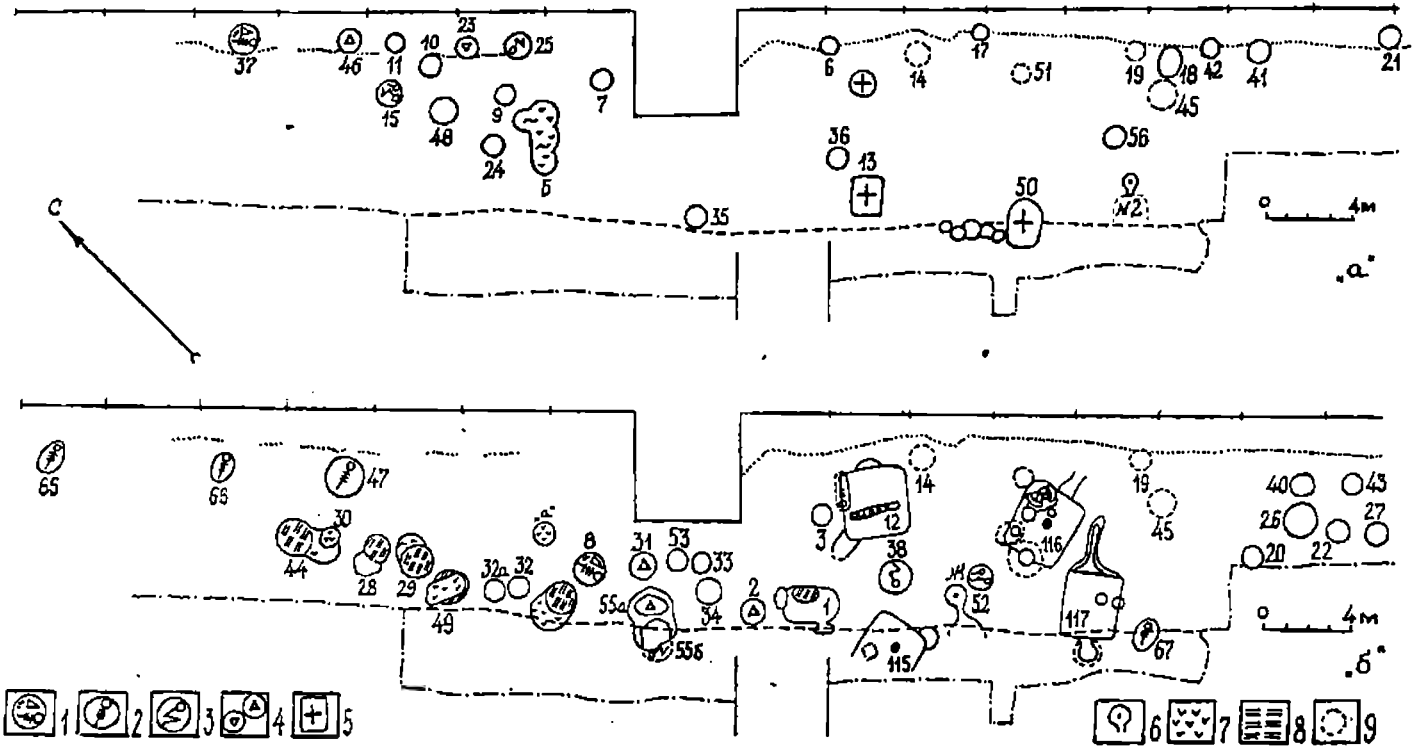


Рис. 32 Комплексы двух периодов на участке у юго-западной стены: I — комплексы второго периода; II — комплексы, существовавшие до постройки стены и рва; *1* —

которое основание восстановить картину разрушения постройки. Скорее всего она существовала вплоть до начала строительства и была использована для погребения, которое и засыпали глиной с известью из начавшего уже образовываться здесь строительного мусорного слоя. После совершения погребения постройкой перестали пользоваться по ее прямому назначению, разрушили и ее котлован засыпали грунтом, накопанным на стороне: это была гумусированная, смешанная с дерном глина, возможно, полученная при снятии первых штыков во рву.

Выделив с большей или меньшей долей вероятности все сооружения, относящиеся к первому этапу освоения пристенного участка, можно говорить о планировке построек на данной площадке (см. рис. 32, *а*). Так, жилища занимали центральное место, там же помещались гончарные печи, хозяйственные ямы располагались группами по двум сторонам центральной площадки, а плавильные горны находились на северо-западе от нее. Это стремление к объединению сооружений в группы по функциональному назначению — отличительная черта участка в первый период его освоения.

Столь же заметной особенностью является функциональное разнообразие размещенных здесь объектов: жилые дома, хозяйственные ямы, гончарные печи, железоплавильные горны, ритуальные захоронения собак, погребения разных видов и типов мужчин и женщин.

Во второй этап картина изменилась. Сократилось количество сооружений (см. рис. 32, *б*). Предположить, что они появились здесь в период стройки стены и рва, невероятно, так как любые сооружения на строительной площадке мешали бы работе.

То, что новое использование участка началось после окончания строительных работ, подтверждается наличием ям, прорезавших известковую заливку-отмостку стены. Всего таких ям 11, из них 6 — хозяйственных, остальные — погребения людей и животных (15, 23, 25, 37, 46). Заполнения всех их насыщены строительным мусором.

Поздними на этом участке следует считать и все комплексы, явно нарушившие более ранние постройки. Таковы яма 54, о которой говорилось выше, яма 36, прорезавшая вход в постройку 12, а также ритуальная яма с рыбами, выкопанная в заполнении этой же постройки, жертвенный комплекс (яма 13), врезанный в жилище 115 и яму 38, жертвенный комплекс (яма 50), прорезавший край рва, а также находившиеся рядом с ним ямы 58—61 и 63, выкопанные вдоль края рва, фактически на его склоне.

Все перечисленные ямы в беспорядке разбросаны на площадке между стеной и рвом (см. рис. 32, *б*). В группы они не объединены. Характерно, что почти сразу после постройки крепости люди бездумно стали сооружать новые объекты, разрушая этим фундаментальные постройки — стену и ров. Перекопанная отмостка и разрушение края рва стало началом их гибели.

Строения второго этапа значительно менее разнообразны сравнительно с первым. Здесь уже не было крупных построек, не было и производственных комплексов.

Сохранился обычай хоронить людей, а также животных (собак и овец) в круглых ямах. Все они сосредоточены на небольшой площадке вдоль стены между западной башней и башней "Г". Обряд, естественно, не отличался от более раннего, поскольку разница во времени сооружений первого и второго этапов не превышает 10—12 лет.

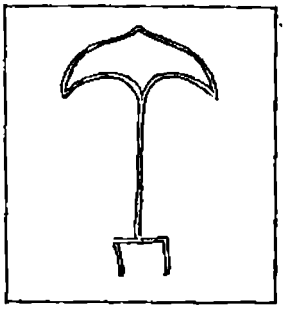
Принципиально новым на втором этапе является обряд жертвоприношений (ямы 13, 50, яма с рыбами), который в более раннее время, возможно, не был распространен среди местного населения. Аналогий таким жертвенникам нет (или они пока неизвестны, так как много материалов не издано) не только в Саркеле, но и на всей территории Хазарского каганата.

Аналогии другим ритуальным сооружениям этого и предыдущего этапов встречаются довольно редко, хотя о них иногда упоминают в обобщающих изданиях и публикациях памятников. В частности, выше уже говорилось, что захоронения в круглых ямах встречаются на поселениях и могильниках как в лесостепном, так и в степном вариантах хазарской культуры. Круглая форма ям имела какое-то важное смысловое значение, поскольку она характерна для многих трупосожжений и поминальных комплексов, для бытовых построек, открытых очагов и даже для планировки поселений. По-видимому, это связано с культом огня, солнца, неба. Интересно, что все ямы — остатки железоплавильных горнов — круглые. И в то же время нередко погребения в круглых ямах людей и животных также в той или иной степени связывались с огнем, поскольку совершались на угольной подсыпке и бывали засыпаны землей с большой примесью золы и углей.

Подводя некоторые итоги, следует прежде всего отметить, что участок у подножия юго-западной стены начал активно осваиваться и застраиваться различными по назначению сооружениями, очевидно, с первых шагов, которые сделали строители крепости на выбранном ими отрезке берега. М. И. Артамонов совершенно прав, полагая, что эта территория была заселена еще строителями крепости. Видимо, именно поэтому на нем были обнаружены остатки производственных сооружений, например, горнов, необходимых для производства железных изделий, использовавшихся при строительстве крепости.

В самом раннем поселке выявлены всего три жилые постройки. Их было, вероятно, намного больше, но часть их была уничтожена при рытье рва, который затронул, как мы видели, дошедшие до нас два жилища и ряд других комплексов. Однако и по сохранившейся части поселка можно говорить, что в первый период существования он был жилым и производственным, а во второй — вспомогательно-хозяйственным. Разные ритуальные сооружения были распространены в оба периода в равной степени, хотя только в первом встречаются захоронения в заброшенных комплексах и только во втором — ямы-жертвенники.

Большое количество остатков ритуальных действ в этом поселке, очевидно, следует считать характерным явлением для многих поселений Хазарского каганата. Так, особенно много их на Маяцком селище, где каждое гнездо построек сопровождалось святилищами, жертвенниками, погребениями, тризнами. Естественно, что и первые поселенцы будущего Саркела были так же проникнуты духом язычества, как и громадное большинство населения каганата.



Глава IV
САРКЕЛ в X веке

В предыдущих главах приведен ряд доказательств того, что все постройки внутри фундаментальных зданий караван-сараев, а также на участке бермы юго-западной стены были по неясной причине оставлены, разобраны и затем тщательно засыпаны и заровнены.

Процесс смены строений первого периода постройками следующего, вокруг которых нарастали мусорные отложения, особенно четко удалось проследить на территории дворов обоих караван-сараев. На других участках крепости, где были выявлены жилые и хозяйственные комплексы второго хазарского периода, они сооружались на материке, пристраиваясь к развалинам кирпичных зданий.

Обратимся к *участку в первом караван-сарае*, на котором было расположено гнездо из пяти поставленных куренем жилых и ремесленных построек. Котлованы их, как говорилось, были засыпаны и утрамбованы единовременно. После такой подготовки площадки к новой застройке на ней было поставлено несколько строений — наземных и углубленных в материк.

Самым значительным из них была кузница, в полевой документации обозначенная как "полуземлянка № 2" (рис. 33 и 34). Она полностью перекрывает засыпанный котлован гончарной мастерской с подбойными захоронениями в стенах. Постройка фактически была наземной, хотя первоначально она и показалась исследователям углубленной в грунт на 0,5 м. Объясняется это тем, что вокруг стен кузницы накопился культурный слой толщиной примерно 0,4 м, вплотную прилегавший к стенам снаружи, что создало впечатление углубленности ее в культурный слой с уровня +0,4 или +0,5 м.

Несмотря на то, что в полу кузницы при расчистке был обнаружен большой участок глины, покрывавший котлован гончарной мастерской, в промежутке между заравниванием котлована и постройкой кузницы на его месте, видимо, стояло какое-то легкое, также наземное строение, от которого сохранялись тонкий слой золы и остатки железного котла с разбросанными вокруг него сильно обожженными обломками кирпичей. Только после того, как эта легкая постройка с очагом, сложенным, видимо, из кирпичей, сгорела буквально "до тла", здесь поставили кузницу (Сорокин, 1959. С. 195—197, рис. 35; Плетнева, 1996б).

В плане кузница овальная, неправильной формы — местами с угловато выступающими стенками. Размеры ее 4,25 — 4,5 × 3,45 м. Пол без подмазки, но сильно утрамбованный, в нем по периметру постройки прослеживались ямки от жердей плетневого каркаса стен, очевидно, турлучной конструкции. Легкая кровля была "шалашевидной" с дымовым отверстием в центре, сооружена из камыша, вероятно, даже не обмазанного глиной, так как следов от нее в виде кусков обожженной глины с отпечатками камыша при расчистке помещения не обнаружено. Пол в средней части настолько сильно утоптан, что уровень его на 0,2 м ниже первоначального, сохранившегося по краям. В са-

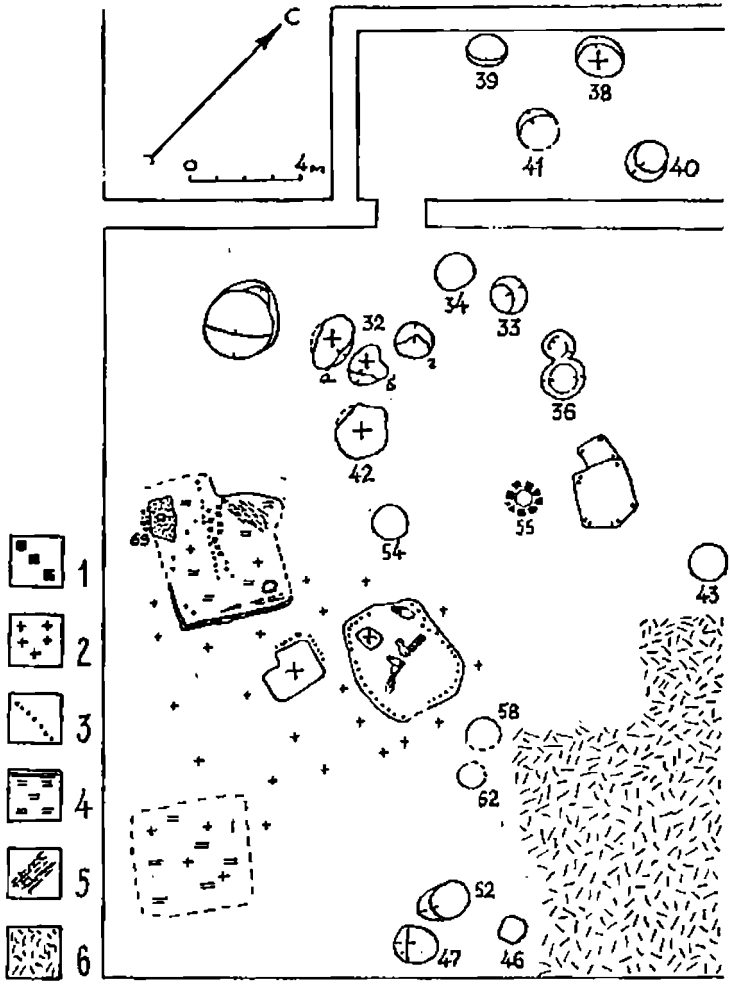


Рис. 33. Юго-восточная часть двора караван-сарая I во второй период: *1* — кирпичи; *2* — кирцы; *3* — ямки от жердей; *4* — обожженная глина; *5* — сгоревшие прутья крыши; *6* — часть жераскопанного участка двора

лись остатки деревянной массивной доски, покрытой железной окалиной, размеры ее 0,67 × 0,23 м. Горн состоял из корытообразного углубления с сильно обожженными стенками (0,45 × 0,2 м). К нему с юго-восточной (противоположной наковальне) стороны подведено сопло, диаметр которого 3 см. Оно проложено через глиняный массив, слегка нависавший над ямой горна. Противоположный конец сопла упирался в мех, от которых в неглубоком корытообразном углублении сохранились отпечатки и угольки сгоревшей деревянной основы.

Вся поверхность вокруг горна и наковальни покрыта золой, тополевыми угольками, кусками окалины, пол местами обожжен. К юго-западу от ямы горна на полу обнаружены два глиняных сильно обожженных диска, выпуклых с одной стороны и плоских с другой. Края у них оплакованы и растрескались. Размеры их 0,12 м и 0,22 м. Представляется, что это крышки, закрывав-

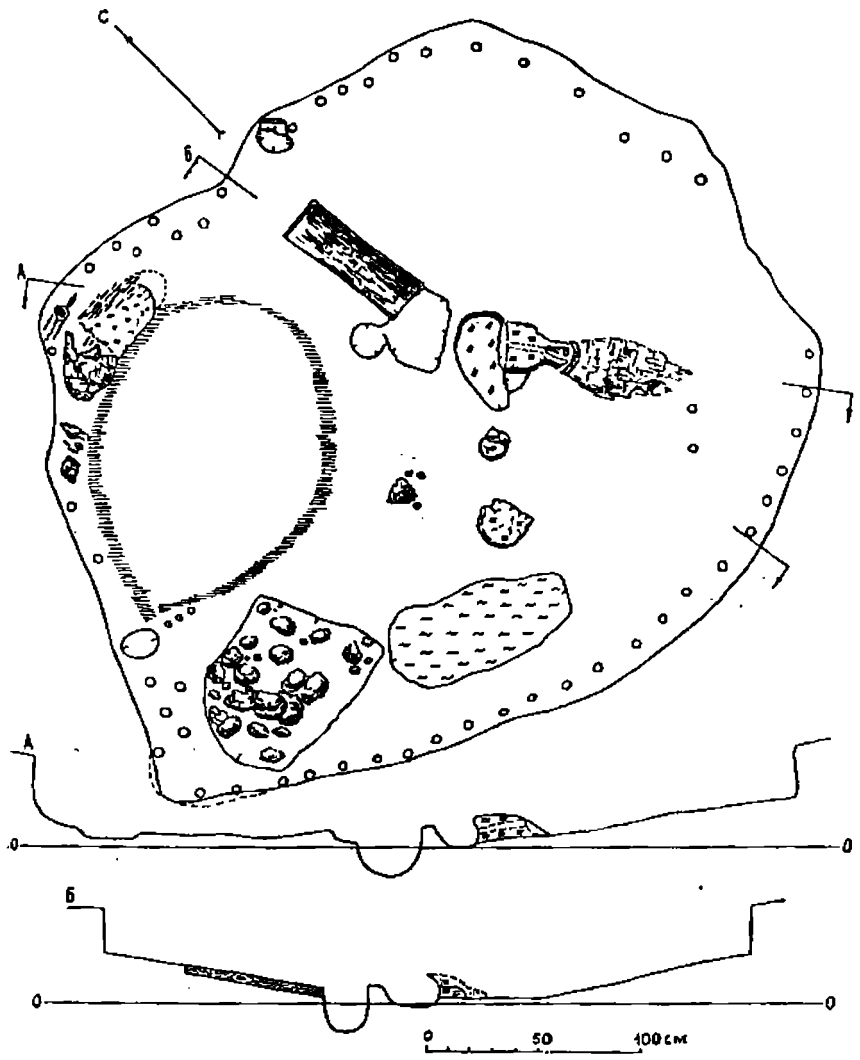


Рис. 34. Кузница (постройка 2). Горизонтальными штрихами показана граница глинищного пят на-забутовки котлована более ранней гончарной мастерской

шие яму горна: диаметр одной соответствует ширине ямы с юго-западного конца, а второй — с северо-восточного. У юго-западной стены помещения в полу вырыта неглубокая (0,2 м) прямоугольная яма (0,9 × 0,4 м), заполненная золой. У северной стены в небольшом углублении находились остатки перевернутого вверх дном и сломанного пополам деревянного корыта. Одна его часть сохранилась хорошо, так как обгорела и обуглилась, внутри корыто было обмазано глиной с примесью рубленой соломы. От другой половины корыта осталась только обмазка. Корыто служило резервуаром для воды, в которой закаливали железные изделия. Рядом с корытом брошен деревянный черпак, сильно обгоревший в пожаре. В западном углу кузницы помещалось не-

большое (1 × 1 м) сооружение, отделенное от остальной площади плетневой загородкой. Оно было заполнено крицами — их обнаружено 90 штук.

Кузница сгорела. От ее стен сохранились обуглившиеся куски жердей каркаса и кое-где угольки от ивовых прутьев плетня, вдоль стен — завалы пережженной глины и железной ржавчины. В слое над полом обнаружено еще 70 криц. Помещение не было жилым — обломков керамики на полу и в заполнении, костей животных почти не обнаружено.

Культурный слой, накопившийся вокруг кузницы, состоял в основном из сильно спрессованной золы, перемешанной с крицами. Интересно, что в этом слое были прослежены в нескольких местах у стен ямки от жердей, служивших, видимо, дополнительными креплениями или следами починки весьма хрупких и недолговечных турлучных стен.

Несмотря на "легкость" постройки, кузница существовала довольно долгое время — не менее 50 лет. Она начала функционировать в начале X в. и погибла в пожаре 965 г. Разгром кузницы был тотальным. Не только в самой кузнице, но и вокруг ее было разбросано более 200 криц, среди которых попадались и раскованные. Находили их и в соседних ямах, видимо, синхронных кузнице.

В слое золы, насыпанной вокруг, было расчищено на разных уровнях несколько глинобитных сильно обожженных небольших площадок, сосуществовавших с кузницей. Судя по прослойкам золы на них, можно предположить, что они были перекрыты легкими навесами. Видимо, это были дополнительные постройки, на которых производились разные вспомогательные работы. Характерно, что именно вблизи этих площадок или прямо на них найдено большинство прокованных криц. Одна из них была подвергнута спектральному анализу. Сварочное железо, по определению Ю. П. Бирюкова, получено из керченской руды [Бирюков, 1959. С. 208]. Трудно сказать, крицы или руда доставлялись в Саркел из Керчи, но очевидно, что торговые связи этой крепости с западными провинциями каганата в X в. были еще крепкими.

Одновременно с кузницей на территории бывшего куреня существовало еще несколько хозяйственных и жилых построек.

Рядом с кузницей находился небольшой погребок (1,15 × 2 м), пятно котлована которого обнаружено на уровне +0,45 м, а в материк он врезался всего на глубину -0,15 м, т.е. заглубленность постройки не превышала 0,6 м. На поверхности материка, вдоль западного края котлована, были прослежены ямки от глубоко вбитых в землю жердей, видимо, от плетневого каркаса стен. К сожалению, остальные жерди были вбиты менее глубоко и их следов на материке обнаружить не удалось. Северо-восточный угол и вся центральная часть погреба прорезаны тремя большими поздними ямами, поэтому далеко не все его конструктивные особенности возможно было проследить. Четко выявлен только широкий квадратный "выступ" (вход?). В заполнении обнаружено довольно много криц, которые попали затем и в заполнения врезавшихся в постройку ям.

Жилым комплексом, выросшим здесь вместе с кузницей, был большой наземный дом с глинобитными стенами. Он углом перекрывал засыпанный котлован ранней кузницы, а его северный край проходил над ямой 31 и квадратным погребком, относившимся к первому периоду застройки (см. рис. 33).

Плотный глинобитный пол жилища находился на уровне +0,25 м. Ориентировано оно сторонами по странам света. Относительно хорошо сохранилось основание стенки, представлявшее собой развал пережженной глины, распадавшейся на вертикальные слои. Под глиной лежала плаха, являвшаяся своеобразным "цоколем", а на полу вдоль стены прослежены скопления обгорелых

прутьев, горелых плашек, кусков глиняной обожженной обмазки. Юго-западный угол жилища выделился четко, он слегка округлый.

От южной стенки сохранилось очень немного — по остаткам можно наметить только общее ее направление. Западная сторона определяется линией пола и по завалу золы на нем, а северная почти полностью уничтожена котлованом более позднего сооружения. Несмотря на плохую сохранность, примерные размеры жилища можно восстановить — 5 × 4,5 м. Поскольку середина пола сохранилась и была расчищена, а очага на ней не обнаружено, ясно, что он находился в одном из углов, уничтоженных перекопами (северо-западном и северо-восточном).

Поперек жилища был прослежен ряд ямок от жердей, служивших каркасом плетневой перегородки, рухнувшей, видимо, в северо-восточную часть горевшего жилища, поскольку пол в ней перекрыт толстым слоем гари, золы, угольков от ивовых прутиков и тополевых жердей. Впрочем, эти остатки могли быть частью сгоревшей рухнувшей крыши.

Под слоем пожарища на полу обнаружены остатки сгоревшей овальной ивовой корзинки (0,2 × 0,35 м), обломки нескольких лощеных сосудов, а в слое пожарища — обломки лощеных сосудов, кухонных хазарских горшков, тмутараканских кувшинов и несколько обломков амфор и лепных сосудов, вероятно, также хазарских. Кроме того, в этом завале попадались крицы и куски разных железных предметов, что может служить доказательством связи этого жилища с кузницей, стоявшей на расстоянии 1,5—2 м от него.

В непосредственной близости от южной стены находилась прекрасно сохранившаяся яма (69), перекрытая известковой массивной плитой с прорубленным в ней небольшим круглым отверстием-устьем. Внутри она пустая: не использовалась в качестве помойки и благодаря плите не была засыпана окружающим и нарастающим над ней грунтом. Возможно, яма относилась к описанному выше жилищу.

Западный угол жилища и эта яма перекрыты глинобитным полом более позднего и тоже сгоревшего жилища, юго-западная сторона которого вплотную примыкает к крепостной стене. Примерные размеры его 2,7 × 3 м. Разница уровней залегания полов всего 5 см, поэтому в месте их пересечения они почти сливаются. Тем не менее, опираясь на стратиграфию, можно считать второе жилище уже беловежским.

К хазарскому времени относилась, вероятно, еще одна постройка на этом участке, расположенная над котлованом ранней полуземлянки 14. Уровень пола новой постройки выше "0" на 0,2 м, хотя над котлованом он сильно осел. В полу прослежено несколько мелких ямок от столбов, а также три, поставленные на ребро кирпича, усыпанные сгоревшей просяной шелухой. Сохранность этого помещения очень плохая, но в его завале довольно много обломков керамики характерного хазарского комплекса: кухонных горшков с линейным орнаментом (26), котла с внутренним ушком, лощеного столового сосуда, лепных сосудов (27), кувшинов тмутараканского типа (42), амфор (5). Кроме того, среди мусора были найдены 12 криц и обломок косы-горбуши.

Представляется весьма вероятным, что к этому комплексу построек следует отнести все ямы, обнаруженные вокруг в радиусе 5—6 м от кузницы (см. рис. 33), устья которых были прослежены на уровнях "0" и до +0,5 м, а также, что особенно важно, с находками в заполнении обломков типичного комплекса хазарской керамики (табл. 3).

Ямы характеризуются рядом признаков, редко или совсем не встречавшихся в Саркеле и других салтово-маяцких поселениях Донского бассейна. И в данной группе эти признаки прослеживаются не во всех ямах, однако большинство обладает одним или несколькими из них.

Наиболее распространенной является обмазка стенок и дна ямы зеленой

Таблица 3

Ямы хазарского периода во дворе 1-го караван-сарая

№ полевой	Уровень устья	Обмазка зеленой глиной	Приступка на дне	Закопченная	Обожженная	Находки крищ	Размеры			Керамика					Кости животных и рыб
							диаметр устья	диаметр дна	глубина	хазарские горшки	сероглиняные сосуды	тмутараканские кувшины	амфоры	боршевские горшки	
32а	0	+	+	—	—	1	160 × 200	160 × 200	140	+	—	+	—	—	+
32б	0	+	+	—	—	1	130 × 180	130 × 180	140	+	—	+	—		+
32г	0	+	+	—	—	—	95 × 125	150	190	+	+	+	—	—	+
33	+16	+	—	—	+	—	150 × 125	150 × 125	55	+	—	+	—	—	—
34	+10	+	—	—	—	—	130	130	60	+	+	+	—	—	—
35	+15	—	—	—	—	—	90 × 100	75 × 90	115	—	+	—	—	—	+
36	+15	+	—	—	+	—	150	150	150	+	+	+	—	—	+
38	0	+	+	—	—	1	125 × 140	125 × 140	125	+	—	+	+	—	+
39	0	+	+	—	—	—	130.	130	100	+	+	+	—	—	—
40	0	—	—	+	—	—	125	155 × 175	240	—	+	+	—	—	—
41	0	+	+	+	—	—	95	175	215	+	—	+	—	+	+
42	0	—	—	—	—	1	100 × 125	100 × 125	110	+	+	+	+	—	+
43	+20	+	—	—	—	—	175	175	140	+	—	+	—	—	—
46	+50	—	+	—	—	—	100 × 120	100 × 120	150	+	+	+	+	—	+
47	+20	—	+	—	—	—	150	150	100	+	—	+	—	—	+
52	+10	+	+	—	—	—	200 × 140	200 × 140	100	+	—	+	—	—	+
54	0	—	—	+	—	—	115	150	100	+	+	+	+	+	+
55	+20	+	—	—	—	—	60	135	90	—	—	—	—	—	—
69	0	—	—	+	—	—	32	150	95	—	—	—	—	—	—

глиной. Почти так же часто ямы имели приступку на дне высотой 0,2—0,3 м, занимавшую иногда до 1/3 площади дна.

Несколько ям отличались сильной закопченностью стенок, а иногда и обожженностью. Вероятно, обжиг производился до засыпки в ямы зерна в целях уничтожения в них насекомых-вредителей, т.е. для дезинфекции.

Наконец, отметим еще одну черту, отличающую большую часть этих ям, — их цилиндрическую форму (с равными размерами устья и дна). Обычной, преобладающей или даже единственной формой ям была на хазарских поселениях так называемая усеченно-коническая или близкая ей — кубышкообразная [Плетнева, 1989. С. 46]. В данной группе ям также попадались обе формы: четыре ямы усеченно-конические и две (55 и 69) — кубышкообразные. У ямы 55 устье обложено кирпичами, вынутыми из какой-то кладки и уложенными вокруг ямы на растворе зеленой глины. Она, как и описанная выше яма 69, пустая — без заполнения и находок. Очевидно, массивные деревянные крышки долгое время предохраняли обе ямы от засыпи в них земли.

Заполнение остальных ям мусорное с довольно большим количеством керамических обломков и костей различных животных и рыб. Типичная для хазарского комплекса "триада": кухонные горшки, сероглиняные столовые сосуды, тмутараканские кувшины — изредка дополнялись обломками амфор. В двух ямах обнаружено несколько обломков боршевских горшков, в одной (43) — обломок кочевнического сосудика с "роскошным" орнаментом.

Что касается костей животных, то наибольший интерес представляет яма 32г, в которой обнаружено сакральное число (7) полных скелетиков лисиц, являвшихся тогда в степях почитаемым животным [Плетнева, 1967. С. 172]. Трудно сказать, было ли это жертвоприношением или, как полагали зоологи, это были просто брошенные в помойку ободранные тушки зверьков. Оба предположения вероятны.

Таким образом, хозяйственно-производственный комплекс, состоявший в первый период из пяти построек, во второй период сильно преобразился. Кузнечное производство здесь восстановили. Кузница была прекрасно оборудована и, что очень существенно, не служила одновременно мастерской и жильем для ее хозяина. Это явно была специализированная кузнечная мастерская с большими запасами кричного железа. Существование ее свидетельствует о выделении кузнечного производства в отрасль ремесла, прочно обосновавшегося в Саркеле. Располагавшиеся рядом с мастерской дома, как и кузница, были наземные с легкими стенами и крышей. Видимо, они принадлежали хозяину кузницы. В это же хозяйство входили соседние ямы и небольшая прямоугольная постройка (погребок?) с турлучными стенами.

Большесемейное "гнездо" с куренным построением было заменено обычным двором-усадьбой парной семьи ремесленника-кузнеца. Усадьба стояла во дворе первого караван-сарая, занимая чуть большую сравнительно с предыдущим куренем площадь. Однако новые постройки и хозяйственные ямы размещались тогда уже на всей территории караван-сарая. Причем их стали строить не только на свободной от застройки площади двора, но и внутри, очевидно, полуразрушенных гостиничных кирпичных помещений.

Таково, в частности, *жилище, поставленное в северо-восточном конце длинного помещения*. Жилище представляло собой овальную в плане полуземлянку. Размеры ее 3,45 х 2,2 м, глубина от уровня материка 0,30—0,45 м. Котлован вырыт небрежно: стены и пол неровные, бугристые, пол без подмазки, жердевых ямок от стен в полу не было, шесть удалось проследить вдоль края котлована (снаружи). Вход в жилище находился, вероятно, с юго-восточной стороны, но сильный перекоп в этой части полностью уничтожил его (рис. 35).

В центре пола находился прямоугольный очаг, углубленный в пол на 0,1 м.

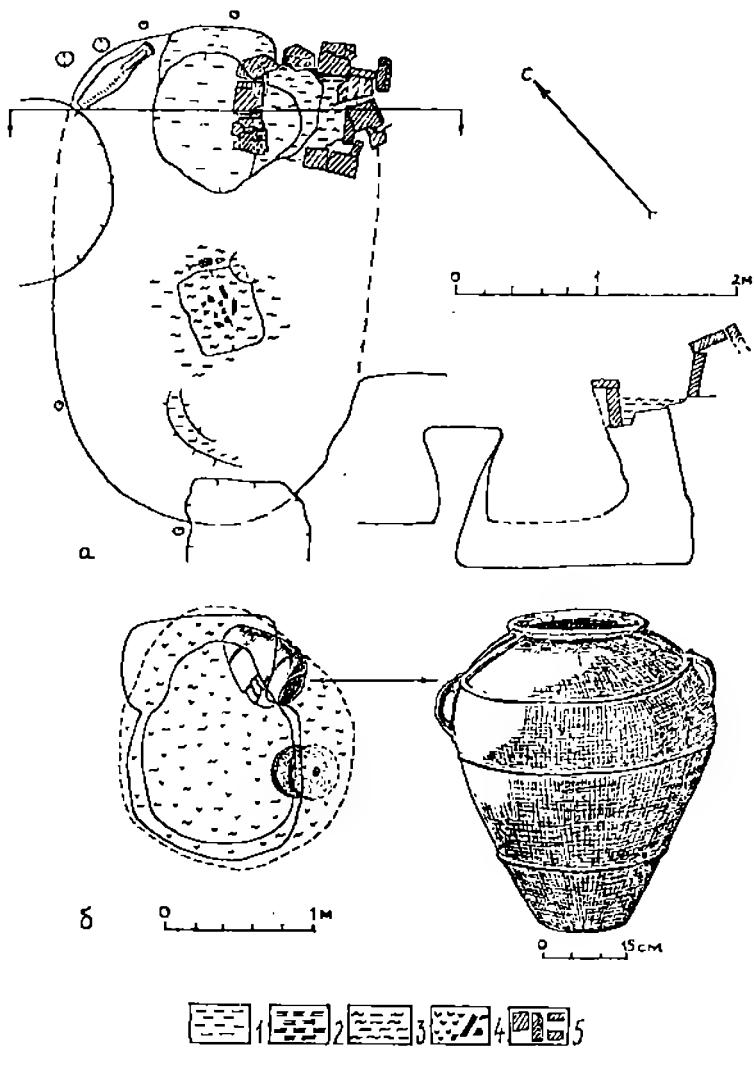


Рис. 35. Жилище 1, сооруженное в северном углу первого помещения караван-сарая I (*а*) и яма 18 в доме, сооруженном во втором помещении (*б*): *1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — зола; *4* — уголь; *5* — кирпичи

Размеры очага 0,5 х 0,6 м, поверхность его обожжена, заполнение состояло из золы и крупных углей (кусков тополевых поленьев). Много золы рассыпано на полу вокруг очага. На слое золы у северо-восточного края очага лежал целый скелет рыбы, покрытый чешуей.

У северо-восточной стенки в полу была вырыта большая усеченно-коническая яма с диаметром дна 1,65 м, глубиной 1 м. В ее заполнении у дна прослежена довольно толстая прослойка из чешуи и костей рыб, в которой попадались обломки кухонных хазарских горшков и кирпичей. Выше, до самого верха яма была забита материковой глиной без находок. Устье ямы не сохрани-

лось, так как в ее заполнении была вырыта другая яма меньшего размера (диаметры устья и дна соответственно 0,7 м и 1 м, глубина 0,65 м). Эта яма также была тщательно засыпана глиной перед сооружением над развалинами прежнего жилища нового жилого помещения. Последнее относилось уже к беловежскому времени. Его сложенная из кирпичей печь перекрывала край первой ямы. Неясно, относилась ли вторая яма к хазарской полуземлянке. То, что в ней обнаружены обломки только хазарской посуды, не может служить абсолютным обоснованием их синхронизации. Яму могли выкопать уже на развалинах жилища, случайно врезавшись в глинистое заполнение прежней ямы, видимо, ошибочно принятое за материк.

Заполнение жилища было уничтожено при постройке беловежского, вероятно, тоже полуземляночного жилища с печью. Только на самом полу обнаружены целый кувшин тмутараканского типа, донце такого же кувшина и бронзовая чашечка. Несмотря на перемешанность заполнения, следует все-таки отметить, что в нем преобладали обломки тмутараканских кувшинов и кухонных хазарских горшков, среди костей животных — кости рыб и скопления раковин-беззубок. Кроме того, в нем найдены 7 криц, что дает некоторые основания связывать время существования (или гибели?) этого жилища с кузницей.

Сооружение этого явно хазарского жилища в длинном помещении караван-сарая, естественно, является свидетельством того, что эта часть уже перестала функционировать в качестве благоустроенной закрытой "конюшни". Вполне возможно, что к этому времени внешняя (северо-западная) стена помещения была около полуземлянки полностью разобрана: отпечатки кирпичей здесь были стерты еще в древности. Интересно, что именно над этим участком на современной поверхности траншея, обозначившая направление этой стены, прерывалась, что означало отсутствие видимых в XIX в. на поверхности остатков стены.

Уничтожение караван-сарая не ограничилось длинным помещением. Рядом с ним большая квадратная комната (помещение 2) была тогда же перестроена в жилой дом. Очевидно, он целиком вписывался в комнату, размеры которой, как говорилось, около 30 м^2. Стены этой новой постройки были еще в основном кирпичные, но, видимо, предполагаемый верхний этаж и часть нижнего были разобраны. Никаких следов крыши обнаружить не удалось (рис. 36).

Вдоль юго-западной стенки прослежены остатки какой-то деревянной конструкции, вероятно, являвшейся нижним рядом деревянной стенки, поставленной вместо разрушенной на этом отрезке кирпичной. Глинобитный пол дома перекрывал известковое покрытие комнаты. Он, как и известковое покрытие, находился ниже уровня основания кирпичных стен примерно на 0,2 м. Пол ремонтировался — в южном углу сохранились остатки второй глинобитной подмазки.

На середине длины северо-западной стенки обнаружен развал обожженной глины, перекрывавший небольшое круглое углубление в полу. Очевидно, это были остатки какого-то отопительного устройства, более сложного, чем открытый очаг, характерный для хазарских жилищ. Возможно, это был тандыр, который, как правило, чаще ставился не в центре пола, а около стенки [Красильников, 1986].

Пол жилища был перерезан несколькими хозяйственными ямами. Одна из них находилась рядом с развалом отопительного сооружения. Она неглубокая — всего 0,6 м, сужавшаяся ко дну (диаметры устья и дна соответственно 1,15 м и 0,7 м). Заполнена она золистой землей с большим количеством тополевых угольков, тополевой стружки и кусков обожженной глиняной обмазки, среди которых попалось несколько обломков хазарских горшков, лощe-

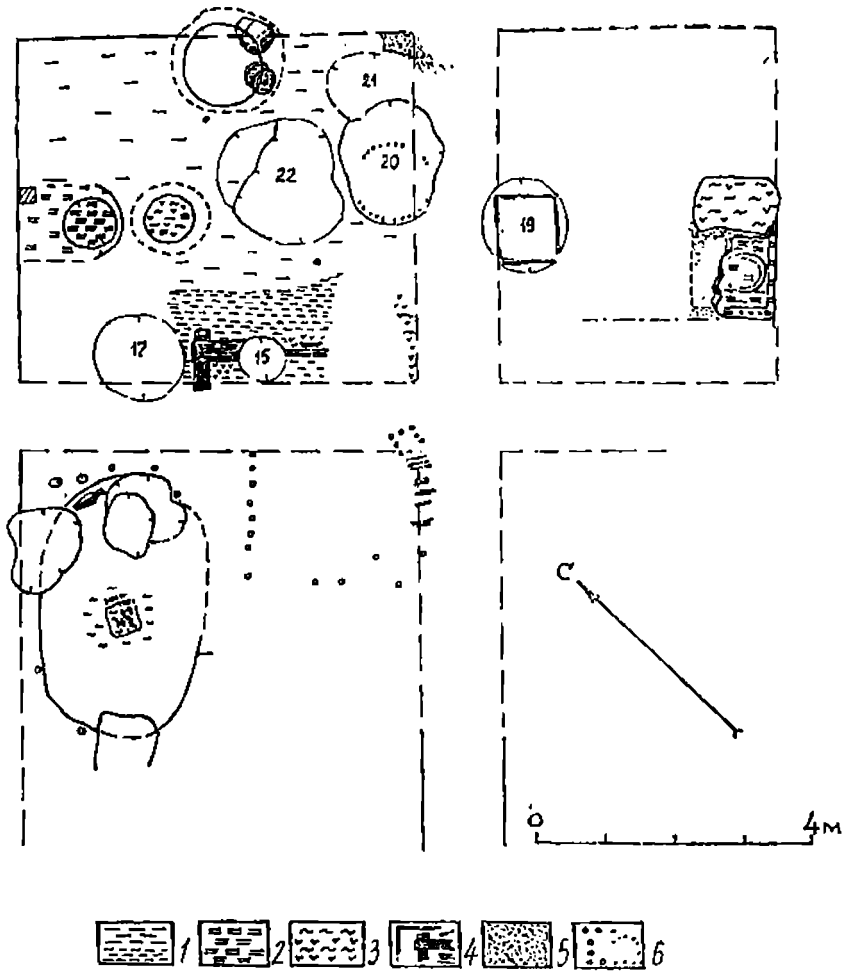


Рис. 36. Постройки и ямы в помещениях 1—3 караван-сарая I: *1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — зола и угли; *4* — куски сгоревших плах; *5* — известковая заливка пола; *6* — ямки от жердей

ных сосудов и костей животных (коровы, овцы, свиньи). По-видимому, эта яма имела какое-то отношение к очагу (тандыру), являясь прочажной ямой, в которую из тандыра выгребались остывшие зола и угли, иногда попадали и отвалившиеся куски обмазки.

У северо-восточной стенки располагалась яма-погреб. Диаметры ее устья и дна соответственно 1,2 м и 1,75 м. Яма усеченно-коническая с ровными стенками и дном. Глубина ее 1,58 м. На дне лежали большой разбитый лощеный пифос, украшенный налепными валиками, два жернова и обломки хазарских горшков. Заполнение ямы в нижней части рыхлое с большим количеством угольков, костями животных и мелкими обломками керамики хазарского комплекса. Верх ямы забит остатками разрушенной стены — обломками кир-

пичей, кусками извести. Создается впечатление, что во время выборки стены яма была обнаружена и частично раскопана казаками, надеявшимися открыть в ней клад.

Жилище просуществовало недолго и погибло, судя по обожженным плахам юго-западной стенки, в пожаре. Вероятно, оно было синхронно овальной полуземлянке, расположенной рядом с ним. На его заровненных развалинах были выкопаны хозяйственные ямы (15, 17, 19—22). Две из них перерезали сгоревшие и упавшие на пол плахи стены, три занимали весь восточный угол дома, прорезая пол и врезаясь краями в его стены.

Все пять ям и находившаяся рядом с ними, но за пределами жилища, яма 19, расположенная в соседней комнате (помещении 3), различаются размерами, глубиной и даже формой: только две из них усеченно-конические, остальные — цилиндрические. Две из них подвергнуты обычной "дезинфекции", т.е. обожжены и закопчены, в заполнении нескольких попадались угли и зола, обожженная глина, видимо, от рухнувших перекрытий этих погребов. Ни разу в ямах этой группы не встречено зеленой обмазки, укреплявшей стенки. Вместо нее иногда (в двух ямах) использовались деревянные конструкции: облицовка досками или оплетение стенок с последующей обмазкой обычной глиной.

Керамика в ямах относится к ярко выраженному хазарскому комплексу — преобладают обломки кухонных хазарских горшков (в том числе котлов с внутренними ушками), кувшинов тмутараканского типа, сероглиняных лощеных и нелощеных сосудов и лепных хазарских горшков. Обломков амфор очень мало.

Весьма показателен состав животных, чьи кости были обнаружены в заполнениях ям. Это в основном кости коров, лошадей, овец и свиней, т.е. вполне "оседлый" состав стада. Изредка попадались кости собак и кошек, а также кости некоторых диких животных: сайги, лисы, зайца, бобра. Кости верблюдов, которые иногда встречались в ямах южного двора караван-сарая, здесь отсутствовали.

Следует отметить, что одна из ям (15), отличающаяся от остальных малыми размерами, вероятно, самая поздняя, хотя уровень ее устья тот же, что и у остальных. Основанием же для более поздней даты является находка в яме шиферного пряслица. На Руси пряслица получили распространение не раньше середины X в. [Рыбина, 1978. С. 158]. Очевидно, пряслице, обнаруженное в яме саркельского времени, относится к последним годам существования Саркела, т.е. к 50—60-м гг. X в., так же как и яма, в которой оно было найдено.

Ямы, вырытые непосредственно на месте разрушенных жилищ, позволяют говорить о перестройках и частых перепланировках Саркела в первой половине X в. Эти перепланировки, как мы видели, коснулись не только бытовых жилых и хозяйственных комплексов, но и кирпичных фундаментальных построек, в частности, первый караван-сарай стал, вероятно, не нужен.

Все шесть помещений караван-сарая были разрушены, и на их развалинах и внутри их (с частичным использованием остатков кирпичных стен) стали ставить дома и выкапывать хозяйственные ямы (погреба и зернохранилища).

В комнате 3, кроме ямы 19, было сооружено жилище, от которого сохранилась часть развала печи. Последняя стояла прямо на известковом, сильно затоптанном полу, вплотную к юго-восточной стенке комнаты, которая, вероятно, служила стенкой новой постройки. Судя по дошедшей до нас половине пода, печь была квадратной (1,3 × 1,3 м). Под обожженный, глинобитный, покрытый толстым слоем золы. Стенки печи практически не сохранились, только вдоль одного края прослежены три ямки от прутьев и завал обожженной глины: очевидно, стенки были каркасно-глинобитными. Поверх пода об-

наружены пережженные куски круглой подницы с массивным бортиком, диаметром 0,6 м. Перед печью находилась неглубокая предпечная яма (1 × × 0,8 м), заполненная золой. Здесь же в золе был найден небольшой лепной кувшинчик с отломанной ручкой. Пол этого жилища, как и пол помещения 3, был полностью уничтожен более поздними перекопами, срезавшими не только пол и стены, но даже отпечатки кирпичей на материке (см. рис. 36).

Глинобитная печь с подницей определенно является новой ступенью в развитии отопительных сооружений Саркела. Аналогии ей хорошо известны на болгарских поселениях первой половины X в., в частности, в Плиске [Плетнева, 1992. С. 53, 54].

Благоустроенный, отделявший помещения 3 и 4 друг от друга, проход во двор караван-сарая весь изрезан хозяйственными ямами, устья которых были прослежены на уровне известкового пола, который в этой части здания совпадает с уровнем "0". Всего ям пять, три из них расположены вдоль северо-западного края прохода, две — у юго-восточного (табл. 4, рис. 37). Они были выкопаны уже после разрушения и даже полной разборки стен, поскольку все пять ям врезались в стены на 0,1—0,25 м, а одна из них срезала внешний угол помещения 4. Однако размещение ям вдоль стен свидетельствует все же о том, что стены, хотя бы отдельными блоками, были еще видны на поверхности того времени. Конструкция и размеры всех пяти ям хорошо прослеживались благодаря плотной забивке. Так, яма 45 имеет редкую для Саркела, но распространенную на степных поселениях хазарского времени кувшинообразную форму с резко расширяющейся нижней частью и ровной узкой цилиндрической верхней. Столь же необычна и соседняя с ней яма 52 "яйцевидной" формы. Подобные вообще неизвестны в Хазарии, не встречены такие ямы и в Саркеле. В отличие от большинства всех соседних ям, поверхность этой была обмазана зеленой глиной. Следы такой же обмазки прослежены и еще в одной яме (28) на этом участке.

Таблица 4

Ямы на развалинах прохода в караван-сарай I

Признаки ям		Номер ямы				
		28	45	52	61	62
Уровень устья		0	0	0	0	0
Диаметр устья		140 × 100	87 × 102	65 × 70	93	130 × 60
Диаметр дна		140 × 100	190	—	130	130 × 60
Глубина		145	180	160	120	160
Обмазка зеленой глиной		+	—	+	—	—
Керамика	Хазарские горшки и котлы	+	33	5	1	4
	Серолощеные и лощеные сосуды	Пифос	—	3 и пифос	—	—
	Кувшины тмутараканского типа	—	46	16	—	3
	Амфоры	+	15	8	4	7
	Лепные сосуды	—	25	—	—	1
Кости животных и рыб		+	+	—	—	+

Обломки керамики в заполнении ям а подавляющем большинстве исключительно хазарского комплекса и только в яме 45 обнаружены три обломка боршевских горшков. Следует учитывать, что эта яма была перекрыта полностью разрушенным жилищем, из которого в верхнюю часть ее заполнения попали, помимо обломков хазарской посуды, обломки черного стеклянного браслета, поливного зеленого сосудика и желто-зеленой полосатой бусины. Все эти находки не выходят за рамки первой половины X в., хотя, конечно, в сочетании с иной керамикой могли датироваться и более поздним временем.

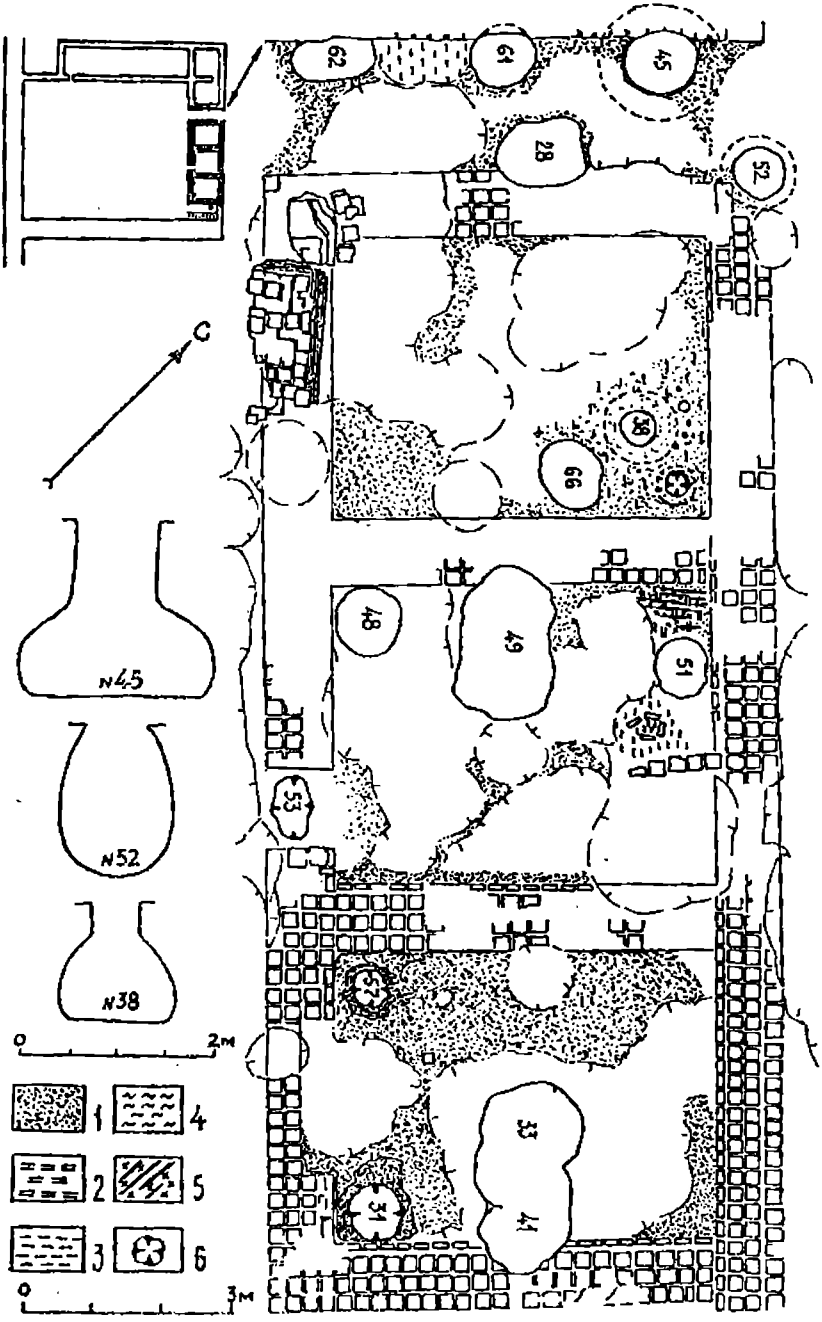


Рис. 37. Остатки сооружений второго периода в проходе и помещениях 4—6 каралан-сарая I: *1* — известковая заливка; *2* — обожженная глина; *3* — глина; *4* — зола; *5* — сгоревшая куча конопли и соломы; *6* — ритуальные ямы первого хазарского периода

Наличие остатков постройки здесь, перекрывавших яму, является дополнительным свидетельством того, что и этот участок не раз претерпевал перепланировки после уничтожения кирпичных стен караван-сарая.

Так же насыщены хозяйственными ямами и остатками жилых построек, возникших почти сразу вслед за разрушением стен, и остальные три помещения этого караван-сарая. Так, в комнате 4 прорезала известковый пол яма 38, близкая по форме к кувшинообразной яме 45. Правда, размеры ее намного меньше: диаметры устья и горла 0,5 м, дна 1,1 м, глубина 1,2 м. Заполнения в яме не было — она сохранилась пустой, а вокруг нее на известковый пол был натоптан слой материковой глины, в которой обнаружены обломки разбитого хазарского горшка. В полуметре от этой ямы в пол был вкопан массивный столб и вбито несколько жердей, очевидно, от перекрытия ямы. Наличие перекрытия, необходимость его означают, что уже тогда над помещением не было кровли.

Возможно, что расположенная рядом яма 66 относилась к тому же времени, в пол она углублена всего на 0,7 м, диаметр ее 0,8 м, форма цилиндрическая. В ее мусорном заполнении не было керамики, но обнаруженные железные предметы (втулка копья, стремена с выделенной петлей и удила с гвоздевидными псалиями) типологически относятся ко времени не позже середины X в.

Время появления остальных ям, изрезавших полы остатки стен комнаты, выяснить не удалось, так как не всегда ясно, с какого уровня они были опущены. К тому же у большинства ям заполнение не было исследовано полностью (до дна), а значит, остались неясными их конструкция и состав находок.

Наиболее поздним перекопом являются ямы, слившиеся в один громадный котлован (5 × 2,5 м). Он тоже не был доследован, однако ясно, что вкодившие в него ямы опущены с уровня примерно +1 м, т.е. с беловежского горизонта XI в. Перекоп уничтожил весь угол помещения 4, большой блок его юго-западной стены завалился в одну из ям.

Комната 5 подверглась особенно интенсивным перекопам и застройкам. Большинство обнаруженных здесь ям опущено в материк с уровня известкового пола. Поскольку все они не были доследованы на всю глубину, судить об их конструкции и характере заполнения, как правило, невозможно, хотя кое-какие данные о ямах все-таки были получены при вскрытии их верхней части. Так, над ямой 48 было, очевидно, перекрытие из обмазанного глиной плетня, рухнувшего при пожаре и заполнившего ее верхнюю часть. Выяснено также, что стенки и края большой овальной ямы 49 были обмазаны зеленой глиной. Эта яма, как и предыдущая, погибла в пожаре: верхнее заполнение ее — золистая земля без находок. Яма 51 в верхней части была забита глиной и обломками кирпичей. Создается впечатление, что ее специально засыпали при какой-то перепланировке участка.

Находок обломков керамики в верхних слоях заполнений ям немного. Это обломки кухонных хазарских горшков, сероглиняных сосудов, тмутараканских кувшинов и немного амфор.

Помещение 5 перекрыто множеством строительных горизонтов беловежского времени. С хазарским периодом можно связать только очень неясные остатки жилого комплекса, обнаруженные на уровне +0,1 м. Они занимали северный угол помещения, а яма 51 могла относиться к нему, являясь внутренним погребком этого жилища. От него помимо ямы сохранился ряд из шести кирпичей (остатки цоколя?), а также небольшой участок обожженного пола в северном углу с кучей обугленных льняных семян на нем, перекрытой обгорелой соломой и соломенной золой от сгоревшей кровли. Не исключено, что к этому же жилищу относился и очажок, составленный из четырех кирпичей. Под очажка глинобитный, сильно обожжен и покрыт золой. Пол вокруг него также засыпан золой, зеленой глиной, рыбьими костями и чешуей.

Находки на полу этого комплекса свидетельствуют о его принадлежности к хазарскому времени. Это обломки хазарских горшков (17), лощеных пифоса и кувшина, тмутараканских кувшинов (23), лепных сосудов (5) и амфор (5).

Менее всех пострадало при разорении караван-сарая помещение 6. Судя по хорошо сохранившимся отпечаткам кирпичей его стен, все они, во всяком случае на уровне нижнего этажа, не были разрушены и помещение могло еще служить в качестве жилого или хозяйственного. К этому периоду его существования можно отнести только две ямы — 33 и 41, прослеживавшиеся с уровня известкового пола. Ямы перерезают одна другую. Установить, какая из них более ранняя, не удалось. В обеих преобладают обломки тмутараканских кувшинов, хазарских горшков и котлов. В яме 33 попались обломки кочевнического лепного горшка и поливного зеленого сосудика. Возможно, эта яма была более поздней, но обе находки не противоречат общей датировке этого периода жизни Саркела — первой половине X в.

Участок караван-сарая между помещением 6 и стеной цитадели практически весь изрыт поздними перекопами. Из них наиболее ранним является большая длинная яма — "ровик", выкопанная вплотную вдоль стены цитадели. Одним концом она упиралась в северо-восточную стенку караван-сарая, другой конец уходил под борт раскопа, поэтому истинную длину этого странного сооружения выяснить не удалось. Ширина его 2 м, глубина 1,5 м. На дне обнаружена зеленая глина обмазки, что позволяет связать "ровик" хронологически с другими саркельскими ямами первой половины X в., в которых встречена зеленая глина. Назначение "ровика" непонятно.

Другой ямой, которую можно отнести к тому же периоду, является крупная цилиндрическая яма, расположенная в северном углу этого помещения. Она прорезает сохранившийся здесь известковый пол и углублена в материк на 1 м. Стенки и дно ее обмазаны зеленой глиной.

И в "ровике", и в яме обнаружено много (около 300) обломков керамики: хазарских горшков, сероглиняных и лощеных сосудов, лепных горшков и тарной посуды, в которой преобладали тмутараканские кувшины — их больше амфорных обломков в 7—8 раз.

Следует отметить, что лепные хазарские горшки, которые в слое первого заселения крепости почти не встречались, в слое конца саркельского периода стали одной из ведущих керамических групп. Объясняется это, видимо, притоком населения из отдаленных районов каганата, где лепной посудой женского домашнего производства пользовались наряду с покупной гончарной.

Вдоль юго-западной (фасадной) стороны помещений 4—6 на уровне "0" и чуть выше прослежены устья более 10 ям. Уже самое расположение их перед входами в помещения свидетельствует о том, что они были вырыты после разрушения караван-сарая. В три из них, наиболее крупных, завалились целые большие блоки разбитой кирпичной стены. Ни одна из ям не была доследована, поэтому их размеры, форма, заполнение остались невыясненными. На полевом чертеже были намечены только их верхние расплывчатые, сливающиеся очертания.

Одновременно с разрушением и перестройкой кирпичных помещений караван-сарая началась активная застройка двора. Помимо усадьбы кузнеца, расположенной, как говорилось, в его южном углу, в северо-западной части двора было открыто и исследовано более 10 хозяйственных ям и две постройки хозяйственно-бытового назначения. О ямах уже говорилось выше (см. табл. 3), принадлежность их к позднесаркельскому времени представляется очевидной. Размеры их довольно стандартны, исключением является только одна очень большая круглая в плане яма. Диаметр ее на уровне "0" — 2,65 м, стенки немного расширяются ко дну, диаметр которого 2,9 м, глубина ямы 2,2 м. Стенки котлована облицованы досками, от которых сохранился коричневый тлен. Яма не горела, а была заброшена, стенки ее обвалились, несмотря на облицовку, и частично заполнили яму. В полу у нее оставлена ступень-

ка шириной 0,5 м, высотой до 0,4 м. Находок в плотном сероватом глинистом заполнении немного: несколько небольших обломков хазарских горшков и кувшинов тмутараканского типа. Плохая сохранность ямы не позволяет сделать определенные выводы о ее первоначальном назначении. Скорее всего это был облицованный досками, обширный, глубокий и благоустроенный погреб, сооруженный в традициях обычных хозяйственных ям.

В отличие от этого погреба "ямной конструкции", на дворе был выстроен и обычный прямоугольный погребок с выделенным входным помещением (рис. 38). Юго-восточная его сторона не прямая, она образует в середине длины тупой угол (пятый в этой постройке). Ориентирован погребок углами по странам света, размеры его котлована 2,15 × 1,9 м, глубина от "0" — 1,3 м. Пристройка-входное помещение находилась с северо-западной стороны. В материк она углублена всего на 0,3 м, размеры ее 1,2 × 0,9 м.

Стенки основного помещения погреба вертикальные, на них прослеживались следы орудия — мотыжки, которой был вырыт котлован. Стены облицованы деревом: три — дубовыми плахами, юго-восточная — тополевыми. Плахи уложены вдоль стен горизонтально и укреплены кольями, вбитыми в пол в углах. От прижатых вплотную к стенам плах остались следы-вмятины на поверхности стен и коричневый тлен, а от кольев — глубокие ямки (по две в каждом углу).

Пол постройки неровный, в центральной части глубже, чем у стенок. У северо-восточной и юго-западной стен в полу вырыты неглубокие неправильно-овальной формы углубления. В северном углу находилась треугольная в плане ступенька высотой от пола примерно 0,5 м, край ее укреплен двумя рядами кирпичей, поставленных на ребро. На этой ступеньке вдоль северо-западной стенки была оставлена приступка (высотой 0,25 м). Выше находился уже пол пристройки-входного помещения. На поверхности стенок этой пристройки также отчетливо были видны следы затесов мотыжкой, но не вертикальные, как в основном котловане, а горизонтальные. Стенки входа облицованы дубовыми плахами, которые поддерживались массивными столбами, врытыми в углах. Поскольку столбы стояли вплотную к стенам, это исключало возможность помещения плах за ними. Видимо, плахи были вставлены в прорубленные в столбах продольные пазы. Деревянная облицовка была обмазана слоем глины, пол в пристройке также был глинобитным и сильно утоптанным.

Следов пожара в этой пристройке не обнаружено, она была заброшена и разрушилась. На пол обвалилась крыша. От нее сохранились остатки жердей с обуглившейся поверхностью от двускатной или конусовидной кровли, перекрытые слоем куги и поверх этого — толстым слоем глины, которой были обмазаны кровля и деревянная облицовка стен. Этот завал был таким плотным, что деревянные части крыши в особо "законсервированных" местах самовозгорелись и обуглились. Вне котлована у юго-западной стороны обнаружены две пары ямок от жердей, возможно, от жердей кровли, упиравшихся в дневную поверхность, а с юго-запада вбитых до материка, что и дало возможность обнаружить их "гнезда".

В рухнувшей в котлован обмазке найдено несколько обломков кухонных хазарских горшков и лепных боршевских сосудов. Находки в заполнении — обломки керамики хазарского комплекса с преобладанием кухонных гончарных горшков и кувшинов тмутараканского типа, бронзовый щитковый перстень, имеющий многочисленные аналогии среди находок в катакомбных могильниках конца IX—начала X в., и обломок круглого в сечении черного стеклянного браслета. Таким образом, датировка погребка первой половиной X в. представляется обоснованной.

Поблизости от него (в 2 м восточнее) находилась яма 43, стенки и дно которой покрыты слоем зеленой глины (см. табл. 3), а рядом с ней — кирпичная

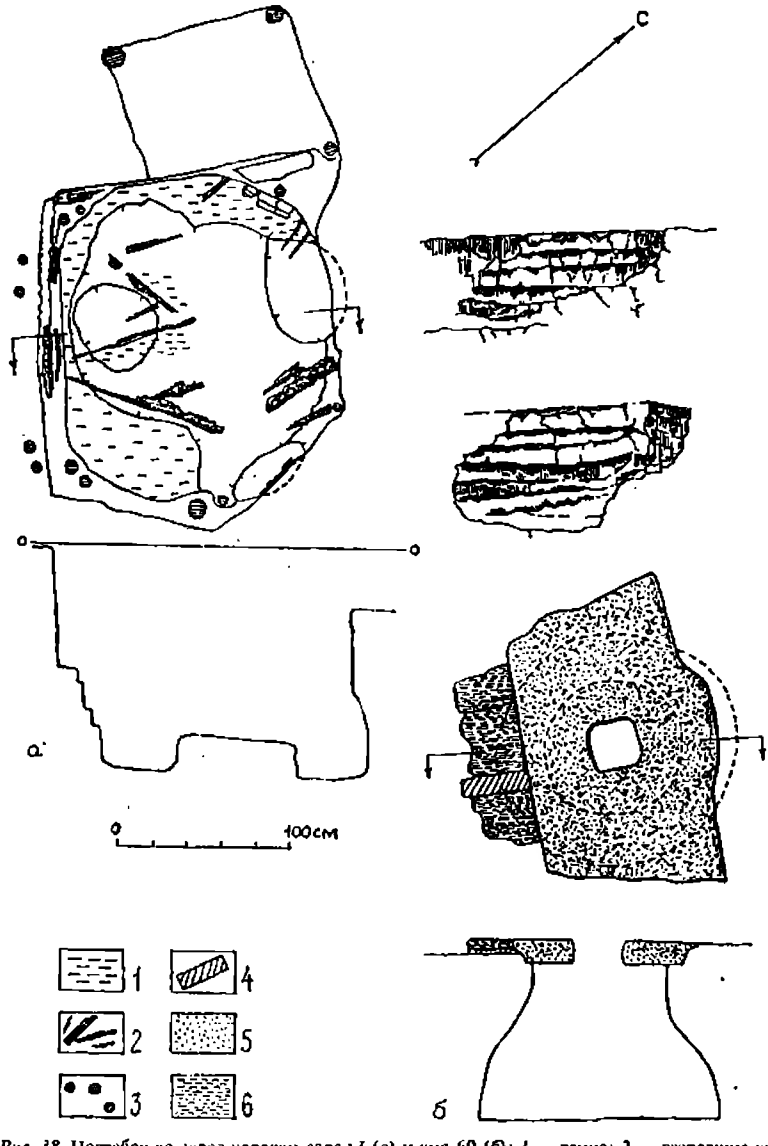


Рис. 38. Погребок во дворе караван-сарая I (*а*) и яма 69 (*б*): *1* — глина; *2* — сгоревшие куски плах от перекрытия; *3* — ямки от столбиков; *4* — кирпич; *5* — известковая плита и известковая заливка; *6* — сырцовые кирпичи

вымостка на глиняном растворе. Яма врезалась в край "постройки с камином", относимой к первому хазарскому периоду; вымостка перекрывала плотное глинистое заполнение этой постройки. Этот факт в сочетании с характерной для хазарского времени зеленой обмазкой позволяет считать и яму, и вымостку одновременными погребку.

Итак, во второй хазарский период караван-сарай прекратил существова-

ние, стены его были разрушены, кирпичи стали активно использоваться жителями при строительстве своих домов и усадеб. Наряду с сооружением построек из глины и дерева в этот период пользовались и стенами караван-сарая, встраивая жилые дома и частично сохранившиеся кирпичные помещения.

Одновременно с гибелью караван-сарая потеряло свое прежнее "оборонное" значение и *пространство между стенами цитадели и караван-сарая* (рис. 39). В первый период, как мы знаем, это был весьма охраняемый проход, по которому попадали к дверям караван-сарая и к входу в цитадель. Во второй период вся проезжая часть стала беспорядочно и активно застраиваться.

Поскольку этот участок крепости в последующие периоды подвергался постоянным перестройкам и достройкам, а значит, и многочисленным перекопам, ранний горизонт оказался в значительной степени уничтоженным: сохранились только куски обожженных глиняных полов, отдельно стоявшие нижние части развалившихся печей и некоторые иные следы застройки.

Так, на уровне +0,25 м поблизости от полуразобранной стены караван-сарая обнаружена куча зеленой глины, явно приготовленная для какого-то строительства. На том же уровне и также вблизи от караван-сарая находилась печь с глинобитным подом и стенками из поставленных на ребро кирпичей, забитая золой. Она довольно большая (1 × 0,75 м), разделена перегородкой на две части. Конструкцию печи по расчищенным остаткам выяснить не удалось, поэтому роль внутренней перегородки осталась неясной.

Немного выше этого уровня, но в том же строительном горизонте была открыта на небольшом сохранившемся участке обгорелого пола такая же печь (1 × 0,75 м) с глинобитным подом, обставленным кирпичами, с наружной стороны обмазанными глиной. Постройка с этой печью располагалась рядом со стеной цитадели, к которой, вероятно, была пристроена.

Пристроенным к фундаментальной стене жилищем был и расположенный в 1,5 м от этой печи довольно большой, видимо, наземный дом (4 × 3,5 м), от которого сохранились кусок пола и следы от сгоревших плах, являвшихся основой стен, обмазанных с внутренней стороны глиной. На полу обнаружены куча сгоревшей пшеницы и остатки пшеничной каши, а также немногочисленные обломки посуды хазарского комплекса, в основном кухонных горшков и котлов.

По-видимому, в то же время к стене цитадели и поблизости от нее были пристроены какие-то небольшие сооружения, полы которых полностью или частично выкладывались кирпичами. В беловежский период такие вымостки в слое попадались постоянно, нередко они перекрывали друг друга, были большими и совсем маленькими. В саркельское время вымостки только начали появляться — кирпича вокруг было много. На одной из них была насыпана зеленая глина, вероятно, как и первая куча, приготовленная для строительства.

Остатки еще двух аналогичных описанному домов с развалами печей располагались на центральной линии прохода, что является дополнительным подтверждением отсутствия здесь в то время проезжей дороги.

Все дома этого участка ориентированы в соответствии с направлением стен крепости, т.е. углами по странам света. Естественно, что это направление свойственно было прежде всего жилищам, пристроенным к стенам. Однако дома, поставленные в середине участка, ориентированы так же, а это свидетельствует о том, что такая ориентировка становилась превалирующей.

Оба дома были наземными. От одного до нас дошел кусок пола (2 × 2 м) с развалом печи. Уровень его +0,27 м. Печь с глинобитным подом, покрытым золой и с трех сторон обставленным кирпичами. Размеры ее 0,5 × 0,45 м. В от-

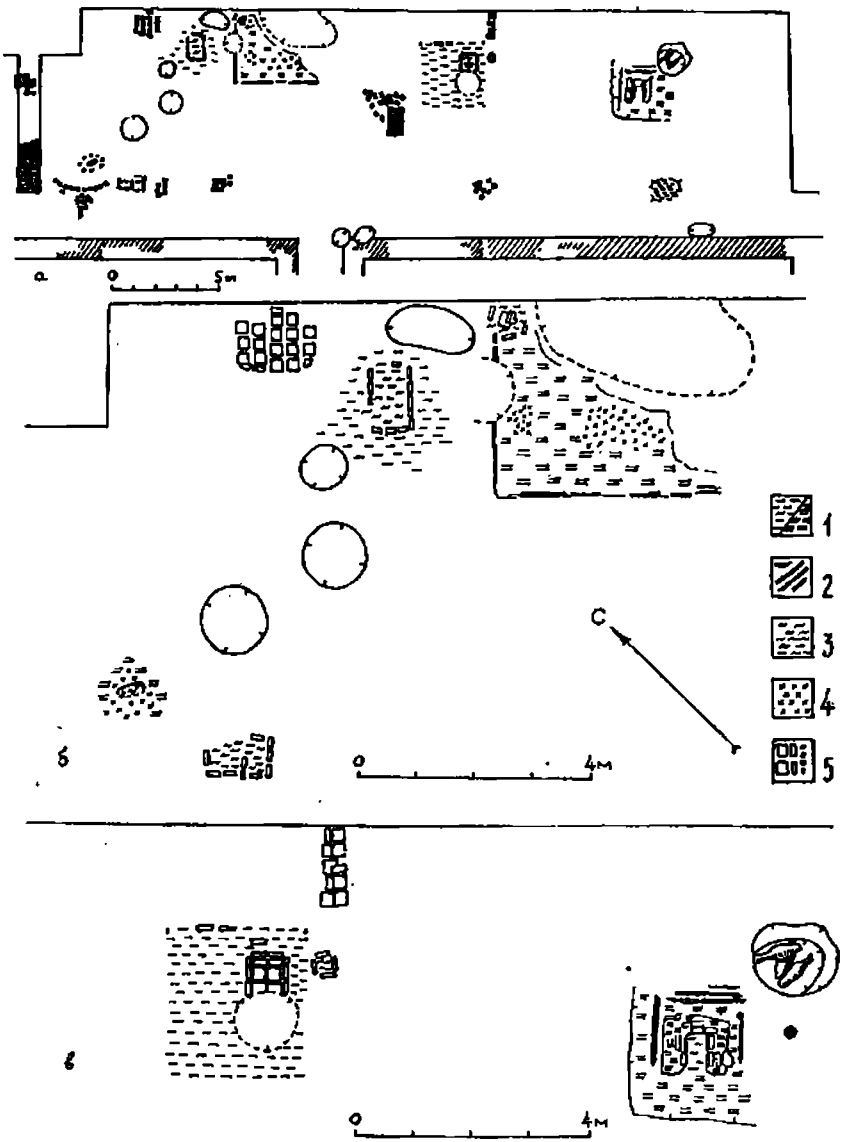


Рис. 39. Участок между стенами цитадели и караван-сарая I во второй период. Общий план (*а*) и его части с остатками жилых помещений (*б, в*): *1* — глина; *2* — куски сгоревших досок; *3* — зола; *4* — сгоревшие пшеница и ячмень; *5* — кирпичи

личие от двух предыдущих, описанных выше, печей этого участка, стенки данной печи снаружи укреплены песчаниковыми камнями и обмазаны глиной, обожженные обломки которой разбросаны вокруг печи и в ее заполнении. В заполнении найдены обломки керамики хазарского комплекса.

От стен этого жилища сохранились остатки деревянных сгоревших плах вдоль двух, сохранившихся углом, краев пола. Плахи изнутри обмазаны гли-

ной — обгорелые куски этой обмазки с отпечатками плах на них в большом количестве обнаружены вдоль краев на полу.

Пол жилища, как говорилось, был почти весь срезан позднейшими перекопами. Одна из ям, врезанная в него почти у самой печи, была забита четырьмя целыми и одним разбитым тмутараканскими кувшинами и обломками кухонных хазарских горшков. Очевидно, яма вырыта уже после того, как остатки жилища и печи были сровнены с поверхностью. Это обстоятельство вместе с ранней датой находок в яме, относящихся ко времени не позже X в., позволяют датировать жилище, во всяком случае, первой половиной этого века, а его гибель в пожаре связывать с 965 г.

Второй дом находился в 5,5 м северо-западнее первого. От него на уровне +0,2 м сохранился глинобитный пол небольшого квадратного в плане жилища (2,5 × 2,6 м). У северного и восточного углов прослежены ямки от столбиков. В восточном углу стояла печь. Под у нее выложен из четырех кирпичей и двух половинок, стенки — из кирпичей, поставленных на ребро. Это уже совершенно новый для хазарского времени тип печи, получивший распространение в беловежский период. Но, судя по уровню залегания пола и типично хазарскому набору обломков керамики, обнаруженных на полу, это наземное и также сгоревшее жилище относилось еще к хазарскому времени.

Рядом с юго-восточной стенкой этого жилища, на уровне, правда, выше его пола (от "0" +0,4 м) был обнаружен очажок из пяти кирпичей: один — плашмя, четыре вокруг него — на ребре. Он заполнен золой и снаружи обмазан глиной. Фактически конструктивно это сооружение такое же, как и печь с выложенным кирпичами подом, только в 2,5 раза меньше. Выше мы видели, что подобные очажки стали уже появляться на развалинах караван-сарая, хотя там они с глинобитным подом, что сближает их типологически с большими печами, стенки которых обставлены кирпичами. Очевидно, процесс формирования различных, но близких типов проходил в тот период в Саркеле очень активно: осваивались более сложные, чем открытые очаги, устройства. Причем и размещали их в домах уже не в центре полов, а в углах. Неясно, где и в каких жилищах ставились четырех-пятикирпичные очажки. Иногда удавалось обнаружить вокруг них глинобитные полы, поэтому можно предполагать, что ставили очажки, как и печи, в домах.

Последняя находка, которая связывается с этим горизонтом, представлена участком обгорелого пола со сгоревшим корытом, в котором был насыпан ячмень. Эта находка, а также куча пшеницы на полу одного из домов являются свидетельством сугубо земледельческого характера хозяйства жителей Саркела в X в.

Весьма существенно прослеженное на всех трех рассмотренных участках изменение типа жилищ. Полуземлянки с турлучными стенами и очагами в центре пола заменялись наземными домами с деревянными стенами, обмазанными глиной изнутри, и с печами, сложенными из кирпичей и расположенными в углах жилищ. Так постепенно исчезали из крепости дома, выстроенные с соблюдением каких-то кочевнических традиций, сохранявшихся даже при строительстве стационарных построек. Создавался новый тип домов, более приспособленный для оседлого земледельческого населения.

Аналогичные процессы, естественно, протекали и на других участках крепости.

Рассмотрим наиболее тщательно исследованный и также довольно большой *участок в западном углу крепости.*

Здесь тоже произошли значительные перестройки (рис. 40). Выше уже говорилось, что три обнаруженных там самых ранних жилища были засыпаны, утрамбованы и заровнены глиняными подсыпками. Одновременно с ними были забиты находившиеся вокруг хозяйственные ямы (30, 75, 79).

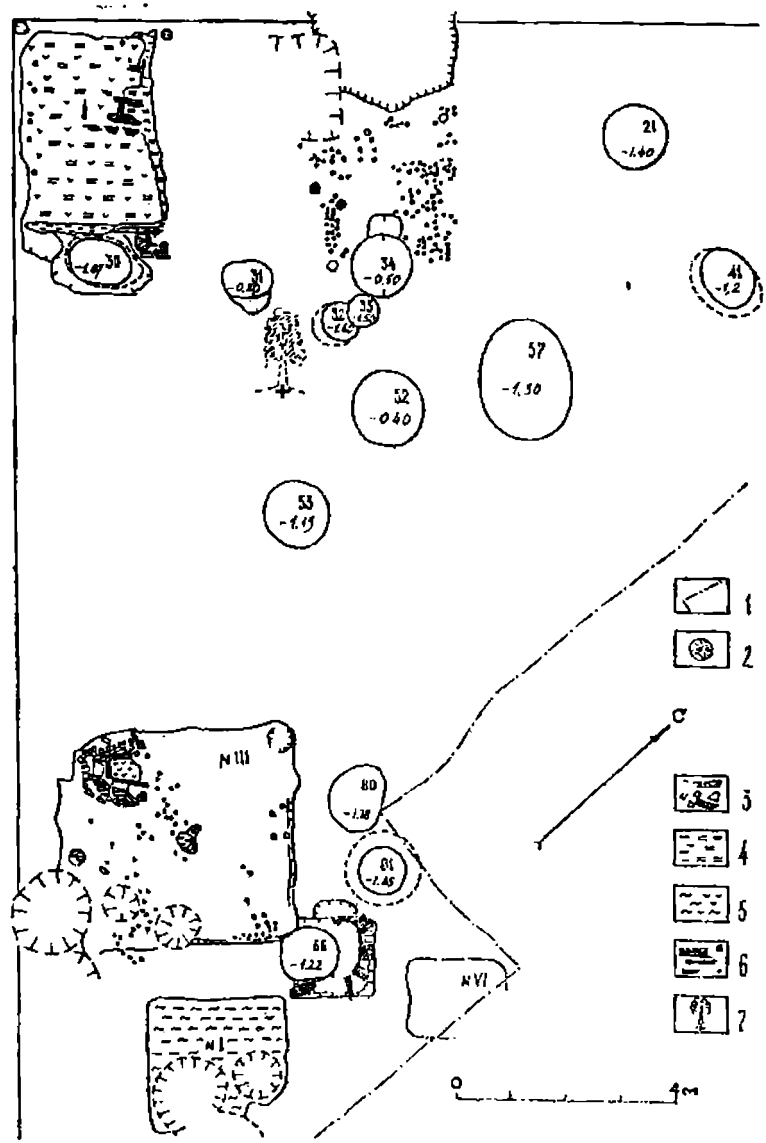


Рис. 40. Западный угол караван-сарая II во второй период: *1* — граница раскопа; *2* — жерновa; *3* — камни; *4* — глина и обожженная глина; *5* — зола и уголь; *6* — сгоревшие доски и жерди; *7* — клад 965 года

В западном углу крепости, прямо над котлованом ранней полуземлянки и ямой 79, была поставлена постройка, уровень пола которой +0,25 м. Пол глинобитный, сильно обожженный, сохранился полностью, благодаря чему определяются размеры помещения — 2,75 × 3,75 м. Пол неровный, наклонный к северо-восточному краю. Вдоль этого края прослеживались завал обожженной глины и несколько упавших перпендикулярно стене кусков массивных

плах. Юго-восточная стена также хорошо прослеживалась по валику необожженной глиняной обмазки, заполнившей узкую канавку вдоль края пола. В канавке была заложена и закреплена обмазкой нижняя плаха стены. Северо-западной и юго-западной стенами этого дома служили, очевидно, стены крепости, к которым почти вплотную примыкал пол. По-видимому, кирпичные стены были облицованы плахами или плетнем: вдоль юго-западной стены зафиксированы ямки от каркасных жердей. У северного и восточного углов стояли массивные столбы, поддерживавшие кровлю, которая на противоположной стороне была закреплена на крепостной стене. Никаких следов отопительного устройства в постройке не обнаружено.

Пол постройки в центре сильно "просел" в перекрытую им яму 79. Другая яма (30), тоже ранняя, была во второй саркельский период полузасыпана глиной и в оставшуюся полой часть этой ямы была вставлена плетневая облицовка (корзина без дна). Вероятно, в этом виде яма была одновременна описанной постройке. Между ней и стеной дома лежал жернов, а у восточного угла сохранились сгоревшие остатки нескольких коротких плах, возможно, являвшиеся настилом входа.

Поскольку ни остатков печи, ни следов открытого очага в этой постройке не прослежено, не исключено, что она, несмотря на удобство расположения, была нежилой, хотя возможно, что на сильно обожженном полу обгорелый участок открытого очага не был замечен исследователями. Постройка явно была наземной и погибла в пожаре.

Северо-восточнее ее примерно на 3—3,5 м была сооружена еще одна наземная постройка (2,2 × 1,5 м) явно хозяйственного назначения, перекрывавшая раннее юртообразное жилище. Ориентирована она была, как и предыдущая, соответственно стенам крепости. От нее в материке и в полу раннего жилища сохранились только ямки от многочисленных жердей, в нескольких местах вбитых вдоль стен в три ряда. Вероятно, к этой постройке относилась яма 34, выходившая за ее пределы, но со входом-ступенькой, обращенной внутрь этого домика.

Синхронным этим двум постройкам является жилище, расположенное вплотную к юго-западной стене в 7 м юго-восточнее от углового дома. Форма жилища в плане почти квадратная (3,5 × 4 м). Это полуземлянка, углубленная в материк на 0,5 м (см. рис. 40). Стены жилища укреплены деревянными плахами, державшимися угловыми столбами, а нижние плахи дополнительно закреплялись в узких канавках, прослеженных вдоль стен. Пол глинобитный, но неровный. В его центральной части находилась овальная ямка (0,45 × × 0.3 м), углубленная в пол на 0,2 м, обмазанная глиной и обожженная. Она неоднократно подмазывалась глиной, так же как и пол вокруг нее. Ямка заполнена золой. Это обычный открытый очажок, характерный для предыдущего периода жизни в Саркеле. Наряду с очажком в западном углу жилища была сооружена из поставленных на ребро каменных плит довольно большая печь. Размеры ее топки 0,5 × 0,5 м, снаружи плиты окружены обломками камней и кирпичей, изнутри они обожжены. Под печи глинобитный, тоже обожженный, покрыт слоем золы и углями. Несмотря на сильную изрытость жилища поздними ямами, особенно вдоль стены, пол сохранился почти полностью. На нем прослежено большое количество ямок от жердей, вероятно, от "мебели", а вокруг очажка — от приочажного устройства для подвешивания котла. Находок на полу не было, только у юго-восточной стенки лежала половина небольшого жернова.

К восточному углу этого жилища пристроено небольшое помещение (1,5 × × 1,65 м) почти той же глубины, что и пол жилища. В северо-западной его стенке оставлена ступенька. Эта пристройка была "шатрообразно" перекрыта массивными досками, сходившимися к вершине (нижние концы этих сгорев-

шик досок сохранились и хорошо видно их радиальное расположение). В полу пристройки была вырыта цилиндрическая яма диаметром 1,1 м, глубиной 1,22 м. В ее заполнении были обнаружены обломки кухонных гончарных горшков, несколько обломков лепных хазарских сосудов и разбитый энохойсвидный кувшинчик. Этот материал позволяет отнести комплекс к хазарскому периоду жизни крепости.

Западный угол жилища перекрывал две хозяйственные ямы, одна из которых находилась непосредственно под развалом печи. Обе ямы тщательно засыпаны и утрамбованы при строительстве жилища, заполнение в них збито обломками исключительно хазарской керамики. Видимо, обе ямы функционировали в первый период заселения крепости и были синхронны трем ранним угловым жилищам, описанным в первой главе.

Заполнение котлована жилища насыщено обломками керамики типичного хазарского комплекса, костями животных и рыб. Кроме того, в нем попалось несколько обломков боршевских горшков. Однако следует учитывать, что последние могли попасть в заполнение из вырытых в нем более поздних ям, в которых боршевской керамики было много. Наиболее ценной находкой в заполнении является, безусловно, найденная почти у самого пола византийская монета херсонского чекана 959—963 гг. (Роман II), позволяющая считать, что данное жилище погибло, видимо, в пожаре 965 г.

К этому же времени относится известный саркельский клад, состоявший из драгоценных серебряных с чернью и позолотой бляшек воинского пояса, бронзовых позолоченных бляшек второго пояса, целых обломков диргемов, сердоликовых бус. Вещи первоначально помещены были в лепном горшке, заполненном просом. Он найден в культурном слое на уровне +0,64 м [Артамонов, 1958. С. 54, рис. 34, *а*, *б*, 35; Макарова, Плетнева, 1983; Каспарова, 1989. С. 81—82]. Горшок был разбит (сохранилось только дно), причем до того он пребывал в пожаре: просо и вещи обгорели и частично спеклись. Создается впечатление, что он был вытащен из какого-то горящего строения, частично разграблен и брошен, а затем, в пылу и дыму битвы и разгрома, засыпан и затоптан. Так он и остался лежать почти на поверхности в слое взятия Саркела Святославом и постепенно зарос активно образовывавшимися белобережскими напластованиями. Диргемы в нем датируются периодом от 907 до 954 г. Существенно, что серебряный поясной набор относится к стилистически единой группе вещей, получивших распространение в первой половине X в. в хазарских и окрестных степях.

Не исключено, что богатый клад принадлежал владельцу описанной выше сгоревшей полуземлянки, от которой находился всего на расстоянии 6 м.

В 1 м к юго-востоку от этого жилища были обнаружены остатки пола еще одной, видимо, синхронной ему постройки. (см. рис. 40). Размеры ее 2,7 × × 2,5 м, а глубина в материке 0,7 м. Ориентирована она, как и предыдущая, углами по странам света. Пол постройки без подмазки, покрыт слоем кирпичной золы. Юго-восточная половина срезана двумя ямами (65, 76). В заполнении одной из них встречены обломки только хазарского керамического комплекса, в другой вместе с казарской посудой попадались обломки боршевской.

К востоку от этого же жилища (большого), на расстоянии 0,5 м находилось еще одно также прямоугольное полуземляночное сооружение (см. рис. 40). Оно было выкопано с уровня +0,45 м и врезалось в материк на 0,3 м. Размеры его 2,5 × 1,5 м. Пол и стенки котлована ровные, пол без подмазки, на нем лежал один кирпич. Никаких следов отопительного устройства не было, возможно, печь или очаг находились в восточном углу, который остался под бортом раскопа.

Помимо жилых и хозяйственных построек вся территория западного угла крепости была изрезана множеством круглых и овальных в плане колчйствен-

ных ям. Подавляющее их большинство (90 %), глубина которых не превышала в материке 1 м, относилось к беловежскому периоду. Что же касается ям, достигавших в материке глубины от 1 до 2,5 м, то более половины их характеризуется заполнением с обломками керамики исключительно хазарского комплекса, среди которых изредка попадаются обломки боршевской посуды. Всего таких ям на участке 14. В одной из них (21) найдена византийская монета Романа I Лекапена (919—944 гг.). Ямы разбросаны беспорядочно по всей территории. Вместе с выстроенными здесь новыми домиками они свидетельствуют о полном хозяйственном освоении этой части крепости во второй хазарский период.

Представляется вероятным, что здесь находилась усадьба, принадлежавшая хозяину полуземлянки с печью и очагом и возможному владельцу диргемов и драгоценного пояса. Окружавшие это большое строение домики (без очагов) были хозяйственными постройками, входившими в эту усадьбу, как и большинство хозяйственных ям.

Очевидно второй период характеризовался, в отличие от первого (куренного — большесемейного), возникновением на местах бывших куренных гнезд частных усадеб парных семей.

Западный угол крепости, как мы знаем, являлся и западным углом второго караван-сарая. Его кирпичные строения не были, видимо, тотально разрушены в хазарское время. Во всяком случае, фактов уничтожения их хазарскими постройками и ямами не прослежено. Поэтому можно говорить о функционировании этого караван-сарая вплоть до взятия Саркела Святославом. Часть вскрытой около "конюшни" территории двора не была изрезана ямами, что естественно при условии использования ее и всего гостиничного комплекса по прямому назначению.

Ямы и постройки были сосредоточены в дальнем углу двора — на участке, с самого начала отведенном под хозяйственную застройку. Как была распланирована остальная громадная площадь двора этого караван-сарая, не ясно, так как примерно 70 % его осталось нераскопанным.

Судя по отсутствию бытовых хазарских построек у *северо-западных (Главных) ворот*, эта часть крепости оставалась целой и ворота вместе с колодцем продолжали играть прежнюю роль — основного проезда в крепость.

По неясной причине в это время потеряли свое значение *Речные ворота* (см. рис. 12). Рядом с ними, явно мешая проходу, было поставлено небольшое жилище. Сохранилось от него очень мало: небольшой участок пола, покрытого золой и сгоревшими досками, след от западной стенки в виде полоски обожженных плах, а также развал печи, от которой остались только два кирпича и куча золы и углей вокруг них. При расчистке пола обнаружены обломки кухонных хазарских горшков и лощеных сосудов. О хазарской принадлежности жилища говорит и его стратиграфия. Пол лежал непосредственно на известковой заливке-отмостке, образовавшейся при строительстве стены. Она не успела даже затянуться культурным слоем. Остатки же уже разрушенного жилища были перекрыты мостовой, залегавшей на уровне около +0,5 м и сооруженной в раннее беловежское время, когда Речные ворота вновь стали использоваться по прямому своему назначению.

Возможно, что помимо жилища у самого воротного проезда на этом участке у северо-восточной стены были и другие синхронные ему сооружения и хозяйственные ямы, но обнаружить их не удалось.

Началась застройка крепости и в наиболее укрепленном *юго-западном отсеке цитадели*. Как и всюду, она не была сплошной, но домики ставились, а вокруг них сооружались хозяйственные постройки (ямы, погребки). Скопление их было обнаружено вокруг донжона (рис. 41).

Первая из них (полевой номер 25) обнаружена поблизости от его юго-за-

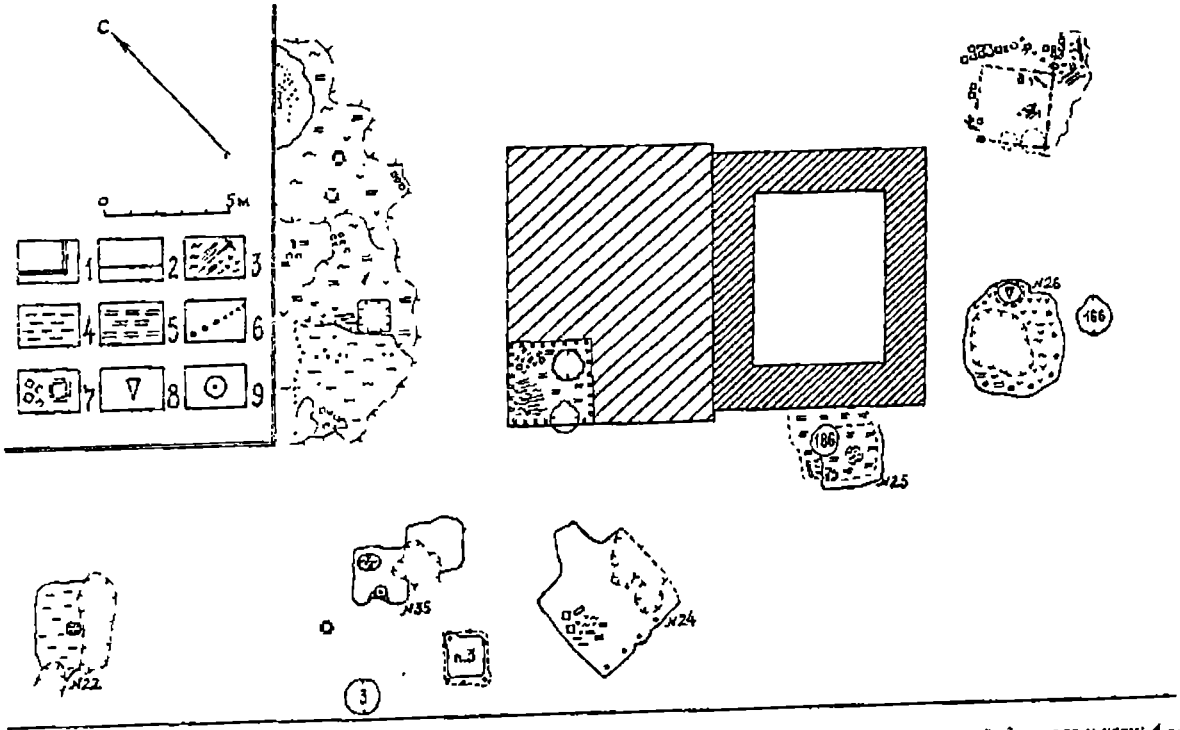


Рис. 41. Расположение хазарских жилищ вокруг донжона во второй период: *1* — край раскопа; *2* — стена "длинного здания"; *3* — зола и угли; *4* — глина; *5* — обожженная глина; *6* — ямки от столбиков и жердей; *7* — очажки; *8* — голова лошади; *9* — жернов

падиой стенки, ориентирована в соответствии с нею, т.е. углами по странам света. Глубина ее от уровня материка всего около 0,3 м, размеры котлована 2,5—2,25 м. Пол без подмазки, но сильно утоптан. В центре находился обычный открытый тарелкообразный очаг, заполненный золой и угольками. В северо-западную стенку котлована врезалась большая овальная яма (18б), стенки ее были обмазаны зеленой глиной. При расчистке пола и в яме обнаружены обломки кухонных хазарских горшков и лощеных сосудов. Осталось невыясненным, была ли яма с зелеиой глиной частью жилища (пристройкой) или же она разрезала стенку уже засыпанного котлована.

Вторая полуземлянка (2б) располагалась вдоль юго-восточной стены донжона (см. рис. 41). Она квадратная (2,8 × 2,8 м) с сильно закругленными углами. Стенки ее слегка выпуклые, благодаря чему котлован выглядел почти круглым. Глубина его в материке 0,55 м. На северо-восточной стенке прослеживался полукруглый выступ, углубленный в материк на 0,28 м. В полу находилась глубокая яма (глубина от поверхности пола выступа 1,4 м), на дне которой лежал череп лошади. Заполнение ямы состояло из кусков обожженной обмазки с отпечатками соломы, вероятно, от рухнувшей в нее части крыши жилища. Жилище погибло в пожаре, пол его был обожжен, он, как и в первом, был без подмазки. Более половины площади этой постройки уничтожено большой поздней ямой, видимо, поэтому в ней не обнаружено остатков очага или печи. Правда, есть основание считать, что печи в углу не было, так как все углы полностью или частично сохранились. Очевидно, здесь находился очаг, располагавшийся в центре пола. В западном и южном углах, а также вдоль юго-западной и юго-восточной стенок в полу прослежены гнезда столбов, на которых опиралась кровля и держались доски деревянной облицовки стен.

При расчистке пола жилища найдены обломки кухонных хазарских горшков, сероглиняных гончарных сосудов, тмутараканских кувшинов и довольно много обломков типичных кочевнических лепных сосудов, украшенных "роскошным" орнаментом.

Третье жилище было расположено у восточного угла донжона (см. рис. 41). Это единственный пример наземного бревенчатого (срубного) жилища, обнаруженный в слое Саркела (рис. 42). Жилище погибло от пожара, остатки его были разрушены позднейшими перекопами. По сохранившимся восточному и южному углам и отдельным кускам стен можно восстановить размеры жилища и способ кладки бревен. Ориентирована постройка углами по странам света (с небольшими отклонениями). На уровне около +0,1 м на плотной глиняной подсыпке толщиной 0,3 м поставлен сруб из круглых бревен, соединенных в углах "в обло". Глинобитный пол толщиной 5 см у стен слегка поднимался, плотно прилегая к нижнему венцу сруба. Форма постройки в плане прямоугольная, размеры ее 3,65 × 2,65 м, а внутренние размеры — 3,2 × × 2,36 м. Пол срезан более чем наполовину поздними перекопами и ямами. Однако на сохранившейся части пола разбросаны куски бревен от сгоревших стен (толщина бревна около 0,2 м) и жердей от сгоревшего перекрытия. Кусок кровли, упавший вне сруба, сохранил конструкцию крыши: жерди, расположенные перпендикулярно друг другу, переплетенные ивовыми прутьями и перекрытые сверху слоем куги, смазанной глиной с навозом и соломой. Вдоль северо-западной и северо-восточной сторон снаружи были выложены из трех-четырех рядов кирпичей вымостки на растворе глины, очевидно, игравшие роль завалинок. Кирпичи были раздавлены. Создавалось впечатление, что по ним таскали большие тяжести. Возможно, это случилось во время пожара. Никаких следов отопительного устройства внутри сруба не обнаружено: следует учитывать, что середина пола, северный и западный углы, т.е. места, где могли находиться очаг или печь, уничтожены глубокими перекопами.

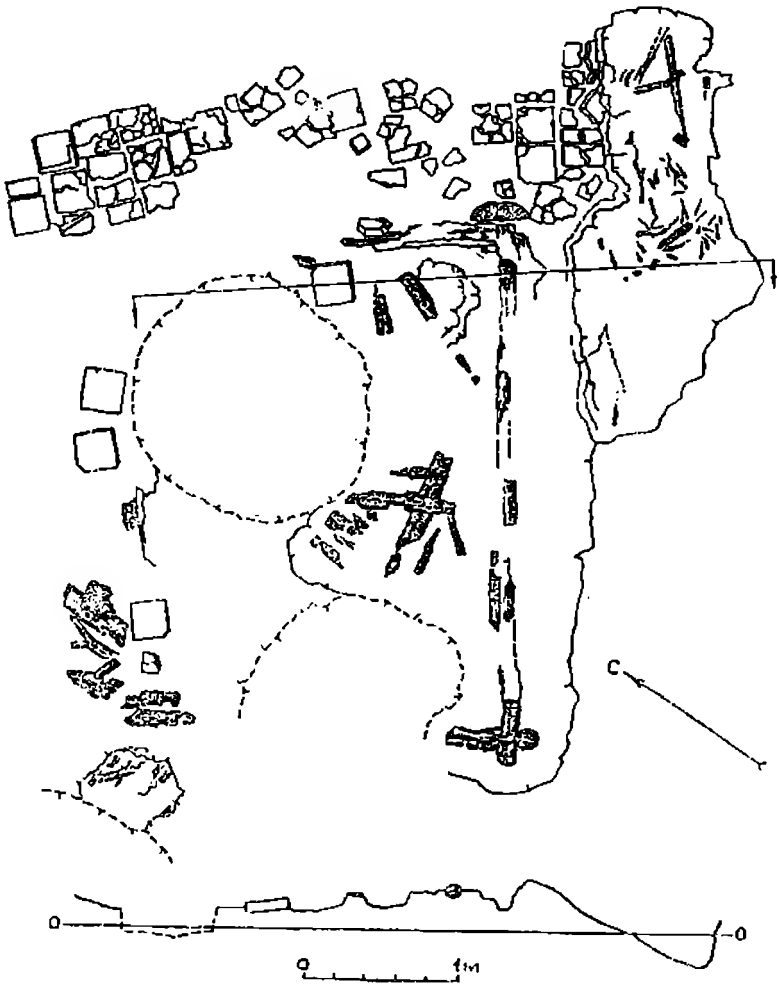


Рис. 42. Остатки бревенчатой срубной постройки

Время существования этой постройки устанавливается только стратиграфически, так как находки при ее расчистке не были учтены. Тем не менее, вероятно, южный угол жилища перекрыл две более ранние ямы, относящиеся к первому периоду жизни крепости. Только этот факт и дает основание считать, что жилище выстроено во второй период. Находки обломков сероглиняных сосудов, хазарских горшков и тмутараканских кувшинов на одной из "завалинок" являются косвенным подтверждением этого.

Около полуземлянки 26 была расчищена большая "бочковидная" яма 166 диаметром 1,38 м, глубиной в материке около 0,6 м (см. рис. 41). На дне и стенках — следы дерева, а под слоем дерева на дне — остатки обмазки зеленой глиной. Находки в ее заполнении — немногочисленные обломки посуды хазарского комплекса и разбитый кочевнический кувшин, покрытый "ра-

кошным" орнаментом. Очевидно, яма служила погребом, относящимся, вероятно, к жилищу 26, а значит, датировать ее можно тем же временем. Находки в ней не противоречат этому выводу.

Вся поверхность северо-восточной стороны донжона изрезана более поздними, спущенными с верхних горизонтов ямами, среди которых иногда удавалось проследить и остатки ям хазарского времени. Такова яма 142, диаметр устья которой 0,6 м, а глубина 1,3 м. Она почти наполовину срезана поздней ямой, но оставшаяся часть позволяет говорить, что стенки ее были облицованы деревом, на дне лежали угли и куски обгорелых досок от крышки. Несмотря на то, что находки из заполнения обеих ям учитывались в поле вместе, среди них преобладали обломки керамики хазарского комплекса, хотя попадались иногда и более поздние вещи, например, четырехугольный плоский светильник, многочисленные аналогии которому хорошо известны в древнерусских городах, в том числе и в Белой Веже.

Следы неоднократно горевших построек, стратиграфически относившихся, видимо, к хазарскому времени (уровень их залегания от "0" не превышает +0,15 м), обнаружены к северо-западу от донжона (см. рис. 41). Разобраться в последовательности напластований пожарищ не представлялось возможным, но на обрывках обгоревших полов местами попадались ряды ямок от жердей, куски обгоревшей стенной обмазки с отпечатками на ней плетневой основы, а также два очажка. Оба сложены из пяти кирпичей и заполнены тонкой светло-серой золой.

Поблизости от них находился погреб, вероятно, относившийся к другому помещению. Погреб квадратный (1,25 × 1,25 м) с ровными вертикальными стенками, в материк углублен на 0,65 м. В его заполнении обнаружено несколько обломков кочевнических сосудов.

Что касается керамической характеристики всего завала пожарищ, то в нем преобладает хазарский керамический комплекс, причем у самого материка попадаются обломки котлов с внутренними ушками, а немного выше (в развале предполагаемого дома с погребом) — обломки черных стеклянных браслетов. Это хазарское пожарище (965 г.?) было перекрыто слоем и остатками сооружений с находками большого количества боршевских горшков, т.е. относившихся уже к беловежскому времени.

Совершенно необычным является расположение наземного жилища на кирпичной вымостке перед входом в донжон. Его поставили точно на западный угол вымостки. Размеры жилища 3,3 × 3,3 м (см. рис. 41). Глинобитный пол подмазывался жидкой глиной неоднократно. Поверхность его была обожжена. Жилище погибло от сильного пожара, его глинобитные стены упали на пол (толщина их завала достигает 0,25 м). В северном углу, вероятно, находилась глинобитная печь или тандыр. Там же обнаружены два целых кухонных хазарских горшка и развал угля. В центре пола разбросаны обломки лощеного сосуда. В южной части пола вырыта круглая яма-погреб диаметром 1,15 м, глубиной от уровня пола 0,9 м. Заполнена она слоем пожарища. Второй погреб располагался в восточном углу. Это тоже круглая яма, но больше первой (диаметр ее 1,5 м, глубина 1,7 м). Нижние 0,4 м заполнения аналогичны заполнению первой ямы, а верх засыпан обычным мусорным слоем, в котором попалось даже шиферное пряслице.

На северо-западном участке помимо глиняного завала стены был расчищен слой сгоревшей кути, очевидно, являвшийся остатками перекрытия (кровли) жилища.

Описанная постройка как будто ничем не отличалась от обычных появившихся во второй хазарский период наземных домов. Необычность ее заключалась в расположении на одном из наиболее престижных мест крепости — на вымостке перед донжоном.

Трудно представить, что в хазарский период в цитадели уже начали разрушать главные оборонные и представительные кирпичные строения. Крепость еще оставалась крепостью со всеми присущими ей функциями. По-видимому, глинобитная постройка на площадке принадлежала самому хозяину донжона (правителю крепости). Домик был дополнительным явно хозяйственным помещением, в котором располагались два погреба и, возможно, печь или тандыр для выпечки хлеба.

Это было не единственное подсобное сооружение, связанное с жизнью обитателей донжона. Вокруг него, не касаясь его стен, было поставлено еще несколько построек, в частности, жилища 25, 26 и срубное строение. Не исключено, что и комплекс сгоревших дотла домов, расположенных к северо-западу от донжона, также имел к нему прямое отношение.

Естественно, что донжон не сразу стал обрастать подсобными помещениями. Самой ранней была полуземлянка 25. Характерно, что она не сгорела, а была, как постройки первого периода застройки, засыпана грунтом и над забитым котлованом поставлено новое жилище. От него сохранилось очень мало: изрезанный перекопами участок глинобитного пола, обнаруженный на уровне +0,16 м, осевший почти до "0" над котлованом раннего жилища. Очевидно, с этим полом можно связать и под печи, сложенный из кирпичей, обмазанных глиной. От стенок печи сохранилось только два поставленных на ребро кирпича. Вблизи от печи был сооружен очажок из четырех кирпичей с глинобитным подом. Ориентировка этого жилища устанавливается по ориентировке печи —углами по странам света, так же как более раннее жилище и донжон, к стене которого оно как будто не примыкало, но в одном месте удалось проследить, что пол перекрывал известковую заливку-отмостку.

Находки обломков керамики при расчистке этого комплекса не полностью соответствуют хазарскому набору: среди обломков керамики преобладали обломки кухонных хазарских горшков и тмутараканских кувшинов, но в то же время встречалось довольно много амфор и очень много лепных кочевнических сосудов с "роскошным" орнаментом.

Хотя этот комплекс нельзя из-за сильных перекопов считать абсолютно закрытым, все же, видимо, постройку следует относить к числу наиболее поздних из всех рассмотренных выше жилищ вокруг донжона. О поздней дате свидетельствует и конструкция печи, получившая распространение в беловежский период. Наиболее хронологически близкими к этому жилищу являются погибшие от пожара домики на северо-западе от донжона. В них также были обнаружены четырехугольные очажки и кирпичные печи, обломки кочевнической керамики и отдельные предметы, датирующиеся не ранее X в.

Вероятно, вокруг донжона сгруппировались жилища, принадлежавшие обслуге или воинам, приближенным к хозяину большого кирпичного здания. Не исключено, что и здесь соблюдалась древняя планировка куренем: глава — в центре (в донжоне), остальные — вокруг. Впрочем, к этому же гнезду построек могла относиться и группа домиков, расположенных на расстоянии примерно 3 м к юго-западу от кирпичной площадки перед донжоном. Группа состояла из двух жилищ и погреба (см. рис. 41).

Один из домиков (24) был полуземлянкой, углубленной в материк на 0,3 м. Пятно котлована выявлено только на уровне материка. Котлован изрезан поздними ямами, сохранились только западная и северная его части. Размеры его 3,75 × 4 м. В отличие от предыдущих построек цитадели, жилище было ориентировано сторонами по странам света. Пол в жилище без подмазки, сильно утоптанный. Южная стенка жилища просматривалась благодаря ямкам от столбов. Столбы поддерживали крышу и служили жестким каркасом для плах, облицовывавших стены: кусок такой плахи лежал на полу вдоль южной стены. У западной стенки на полу обнаружены завал перекрещенной

глины, угли, зола, несколько кирпичей, являвшиеся, видимо, остатками печи неясной конструкции.

Следов пожара в котловане не было, вероятно, его засыпали до пожара, в котором погибло большинство построек второго хазарского периода. На полу жилища обнаружен обломок кочевнического горшка.

Остатки второго жилища (35) сохранились еще хуже. Очертания его котлована так перепутаны с прорезавшими его ямами, что некоторое время в поле считали котлован еще одной ямой или, вернее, погребом, поскольку он был квадратным. Однако форма, размеры (2,5 × 2,2 м), углубление в материк почти на 0,8 м, материковый утоптанный и ровный пол свидетельствуют скорее о том, что это остатки еще одной типичной саркельской жилой полуземлянки. Это подтверждалось и тем, что в полу, ближе к северному углу, помещалась довольно крупная яма овальной в плане формы, углубленная в материк всего на 0,2 м, обожженная и заполненная углем и золой. Очевидно, это были остатки очага. На полу у юго-западной стенки лежал большой нижний жернов из песчаника. Других находок на полу не было. Обломки керамики были подсчитаны в котлованс вместе с материалом из примыкавшей к ней почти вплотную ямы 19. Последняя, видимо, также относилась к хазарскому времени, поскольку общий комплекс керамики в обоих объектах характерен для хазарских сооружений и слоя. При явном преобладании тмутараканских кувшинов (130) и кухонных хазарских горшков (93) встречаются также обломки лощеных (24) и кочевнических (55) сосудов. Вероятно, устойчивый хазарский керамический комплекс в цитадели пополнился значительным включением в него кочевнической керамики с "роскошным" орнаментом. Заметно участились здесь и случаи находок котлов с внутренними ушками.

В пространстве между жилищами 34 и 35 находился погреб (полевой номер 3). Котлован был выявлен в виде расплывчатого пятна на уровне +5 см. Глубина его в материке 1,7 м. Он прямоугольный, ориентирован углами по странам света. Размеры в плане 1,8 × 1,55 м (см. рис. 41). В его стенах небольшие подбои, и благодаря им дно расширяется до размеров 2,1 × 1,8 м. В углах в подбоях прослежены ямки от столбов, служивших, вероятно, подпорками деревянных конструкций, поддерживавших стенки и свод подбоя. Подобное устройство стен с подбоями и столбами внутри их встречено на салтово-маяцких поселениях только один раз — в жилище на Дмитриевском городище [Плетнева, 1989, С. 20—22, рис. 6]. Как и там, в саркельском погребке на середине одной из сторон вырезана небольшая приступка-ступенька, видимо, от входа.

Заполнение нижней части погреба — чистая материковая глиняная обмазка. Верхняя часть была заполнена остатками пожарища: перегоревшей глиной, кусками дерева, углями, золой. Это остатки сгоревшего рядом жилища. Заполнение слоя пожара забито обломками тмутараканских кувшинов, хазарских горшков, лощеных сосудов, одного разбитого лощеного кувшина и пифоса. Нет ни амфор, ни кочевнических сосудов, однако нет и типичных для первого периода Саркела сероглиняных столовых нелощеных сосудов. Помимо керамики в самом низу этого попавшего в погреб пожарища были обнаружены очень редкие в Саркеле находки — четыре половинки серебряных дирхемов, принадлежавших омейядскому наместнику Ирана Убайдаллаху Ибн Зийяду (656—681 гг.), Омейядам (737—738 гг.), Аббасидам (конец VIII — начало IX в.), куфического дирхема IX в. К сожалению, монеты и здесь, как и над пожарищем кузницы в первом караван-сарае, не дают нам даты сгоревшего сооружения, поскольку все относятся ко времени ранее начала строительства крепости и тем более — домиков в ее цитадели. Тем не менее находки дирхемов свидетельствуют, как уже говорилось, о принадлежности сгорев-

шей постройки к хазарскому времени, поскольку в последующий период в крепости имели хождение византийские монеты.

Кроме завала в погребе от жилища, погибшего в пожаре, более ничего в слое не сохранилось (все было перекопано и срезано ямами). Но то, что пожарище перекрыло более ранний полузасыпанный (не сгоревший) погреб и принадлежало к хазарскому периоду жизни в Саркеле, представляется очевидным. По-видимому, в течение второго хазарского периода случились какие-то перестройки-перепланировки. Это явление мы уже наблюдали в жилище 25 и перекрывавшем его сгоревшем домике. Здесь также, видимо, сначала были поставлены два домика и погреб, потом их забросили, засыпали и перекрыли наземным жилищем, которое и было сожжено в 965 г.

Следует подчеркнуть "обжитость" этого участка цитадели в конце его саркельского существования. Помимо описанных комплексов в него входили еще очажок и хозяйственная яма.

Очаг находился в 1,5 м от западного угла жилища 35. Он обнаружен на уровне +5 см и сложен из 5 кирпичей (один на поду, четыре вокруг). Как обычно, очажок был заполнен тонкой светло-серой золой. Следов пола вокруг него не было.

Рядом с ним прослежена яма, устье которой открыто на уровне ниже "0" (-0,14 м). Яма цилиндрическая, диаметром около 1,5 м, глубиной 1,33 м. Верхняя часть заполнения мусорная, забитая костями животных и рыб, чешуей, а нижняя — обломками керамики хазарского комплекса с преобладанием тмутараканских кувшинов и почти полным отсутствием обломков амфор.

Еще одно жилище (22), относящееся к тому же времени, расположено в 7 м северо-западнее этой группы строений (см. рис. 41). От него сохранилась только северо-западная половина, остальная часть разрушена громадной поздней ямой. Однако, судя по дошедшей до нас половине котлована этого жилища, размеры его были 3,25 × 2,5 м, а глубина от уровня материка — 0,42 м. Пол ровный, материковый, без подмазки, но плотный, покрытый слоем золы. Очаг располагался в центре пола — это прямоугольное углубление (0,1 м) размером 0,6 × 0,45 м. Рядом с ним прослежена ямка от столбика. Вдоль стен никаких следов ямок от жердей или столбов не было. Ориентировано жилище углами по странам света.

В заполнении сохранившейся части котлована найдены обломки тмутараканских кувшинов (15), кухонных хазарских горшков (22), лощеных сосудов (14) и довольно много железных предметов: два серпа (в обломках), обломок косы, кольцо, кольцо со стержнем, железные пластинки (от казана?), кресало, пряжка, стремя, крючок, а также точильный камешек, оленний рог и бронзовый небольшой ключик-амулет. Изобилие железных предметов позволяет предполагать связь этого жилища с кузницей, находившейся от него северо-западнее всего на 30 м. Стена цитадели, разделявшая их, могла быть в то время уже "проходимой", т.е. полуразрушенной, так же как и примыкавший к ней караван-сарай, во дворе которого стояла кузница.

Весь комплекс находок несомненно можно отнести к саркельскому времени, хотя в заполнении было обнаружено еще 10 обломков боршевских горшков, свидетельствующих о смешанности слоя, заполнившего котлован. Вполне вероятно, что эти обломки попали в котлован из перерезавшей его ямы, поскольку в заполнении ямы было много хазарской керамики и попалось железное кольцо, парное кольцу, обнаруженному в заполнении котлована. Очевидно, что здесь имело место какое-то частичное смешение заполнений.

Северо-западнее этого жилища находился небольшой погребок, обнаруженный на уровне -4 см (рис. 43). Размеры его котлована 1,7 × 1,2 м, внутренняя площадь погреба меньше (1,45 × 1 м), глубина всего 0,65 м. Стенки были облицованы дубовыми массивными плахами, крепившимися вбитыми в

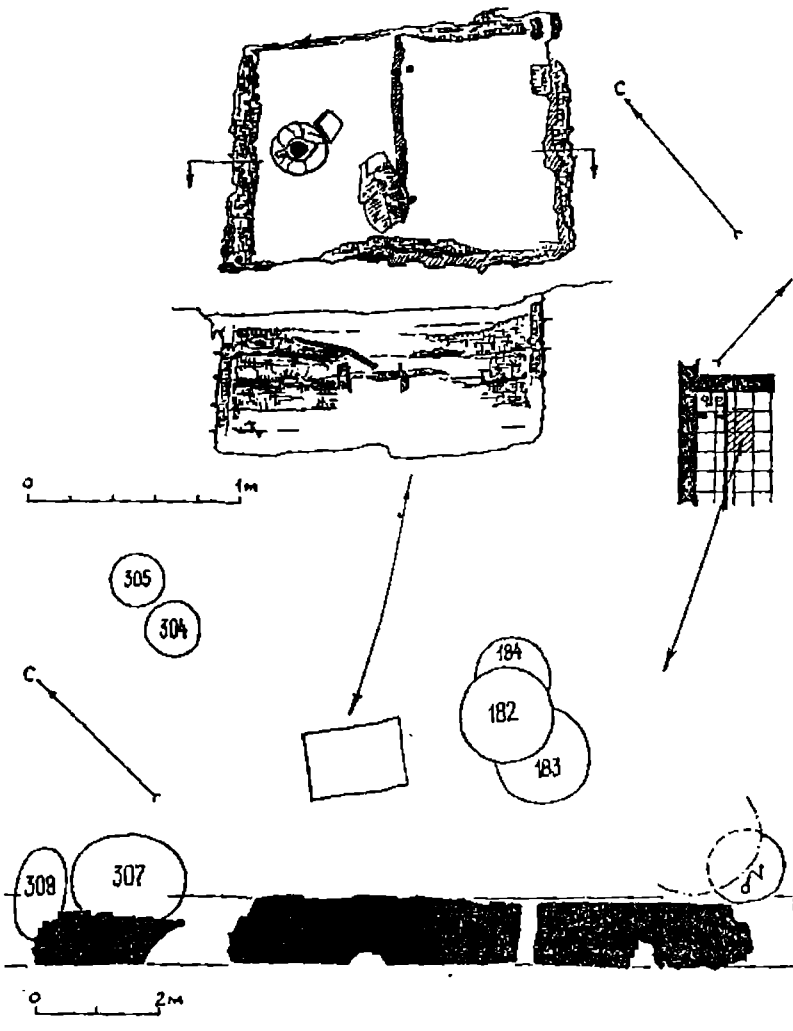


Рис. 43. Погреб 1 и план расположения хозяйственных ям вокруг него в западном углу цитадели

углах и на середине длинных сторон кольями. Поверхность плах обмазана глиной. Погреб перегорожен на две части поперечной стенкой, от которой остались след перегоревшего дерева вдоль невысокого глиняного "порожка" и две ямки от столбиков. Часть погреба завалена обожженной глиной, соломой, угольками, тростником — остатками перекрытия, прослеженного только над одной из частей, над другой было что-то более легкое: завал там состоял в основном из тонкого слоя угля (сгоревших досок?). В заполнении погребка у самого дна обнаружены два раздавленных сосуда: кухонный хазарский горшок и лощеный кувшин, а на дне — обломки верхней части маслобойки (венчик со сливом).

На этом же участке, поблизости от погреба на уровне +0,15 и были расположены две цилиндрические ямы (303, 304) со стенками и дном, обмазанным зеленой глиной. Обе небольшие, диаметром не выше 1 м, а глубины 0,9 м. Заполнение обеих мусорное с большим количеством костей и чешуи рыб. Обломки керамики невыразительны и их немного, поэтому судить о принадлеж-

ности их к хазарскому времени по находкам нет оснований, но типологически они соответствуют подобным сооружениям второго хазарского периода.

То же можно сказать и о близких им территориально ямах 307 и 308, вырытых вплотную к стене "длинного здания". Они также обмазаны зеленой глиной, а яма 307 отличается от предыдущих величиной: диаметр ее 1,85 м, глубина 1,65 м. Впрочем, столь же крупной является еще одна яма (182) на этом участке. Она перекрыта боршевской полуземлянкой и более поздними ямами беловежского времени. Глубина ее в материке 1,35 м, диаметр 1,6 м. Яма врезалась в две немного более ранние ямы, в заполнении которых были обнаружены обломки керамики исключительно хазарского комплекса: горшков, лощеной посуды, сероглиняных сосудов, тмутараканских кувшинов.

Наконец, большой интерес представляют остатки ямы, углубленной в материк на 0,25 м. Она почти полностью уничтожена перекопом, однако на сохранившемся сегменте неровного дна этой ямы найден скелетик ребенка 4—6 лет, уложенного скорченно на правом боку. Кости верхней части скелета перемешаны, череп раздавлен. Очевидно, это были остатки закоронения, совершенного в круглой яме, аналогичного погребениям у юго-западной стены.

Яма с захоронением ребенка, как и ямы 307 и 308, расположена не только вплотную к стене кирпичного здания, но даже немного врезана в нее. Это свидетельствует, видимо, о том, что о сохранности стены во время сооружения ям уже не заботились, а значит, все "длинное здание" пришло в ветхость и перестало функционировать в качестве важной для обитателей цитадели постройки. Действительно, исследования ее внутренней территории показали, что она начала довольно активно застраиваться (рис. 44).

Так, примерно на середине длины этого здания на глубине -0,3 м обнаружен утоптанный материковый пол полуземлянки. В плане она почти квадратная со слегка закругленными углами (3 × 3,95 м). Северо-восточной ее стеной служила, видимо, кирпичная стена "длинного здания". На полу никаких следов конструкций стен и очага проследить не удалось. В заполнении котлована обнаружены обломки тмутараканских кувшинов, хазарских горшков, лепной сковороды и лепного кочевнического котла с внутренним ушком. Там же, в скоплении горелой глины, углей, золы, найдены обрывки веревки и льняной ткани.

Вблизи этого жилища расположена, видимо, синхронная ему яма, немного подкопанная даже в крепостную стену (235). Как и жилище, она изрезана поздними ямами, глубина ее в материке 1,35 м, а диаметр около 1,8 м. Стенки ямы обмазаны зеленой глиной. В заполнении попадались обломки тмутараканских кувшинов, лощеных и лепных кочевнических сосудов.

На расстоянии 2—2,5 м от этой ямы, также рядом с крепостной стеной была вырыта еще одна яма (232), обнаруженная на уровне -0,14 м. Глубина ее 1,29 м, диаметр 1,35 м. Обмазки зеленой глиной в ней не было, но уровень устья и идентичность керамического комплекса свидетельствуют о ее одновременности с предыдущей.

К этому же времени относился небольшой погреб (2), расположенный в северо-западном конце "длинного здания". Пятно его котлована было выявлено на уровне +0,23 м. В плане погреб квадратный (1,2 × 1,25 м), его глубина 1,45 м, ориентирован углами по странам света. Пол материковый, без подмазки. На стенках видны отпечатки широких (до 0,2 м) досок, соединенных, вероятно, в углах "в обло". Заполнение сруба — прожженная глина, перекрытая завалом обгорелых плах. В этом слое пожара обнаружено много обломков лощеных сосудов, сероглиняных сосудов без лощения, кухонных хазарских горшков, котлов с внутренними ушками, обломки большой лепной сковороды.

Следует упомянуть еще о двух ямах, находившихся к юго-востоку от жи-

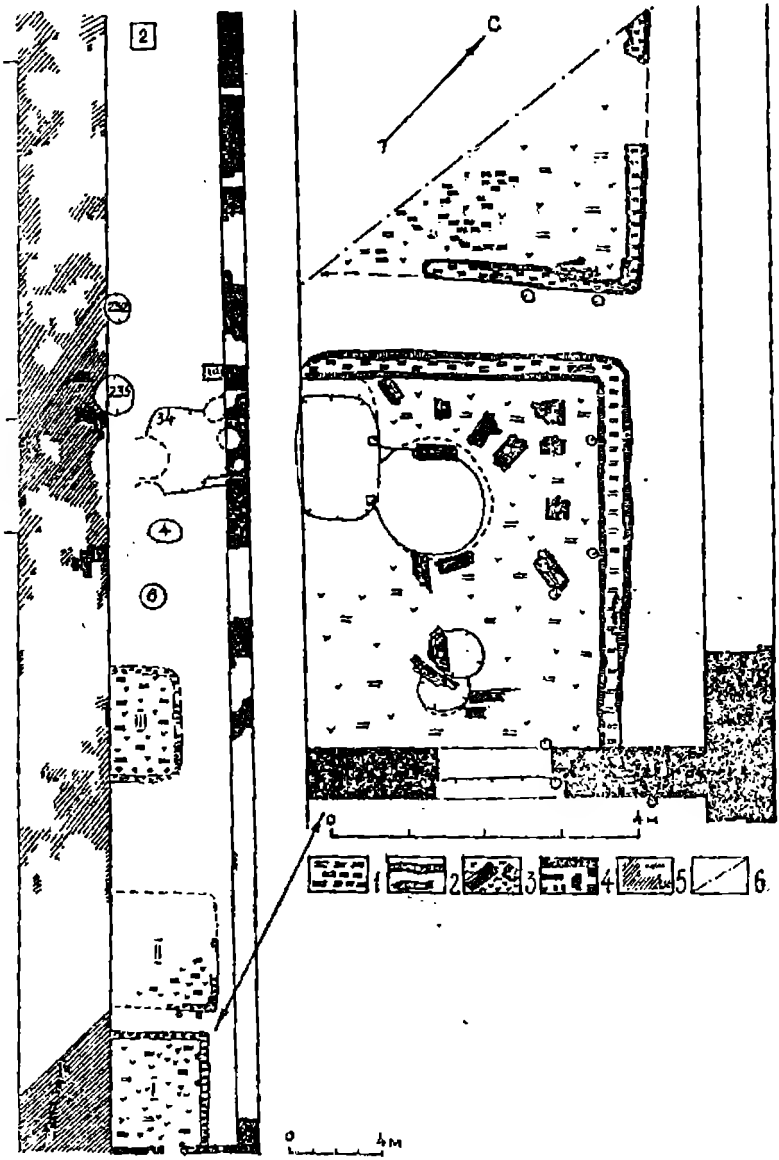


Рис. 44. Застройка внутренней части "длинного здания" в западном во второй период: *1* — обожженная глина; *2* — серое "окаймление" глинобитной стены; *3* — куски сгоревших плах, уголь, зола; *4* — остатки кирпичных кладок; *5* — отпечатки кирпичей; *6* — граница раскопа

лица. Одна из них овальная в плане (1 × 1,4 м), глубиной 1,39 м. Другая — круглая, диаметром 1 м, глубиной 1,2 м. Обе забиты плотным суглинком, обломков керамики немного, но набор их абсолютно соответствует керамическому хазарскому комплексу.

Наиболее существенными и в то же время не очень функционально определимыми сооружениями внутри "длинного здания" являлись остатки трех печ-

моугольных больших наземных построек, пристроенных к юго-западной крепостной стене, служившей им четвертой стеной. Сохранились полосы от глинобитных стен этих построек толщиной примерно 0,5 м, высотой до 0,2 м. Никаких следов внутреннего деревянного каркаса у этих стен, вероятно, не было или они не были прослежены.

Первая постройка, открытая полностью, была поставлена в угол, образованный крепостной стеной (см. рис. 44) и стенкой юго-восточного помещения с кирпичными погребками (арсеналами). Таким образом, у него две стены были кирпичными, а две — глинобитными. Пол неровный, материковый, на нем лежал слой угля и обожженных досок от кровли. Никаких остатков отопительного устройства не обнаружено. Вход находился в кирпичной (юго-восточной) стенке, разобранной до основания. Ширина его 1,52 м. По обеим его сторонам прослежены гнезда от довольно массивных столбов. Вход соединял это глинобитное сооружение с кирпичным отсеком бывшего "длинного здания". Создается впечатление, что это как бы пристроечка к фундаментальному помещению с погребками. Однако рядом с этой "пристройкой" было поставлено аналогичное сооружение, никакого отношения к помещению с погребками не имевшее, поскольку находилось у северо-западной стенки первого, отделявшего его от кирпичного отсека с погребками.

От стен второй постройки удалось расчистить только восточный угол, остальное не раскрыто. Но и дошедшие до нас данные позволяют говорить о типологической близости этих зданий: у них одинаковые стены, оба наземные, с неровным материковым полом. Пол был завален обгорелой глиной, перекрывавшей доски крыши. Толщина глиняного завала доходит до 0,6 м, видимо, это был завал стен. С внешней стороны юго-восточной стены прослежены два гнезда от массивных столбов, расстояние между которыми 0,8 м. Полоса обгорелой глины от стены между столбами прослеживается четко, а это означает, что входа здесь не было. Очевидно, столбы служили контрафорсами для стены, которая была тоньше, чем у первого здания (0,35 м).

Третье глинобитное здание располагалось на довольно большом расстоянии от двух предыдущих к северо-западу. Сохранилось оно очень плохо. Правда, по всему периметру с трех сторон видны полосы глинобитных стен, а внутри на полу лежали слой угля и перекрывавший его слой обожженной глины. Примерные размеры постройки 3 × 5 м. Вдоль внутренней стороны юго-восточной стенки обнаружены четыре больших гнезда от столбов, поддерживавших стену. Возможно, они играли и иную роль, составляя часть внутреннего убранства этого помещения.

Наличие внутри "длинного здания" крытых построек является дополнительным свидетельством того, что здание было основательно разрушено.

В связи с этим интересно наблюдение, сделанное М. И. Артамоновым, о расположении на современной поверхности траншей по добыче кирпича на этом городище. Глубокие траншеи, хорошо видимые на поверхности, как оказалось, всегда соответствовали разобранным казаками до отпечатков стенам. Эти стены возвышались над поверхностью или легко прощупывались разведочными шупами еще в XIX в. Стены же, сильно разобранные в древности, не были заметны и благодаря этому остались в том виде, какой получили в результате ранних (в основном белобережских) разрушений. Стенка конюшни-казармы не соответствовала ни одной из внешних траншей: ее обломки сохранились относительно хорошо на всем протяжении. По-видимому, стена начала разбираться в хазарское время, и последующее время ее продолжали разбирать до тех пор, пока она на высоте 5—8 кирпичей не покрылась культурным слоем и частично не завалилась в выкопанные поблизости ямы.

В саркельский период несомненно продолжали существовать только сооружения, выстроенные на обоих концах "длинного здания". Во всяком случае,

нет оснований говорить о том, что они были разрушены. Представляется странной и необычной пристройка к кирпичному зданию грубого глинобитного сооружения, соединенного с ним проходом, который был немного "подновлен" (по его сторонам поставили столбы для новой двери): стена для этого прохода не проламывалась. Вероятно, крытая глинобитная пристройка перед входом в помещение с погребами была необходима, поскольку кровля и в значительной степени стены "длинного здания" были уже уничтожены.

Новые постройки внутри прежнего здания исполняли различную роль. Так, полуземлянка была жилищем, квадратная яма, облицованная деревом, — погребом, круглые ямы были обычными зерновыми, а три наземные глинобитные постройки — какими-то хозяйственными строениями. Не исключено, что это были конюшни для дорогих породистых привозных коней. В одном из них вдоль стены были вкопаны столбы, возможно, являвшиеся коновязями. Существенно, что пол во всех трех помещениях не только без следов какой-либо подмазки, но и неровный — поверхность его комковатая, как бы истоптанная, что также может быть в конюшнях.

Как бы там ни было, ясно, что внешний вид этой юго-западной части цитадели во втором хазарском периоде претерпел резкие изменения. Здесь появились строения, окружившие донжон, несколько жилищ поставлены по линии, параллельной крепостной стене, примерно в 7—8 м от нее. Весьма вероятно, что начала намечаться новая планировка поселения: гнездовая стала сменяться линейной. Это еще не были улицы, но линейно-уличный принцип, благодаря ориентировке крепостных стен, вдоль которых старались ставить свои жилища саркельцы, стал активно осваиваться.

Это можно было проследить не только в цитадели, но и в других местах крепости. Так, в западном углу несколько новых домиков пристроили в ряд к юго-западной стене, а на участке между стеной цитадели и разрушенной стеной первого караван-сарая их, как и в цитадели, расположили по линии, параллельной стенам (СЗ-ЮВ).

Жилища этого периода жизни Саркела характеризуются прежде всего устоявшимися в первом периоде признаками: небольшой углубленностью, отсутствием подмазки на полу, турлучными стенами, открытыми очагами в центре пола. Однако появляются и другие особенности, которые нередко прямо противоположны традиционным. Это — наземность построек, обязательная в таких случаях подмазка пола, возведение стен из толстых досок (плах), обмазанных глиной, что внешне напоминало обычные турлучные конструкции. Наконец, самым отличительным признаком является расположение и конструкция отопительного устройства. Это нередко были уже сложенные из камней, кирпичей и глины печи с глинобитным подом (изредка и кирпичным — из четырех кирпичей). Кроме того, в Саркеле начали появляться оригинальные, получившие особенное распространение в беловежское время, небольшие очажки из четырех поставленных на ребро кирпичей с глинобитным полом или пяти кирпичей, один из которых служил полом. Как правило, очажки были заполнены тонкой светло-серой золой без включений даже мелких угольков. К сожалению, материал, из которого образована эта зола, не был определен. Но можно с уверенностью говорить, что она образовалась в результате сожжения какой-то одной породы дерева, травы или иной органики. Очажки всегда сильно прокалены: сжигание происходило внутри — в строго ограниченном пространстве. Над пылающими углями (на шампурах) или в горячей золе готовилось жареное или печеное мясо.

Следует сказать, что все новые черты, включая очажки, встречались не изолированно, а вперемешку со старыми традициями. Так, в доме с печью в углу мог в центре пола помещаться открытый очаг, в полуземлянке ставились жилые стены, а в наземном помещении — турлучные и т.д. Все это свиде-

тельствует о сложении в Саркеле второго периода своеобразной новой культуры, характерной для данного, возникшего в крепости поселения.

Новые черты культуры проявились, конечно, не только в домостроительстве. Выше мы видели, что были внесены нововведения и в сооружение зерновых ям, которые нередко, несмотря на крепкий глинистый материк, считалось необходимым дополнительно укреплять обмазкой зеленой клейкой глиной. Свойства этой глины твердеть до каменного состояния после высыхания были использованы уже в первый период — при сооружении рва, край которого был специально тщательно промазан, однако в бытовом строительстве она распространилась во второй период.

Сложился и вполне определенный керамический хазарский комплекс, отличавшийся от комплекса первого хазарского периода, во-первых, заметным увеличением количества привозной тарной посуды, в частности, тмутараканских кувшинов; во-вторых, почти полным исчезновением из хозяйства сероглиняных гончарных сосудов без лощения; в-третьих, распространением лепных кухонных хазарских горшков; в-четвертых, увеличением находок котлов с внутренними ушками; в-пятых, появлением в хазарских комплексах лепных, украшенных "роскошным" орнаментом сосудов различного назначения (гузо-печенежских). Причем в тот период эта посуда получила преимущественное распространение только в цитадели, на других участках обломки ее в слое единичны.

Помимо обломков керамики, вещей в жилищах и ямах, относимых ко второму хазарскому периоду, а также в слое рядом с ними попадалось немного — это были в большинстве случаев сломанные или утерянные предметы (в том числе и монеты). Из вещей-украшений именно в тот период появились привозимые из Крыма стеклянные браслеты (черные, круглые в сечении). Несмотря на явное существование крымско-византийского экспорта, монеты оттуда поступали в Саркел очень редко. Возможно, малое количество находок объясняется просто тем, что жители не часто теряли деньги, которые нужны им были для общения с соседями.

Что касается серебряных диргемов, то их в те годы копили и нередко превращали в украшения, т.е. они из категории денег переходили в категорию "сокровищ". Таковы монеты из клада с богатыми поясами, датирующиеся временем от 907 до 954 г. 9 целых монет входили в ожерелье, а половинки, видимо, накоплены в качестве драгоценного металла (сырья для украшений?).

Весьма существен устоявшийся традиционный видовой состав животных, определяемый по находкам в закрытых комплексах и в слое. Он представлен 28 видами, разделенными на две группы — домашние (табл. 5) и дикие (табл. 6).

Таблица 5

Состав домашних животных в саркельском слое (данные из раскопок 1951 г.)

Вид	Количество	Процент
Лошадь	2555	6,35
Корова	8786	21,86
Овца	17656	43,94
Свинья	1000	2,60
Коза	79	0,19
Верблюд	25	0,06
Собака	347	0,86
Кошка	141	0,35

Таблица 6

Состав диких животных в саркельском слое (данные из раскопок 1951 г.)

Вид	Количество	Процент
Кулан	5	0,01
Тур	1	0,002
Лось	59	0,14
Олень	655	1,63
Косуля	21	0,05
Сайгак	500	1,24
Кабан	2576	6,41
Медведь	4	0,009
Волк	12	0,02
Лиса	353	0,87
Хорек	29	0,07
Ласка	1	0,002
Барсук	63	0,15
Выдра	12	0,02
Бобр	150	0,37
Заяц	34	0,08
Суслик	14	0,03
Птицы	1048	2,60
Рыбы (крупные)	4091	10,18

Среди домашних животных преобладал крупный и мелкий рогатый скот. Лошади в основном "киргизы" — степная крепкая порода, изредка среди них попадались останки местной дикой (возможно, прирученной?) небольшой лошадки — тарпана. Интересно, что в Саркеле почти не было коз, которые были распространены в стадах собственно салтовского (аланского) населения верховий Дона и его притоков. Представляется необъяснимым, что в крепости кагана, принявшего иудаизм, свинья в пищу употреблялась довольно часто, особенно если учесть и находки дикой свиньи — кабана.

Дикие животные представлены двумя отделами — степным и лесным. К степным относятся куланы, сайгаки, лисы, хори, зайцы, суслики, а к лесным — лоси, косули, олени, медведи, барсуки.

Бобры, кабаны, выдры связаны с обширными приречными зарослями. Следует учитывать, что в то время степь была ковыльной и в ней водились еще даже громадные туры и олени, а в приречных зарослях обитало, помимо млекопитающих животных, множество птиц*. Кости птиц принадлежали домашним курице и гусю, а также диким гусю, лебедю, дрофе, пеликану, цапле и орлану.

В целом состав домашних животных убедительно свидетельствует об оседлом развитом животноводстве, но преобладание в стаде овец, по-видимому, пережиток кочевого хозяйствования, в котором овцы играли превалирующую роль. Не исключено, что в Саркеле наряду с полной оседлостью продолжало существовать отгонное скотоводство — на лето стада овец, коров, табуны лошадей отгонялись в степь: их там пасли, перегоняя с одной кочевки в другую в зависимости от состояния трав в разные месяцы года.

О земледельческом труде свидетельствует в первую очередь огромное количество хозяйственных зерновых ям, окружавших жилища. Иногда в них или в домиках находились разбитые или целые жернова, остатки сгоревшей пшеницы, ячменя, проса, соломы. В слоях Саркела — Белой Вежи очень мно-

* Определения и подсчеты костей животных были сделаны студентами Терновой, Хабаровым, Гаевым под руководством научного сотрудника К. Б. Юрьева.

хо сохранялось железо, однако немногочисленные находки железных орудий (остатки лемехов, чересла, мотыг) подтверждают тезис о распространенности среди саркельцев пашенного земледелия. В соседнем и синхронном Саркелу Правобережном городище такие орудия сохранились прекрасно, и они позволяют говорить о высоком технологическом уровне их производства.

Кузнечное дело в Саркеле удалось выявить благодаря обнаруженным остаткам железоплавильных горнов и двух кузниц [Плетнева, 1996б]. Получили развитие в Саркеле и другие ремесла. Гончарное, как и кузнечное, появилось еще во времена караван-сараев (в первый период) и продолжало существовать в последующее время — в X в. Гончары изготовляли в основном кухонные горшки с линейно-волнистым орнаментом характерной для Саркела шаровидной формы, близкие им по пропорциям, орнаменту, глиняному тесту котлы с внутренними ушками и разнообразные хозяйственно-столовые сосуды, делавшиеся из плотного теста, аналогичного тесту лощеных сосудов, и такого же "серого" обжига. Эти сосуды способствовали приданию местной бытовой культуре подчеркнуто своеобразного "делового" колорита: сосуды эти обычно использовались в домашнем производстве.

В этом разделе о позднем Саркеле необходимо обратиться к вопросам отложения культурного слоя, который можно было бы считать собственно саркельским (хазарским). При описании и анализе построек, которые явно относились к саркельскому времени как по находкам на полу и в заполнении, так и по типологическим особенностям, отмечено, что вокруг их очень редко можно было обнаружить синхронные им слои. Только близ некоторых слой нарастал достаточно активно. Например, у кузницы его толщина достигала 0,5—0,6 м. В других случаях можно было заметить, что ямы и полуземлянки хазарского периода сооружались с уровней +0,1 или +0,3 м, что свидетельствует о неравномерном накоплении слоя в Саркеле.

Остановимся на материалах, характеризующих стратиграфию саркельского слоя городища. Основная толща культурного слоя Саркела—Белой Вежи относится к беловежскому периоду, хазарский же слой невыразителен и поэтому слабо прослеживался и не всегда отмечался на чертежах. Судя по полевой документации, от него сохранились местами только углисто-золистые прослойки, перемежавшиеся полосками обожженной глины. Изредка удавалось выявить этот нижний слой по более интенсивному (темно-серому) окрасу, отличавшемуся от верхних беловежских светло-серых напластований, насыщенных золой частых пожарищ.

Следует учитывать, что в Саркеле долгое время (почти 60 лет IX в.) накопления слоя во дворах караван-сараев вообще не могло быть, так как там постоянно поддерживались порядок и чистота. То же стремление к порядку было свойственно воинам, занимавшим и привратные помещения.

Слой стал расти после того, как крепость начали заселять и застраивать — примерно в последние годы IX — первом десятилетии X в. За следующие 50—60 лет (до 965 г.) наслоились те отложения, которые с той или иной степенью вероятности можно связывать с хазарским периодом.

Рассмотрим далее те отрезки, на которых можно выявить остатки этого слоя.

Первый из них — профиль у Главных ворот по линии 2 (см. рис. 5), между пикетами А—Д (рис. 45, *а*). Линия проходит перед воротами с внешней стороны. К нижнему слою здесь относится линза лежавшей на материке плотно слежавшейся (утоптанной) глины толщиной 0,15—0,3 м. Длина линзы 6 м. Поверх ее прослежена прослойка той же толщины, состоявшая из материкового суглинка, смешанного с золой и "вкраплениями" битого кирпича. Представляется вероятным, что утоптанная глина покрывала дорогу, ведущую к во-

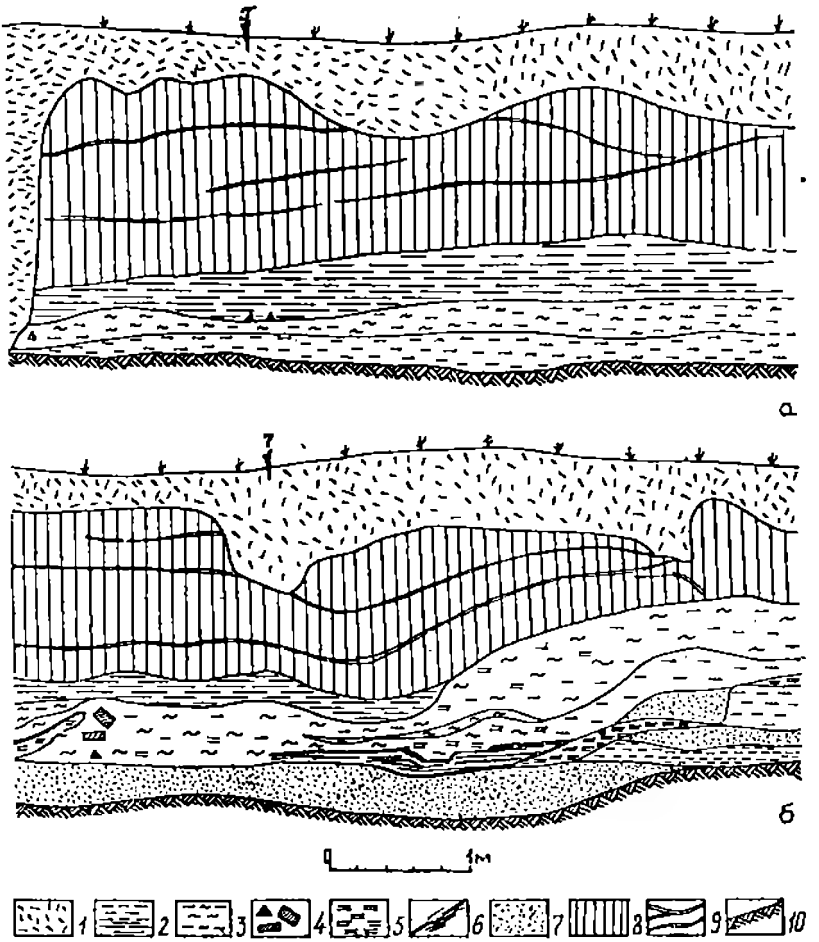


Рис. 45. Отрезки профилей на участке у Главных ворот: по линии 2 (*а*), по линии А (*б*): *1* — мусорно-дерновый слой XIX—XX вв.; *2* — глина и нивелировочный слой глины; *3* — зола; *4* — обломки кирпичей; *5* — обожженная глина; *6* — углистый слой пожарища; *7* — известковая заливка; *8* — беловежский слой; *9* — основные линии наслоений в беловежском слое; *10* — материк

ротам, а прослойка над ней образовалась во время взятия и гибели Саркела, чем и объясняется насыщенность этого слоя золой от пожаров.

Второй отрезок с остатками саркельского слоя (рис. 45, *б*) выделен на профиле линии А на том же участке у Главных ворот. Он представляет интерес потому, что известковая прослойка пола караульни перекрыта мощным пожарищем 965 г. Отложения же IX в., как и следовало ожидать, здесь отсутствуют.

Три профиля были зачерчены на раскопе 2 (территория первого караван-сарая) (см. рис. 5). К сожалению, на длинном профиле по линии Н нижний слой зафиксировать не удалось. Он прослеживался частями в виде скоплений прослоек пожарища, перекрывавших материк, или разливов глины, образовавшихся, видимо, в период строительства. Однако параллельно предыдущему по линии II был зафиксирован еще один профиль, на котором саркельский слой выявлен достаточно четко, особенно между пикетами 1—4. Этот слой по

степени гумусированности делится на два подслоя: нижний, почти черный, перекрывающий известковую заливку-отмостку, и более светлый (серый) верхний подслой, пронизанный остатками пожарища (рис. 46). На третьем профиле (по линии I) сильно гумусированный слой и лежавший под ним светлый предматерик, очевидно, относятся к саркельскому периоду. Здесь обозначены находки обломков керамики: хазарских горшков, лощеных сосудов, тмутараканских кувшинов, т.е. в целом керамический комплекс характерен для хазарского времени.

Очень плохая сохранность культурного слоя в цитадели не позволяет с уверенностью выделить там хазарский слой. На профилях были зафиксированы только отдельные небольшие "куски" этого слоя на материке, перекрытые прослойками пожарища.

Так, на профиле линии С (пикеты 12—14) удалось, по-видимому, почти по всей длине проследить обрывки слоя хазарского времени (рис. 47) и даже получить разрезы заполнений нескольких комплексов, явно относившихся к тому же периоду. Толщина слоя здесь кое-где достигала 0,55—0,6 м. Верхний уровень очень изломанный — волнистый. Содержание слоя — суглинок, глина, прослойки золы и углей, "падающие" в заполнения ям и полуземлянок.

Немногочисленные факты о толщине и изрезанности нижнего хазарского культурного слоя, которые были получены в результате рассмотрения ряда профилей, необходимо сопоставить с данными о находках в нижних наслоениях памятника наиболее массовых категорий вещей или же отдельных предметов, хорошо датированных по аналогиям.

В статье о керамике Саркела—Белой Вежи [Плетнева, 1959] прослежено стратиграфическое распространение отдельных групп керамики в слоях этого памятника. Подсчеты велись по условным "пластам" каждый по 0,50 м. Второй от "0" пласт был разделен на два "подпласта" (по 0,25 м). Кроме того, был выделен нижний дополнительный пласт — "ямный". В нем учтены находки обломков керамики, обнаруженные в материковых ямах (рис. 48, *А*).

Заполнение материковых ям отличается преобладанием в них обломков кухонных хазарских горшков и столовой лощеной посуды. Славянской — боршевской и корчевнической — посуды немного, и обычно обломки ее встречались в ямах, опущенных в материк с уровня +0,5 или +0,6 м. Существенным отличием "ямного" слоя от вышележавших пластов является небольшое количество обломкоа тарной посуды, причем обломков тмутараканских кувшинов в ямах с хазарским керамическим комплексом в 10—15 раз более амфорных.

Первый от "0" пласт тоже характеризуется значительным количеством обломков типичных групп бытовой хазарской керамики: кухонных горшков и котлов с внутренними ушками, лощеной и нелощеной серой посуды, лепных горшков, крышек, котлов с гладкой неорнаментированной поверхностью. Резко возросло в данном пласте количество тарной посуды. На этот пласт приходится "пик" распространения кувшинов тмутараканского типа. Обломков амфор в нем по-прежнему намного меньше. Однако в этом же пласте обнаружено почти равное с хазарской керамикой количество обломков боршевской и корчевнической лепной, украшенной разнообразным "пышным" орнаментом посуды.

В следующем полуметровом пласте количество обломков всех групп падает (в 1,5—2 раза). Поскольку подсчеты велись по двум "полупластам" отдельно, удалось заметить, что количество обломков кухонной (гончарной и лепной) и столовой хазарской керамики особенно уменьшилось в верхнем полупласте. Вероятно, это означало прекращение их производства. Интересно, что параллельно с этим перестали употребляться и лепные казарские сосуды. Сильно сократилось и количество обломков тарной посуды.

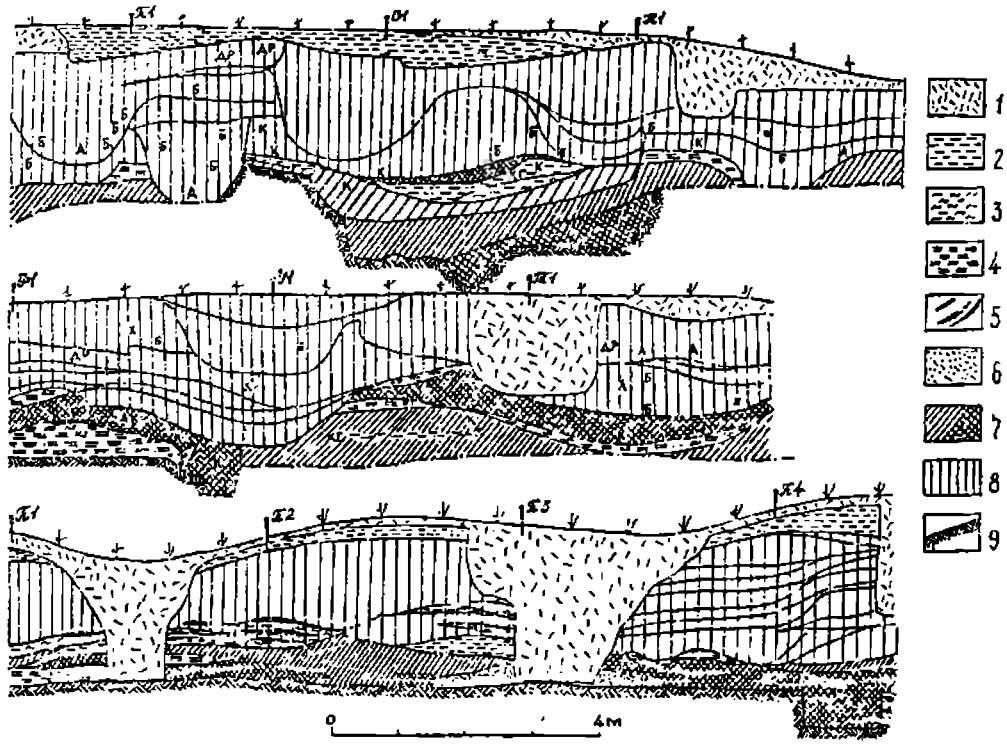


Рис. 46. Отрезки профилей раскопа на караван-сарае I по линии I и линии II: *1* — слой XIX—XX вв.; *2* — глина; *3* — зола; *4* — обожженная глина; *5* — угольная прослойка; *6* — известь; *7* — слой хазарского времени; *8* — беловежский слой; *9* — материк; А — амфоры; Б — боршевские горшки; К — тмутараканские кувшины; ХГ — хазарские горшки; ДР — древнерусские горшки

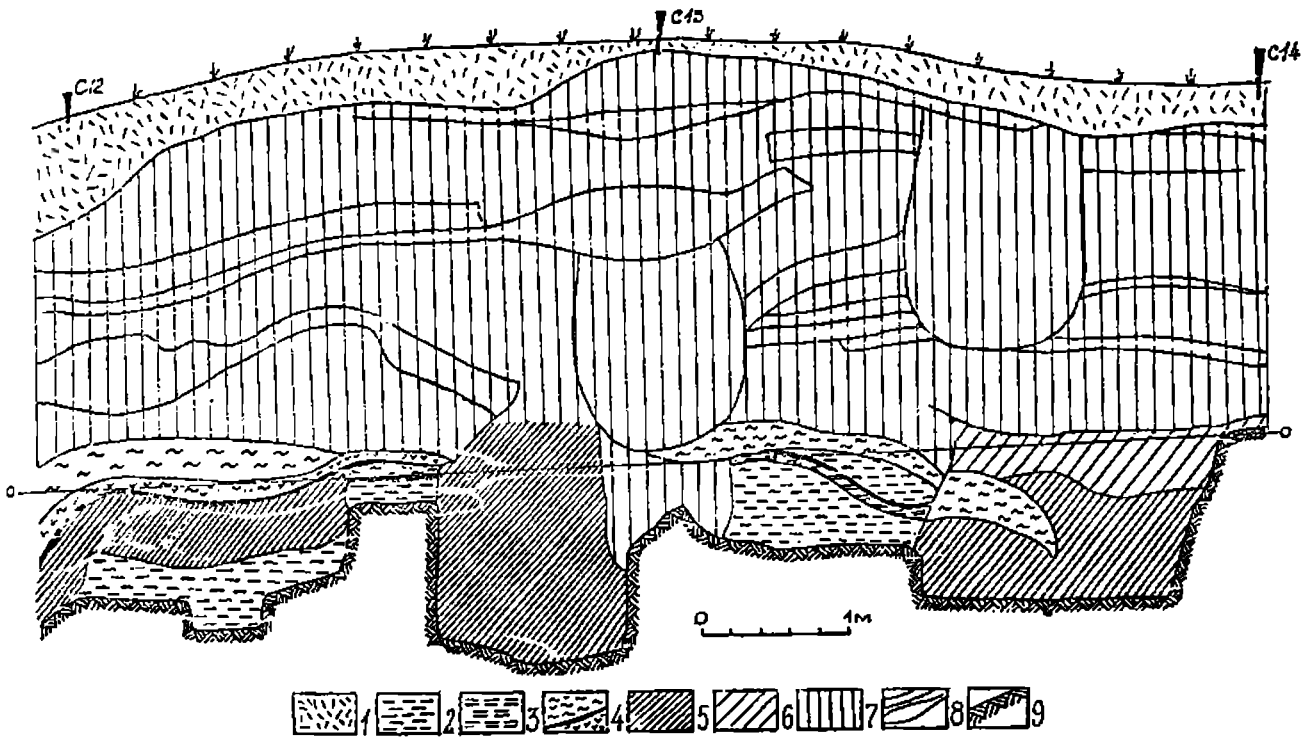


Рис. 47. Отрезок профиля по линии С в цитадели: *1* — слой XIX—XX вв.; *2* — глина; *3* — обожженная глина; *4* — зола, угли, угольные прослойки; *5* — слой хазарского времени почти черного цвета (углистый?); *6* — то же серого цвета; *7* — беловежский слой; *8* — границы прослоек в беловежском слое; *9* — материк

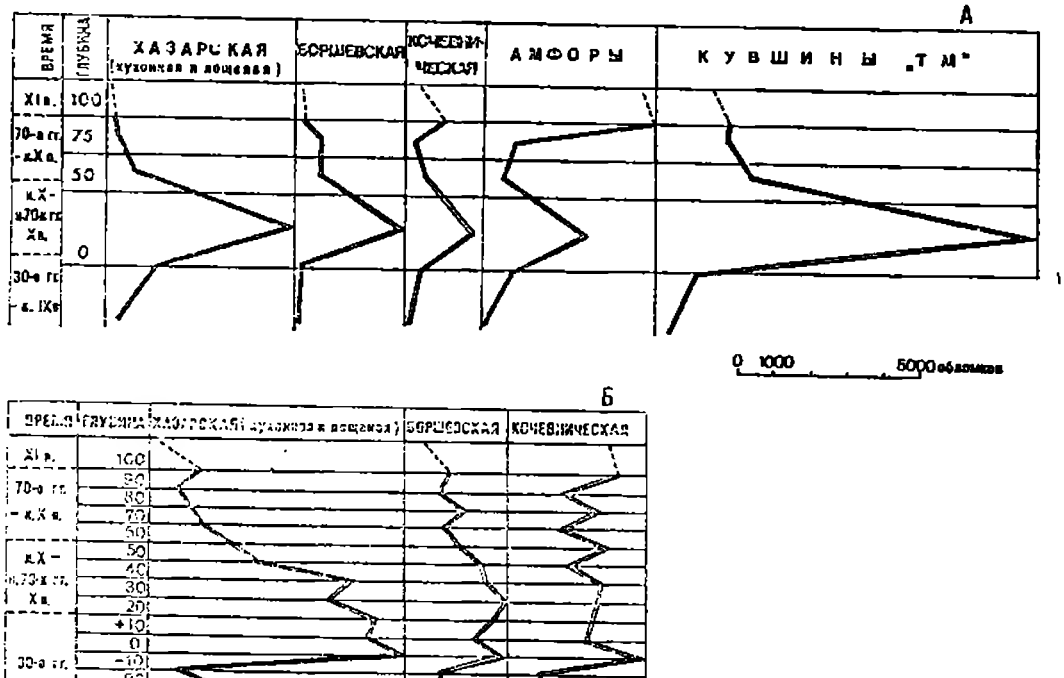


Рис. 48. "Керамические профили" Саркела: А — по С. А. Плетневой; Б — по В. Д. Белецкому

Все изменения комплекса керамики позволили мне продатировать все пять пластов культурного слоя + "ямный" слой, связав их с изменениями в истории крепости Саркел и городка Белая Вежа [Плетнева, 1959. С. 261—262]. "Ямный" слой, первый пласт и полпласта второго были отнесены к хазарскому периоду (30-е гг. IX в. — первая половина X в.), а верхние полпласта и выше — к беловежскому. Этот вывод был принят почти всеми исследователями материалов памятника.

Одновременно со мной провел подсчеты по четырем основным группам керамики В. Д. Белецкий [1959]. Они велись по более дробным делениям культурного слоя, однако, переведенные на предложенную мной схему, они дают ту же картину насыщенности хазарского слоя — явственное преобладание хазарской керамики в первом пласте и заметное уменьшение ее во втором (рис. 48, *Б*). Весьма существенно, что и В. Д. Белецкий зафиксировал наличие большого количества в нижнем слое боршевской и кочевнической керамики. Этот факт позволяет говорить о раннем заселении крепости не только местным населением (болгарами, хазарами), но и славянами и гузо-печенегами. Кроме того, подтвержден и второй мой вывод: расцвет "заселенности" крепости относится к периоду образования первого пласта, падение уровня жизни по неясной причине началось в крепости уже где-то перед разгромом Саркела и особенно заметно заселенность упала в первые десятилетия постхазарского времени.

Другие группы массового материала как будто подтверждают сделанные при исследовании памятника наблюдения.

Так, выразительно распределены по пластам обломки стеклянных браслетов (рис. 49, *А*). В первом пласте, частично попадая в "ямный" слой, преобладали ранние (конца IX — первой половины X в.), черные, круглые в сечении браслеты, выше их становится вдвое меньше, а в беловежское время они постепенно сходят на нет [Львова, 1959. С. 323]. Тем не менее в том же первом пласте нередко встречались обломки поздних браслетов, широко распространенных на Руси в XI и даже в XII вв.

Та же картина получена при изучении встречаемости пряслиц в саркельском слое [Левенок, 1959. Табл. VIII]. В нижнем пласте — очевидное преобладание пряслиц из амфорных черепков (рис. 49, *Б*), типичных для всех поселений Хазарии и обеих Болгарий (Дунайской и Волжской). Во втором пласте использование керамических пряслиц сократилось втрое, а в Белой Веже они исчезли совсем, так как начиная со второй половины X в. их стали заменять шиферными, более красивыми и тяжелыми. В то же время шиферные пряслица постоянно попадались на тех же глубинах, что и амфорные — в нижнем пласте и ямах.

Аналогичное смещение разновременных находок в саркельском слое при преобладании хазарского вещевого комплекса удалось проследить и на материалах костореза дела*, и по немногочисленным попавшимся в слое бронзовым изделиям (рис. 50). Бронзовые украшения, туалетные принадлежности, амулеты второй половины IX — конца X в. распространены по всему хазарскому пласту вперемешку, хотя перстни, датирующиеся VIII—IX вв., со вставкой, закрепленной четырьмя крупными "лапками", и подражания им встречаются в основном в нижнем пласте и ямах. То же можно сказать о "коромыслообразных" колоушках, литых больших гранених бубенчиках, амулетах, некоторых характерных для салтово-маяцкой культуры бляшках. Там же — на тех же глубинах найдены детали вещей, относящихся ко второй половине X в., в частности, накладки на так называемые "венгерские сумки", и

* Работа В. В. Нахапетян о костерезном деле в Саркеле — Белой Веже была доложена на заседании группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН в конце 1994 г. К сожалению, перепечатка публикации этого монографического исследования не вышла.

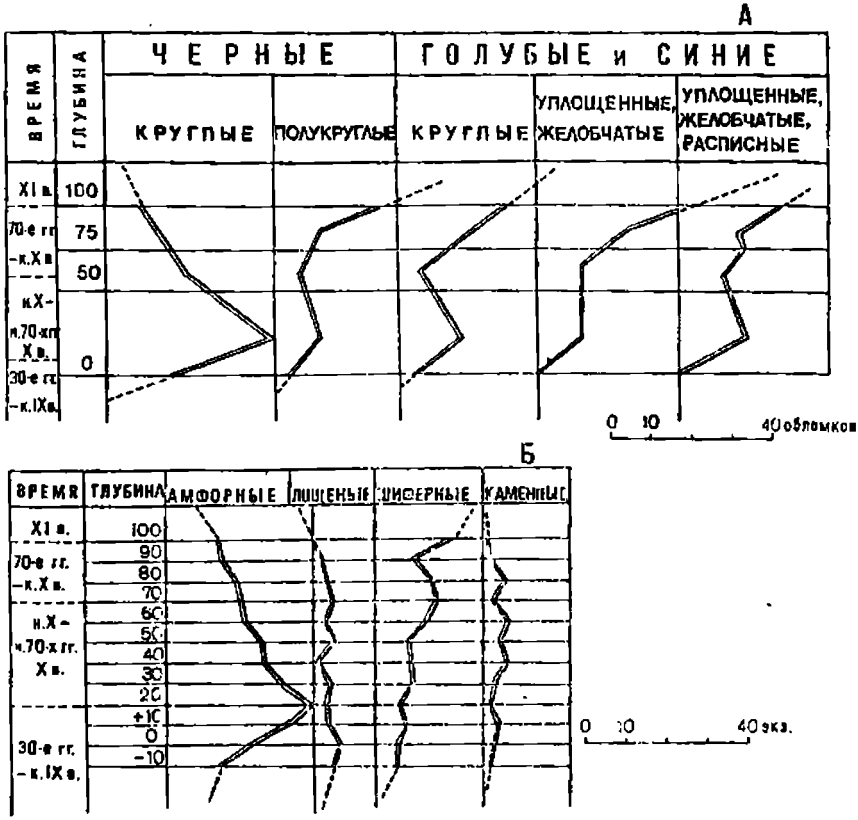


Рис. 49. Распространение стеклянных браслетов в слое Саркела (*А*) и пряслиц (*Б*). Графики составлены по подсчетам З. А. Львовой и В. П. Лесенка

наоборот — в пласте, относимом ко второй половине X в., обнаружены вещи характерного салтово-маяцкого комплекса IX в. (гуалетные принадлежности, амулеты и пр.).

Таким образом, несмотря на очевидную перемешанность культурного слоя, массовые материалы, как показали исследования [МИА, 1959. № 75], позволили путем "распластования" находок отделить хазарские (саркельские) пласты от беловежских. Казалось бы, нет никаких сомнений в том, что образование всего нижнего пласта следует связать с хазарским периодом. Однако необъяснимым при таком решении является значительный процент боршевской и кочевнической керамики, а также находки поздних вещей в этом пласте. В закрытых хазарских комплексах боршевской керамики вообще нет, а кочевническая встречается редко и только в цитадели. Жилища же с боршевской керамикой и печами-каменками всегда перекрывали хазарские постройки, хотя их котлованы нередко были опущены в материк с уровней 0,3—0,6 м, так же как и хозяйственные ямы с аналогичной керамикой.

Можем ли мы говорить в таком случае о наличии на городище собственно хазарского (чистого) слоя? Известно, что на поселениях хазарского времени культурный слой вообще почти не прослеживался и был очень слабо насыщен

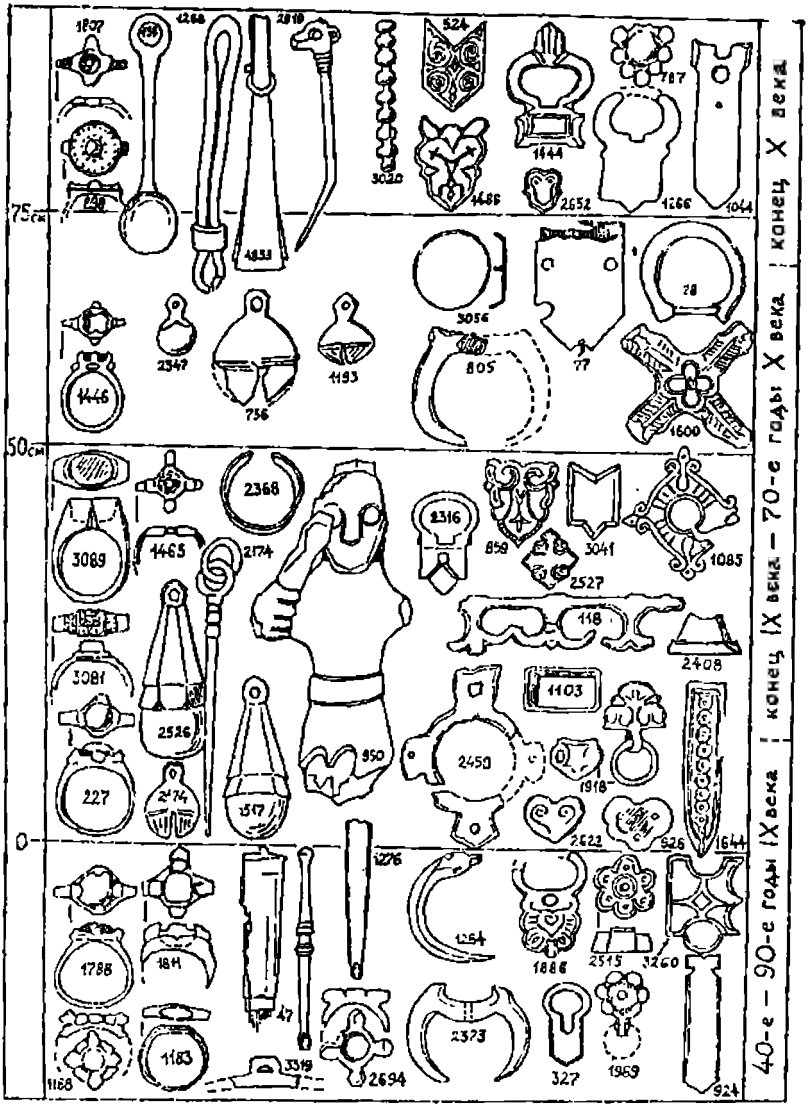


Рис. 50. Находки бронзовых предметов в слое Саркела (№ по полевым описям ЗДЭ 1950—1951 гг.). № 118, 756, 787, 859, 896, 950, 1044, 1085, 1103, 1244, 1266, 1446, 1465, 1486, 1807, 1850, 1918, 1989, 2174, 2316, 2347, 2368, 2515, 2526, 2527, 2652, 7694, 2819, 3041, 3056, 3081, 3089, 3260, 3319 — см. Список находок в цитадели (1951 г.); № 524, 926, 1183, 1188, 1276, 1284, 1517, 1788, 2174, 2175, 2373 — см. Опись находок в раскопе СП; № 47, 327 — см. Опись раскопа 1; № 77, 78, 227 — см. Опись раскопа 1а; № 1644, 2408, 2622 — см. Опись раскопа у Речных ворот

находками, поскольку жители сбрасывали отходы своей жизнедеятельности в помойные ямы. Судя по значительному количеству помойных ям, заполненных наряду с разными отбросами обломками исключительно хазарского комплекса, в Саркеле происходили те же процессы: старые полуобвалившиеся хозяйственные ямы использовались в качестве помоек.

Тем не менее, как показали исследования, именно нижний пласт более за-

бит находками, чем все верхние слои этого памятника. Мне кажется, что это результат не только раннего беловежского строительства, основательно перемешавшего весь нижний пласт слоя. Этот пласт образовался в основном во время взятия и гибели крепости в 965 г.

Как правило, археологи замечают следы побоища и разгрома по прослойкам пожарищ и изредка — по находкам кладов. Это безусловно надежные показатели. Но нужно учитывать, что в огне и разрухе создавался слой толщиной не менее 0,2—0,4 м. Он естественно заполнялся разбитой посудой и другими брошенными, потерянными (разбитыми и целыми) предметами. Такой *слой гибели* мы обнаружили на Правобережном Цимлянском городище, где он выявился в виде насыщенной находками прослойки толщиной около 0,2 м. Характерно, что *слой жизни* этого поселения намного бедисе. Надо сказать, что на всех раскопанных памятниках, которые трагически погибли в разгроме и тотальном пожарище, этот слой прекрасно прослеживался исследователями. И всюду он отличался богатством и разнообразием находок.

Вот таким "слоем гибели" и был нижний пласт Саркела. К нему относился саркельский клад с воинскими поясами и диргемами 907—954 гг., а также подкоп под северо-западной стеной в западном углу крепости (см. рис. 40), который прорезает жилище второго хазарского периода и перекрыт хозяйственным наземным сооружением раннего беловежского времени. Подкоп довольно широкий (2,2 м), сужающийся наружу. Общая длина его равнялась примерно 8,5 м, а высота — 0,7 м [Артамонов, 1958. С. 53, 54, рис. 33]. М. И. Артамонов предполагал, что подкоп вырыли изнутри, возможно, для вылазки. Во внешнем конце подкопа обнаружен разрозненный (растащенный зверьем) скелет человека, сжимавшего в руке клочок бумаги с завернутым в него кусочком хны. Бумага самаркандского происхождения, датируется VIII — началом IX в. Однако использовалась она много дольше. Человек был убит, видимо, при выходе из подкопа. Сжатый в его кулаке обрывок бумаги, возможно, был запиской (доносом, просьбой о помощи и пр.). К сожалению, никаких следов письма не обнаружено.

"Слой гибели" обычно прекрасно сохраняется на тех памятниках, где жизнь после разгрома уже не возобновлялась или же заселение начиналось спустя некоторое время, в течение которого успевал нарасти над развалинами стерильный, "консервирующий" остатки прежнего поселения слой.

В Саркеле этих "консервирующих" условий не было. Новые жители, видимо, с частью оставшихся в живых саркельцев, вернувшихся на пепелище, начали активно осваивать разрушенную, но все еще хорошо зачищенную кирпичными стенами крепость. Так "слой гибели" в значительной степени был перемешан со слоем нового строительства: весь нижний пласт толщиной не менее 0,5 м и был этим смешанным слоем.

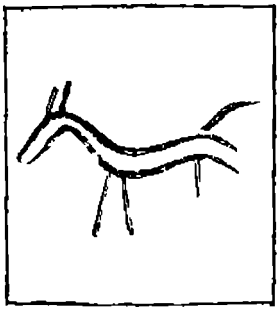
О том же, кем были пришлые поселенцы, свидетельствует, как представляется, керамический материал. В пласте наряду с типичным хазарским керамическим комплексом был очень высок процент боршевской и кочевнической керамики. Это обстоятельство в совокупности с убеждением о накоплении нижнего пласта в саркельское время и дало основание мне и В. Д. Белецкому говорить о заселении Саркела славянами и кочевниками еще в первой половине X в.

На самом деле прав М. И. Артамонов, не согласившийся с выводами своих учеников о проживании обоих этносов в Саркеле наряду с болгарами и хазарами. Он уверенно писал о появлении этих этносов только после взятия крепости Святославом, правда, допуская, что кочевники (гузы и печенеги) могли появиться в Саркеле. Действительно, мы видели, что обломки кочевнической посуды в цитадели встречались в хазарских комплексах. М. И. Артамонов считал, что какая-то группа печенегов или гузов могла проникнуть в Саркел

в качестве гарнизонных воинов. Но в кочевнических курганах близ Саркела—Белой Вежи нет материалов, которые бы позволили связать захоронения в них с саркельским периодом. Они относятся в подавляющем большинстве к XI в., хотя возможны и хронологические колебания в конец X в. и в первые десятилетия XII в. [Плетнева, 1990б. С. 43—74]. Вероятно, в Саркеле выходцами из печенего-гузской среды редко были воины. Это могли быть пленные женщины, служившие хазарским воинам. Они лепили для себя посуду, украшая ее традиционным "пышным" орнаментом.

Археологически почти не устанавливается пребывание в Саркеле славян. Только во второй период, примерно в середине X в., там начали ставить в углах домиков глинобитно-каменные печки, весьма близкие типологически к славянским. Не исключено, что их складывали также пленные женщины-славянки. Керамикой они предпочитали пользоваться местной, поскольку изготовляли ее в Саркеле ремесленники в громадном количестве.

Известные и много раз интерпретированные учеными сведения, взятые из арабских сочинений X в., о "реке сакалибов", отождествляемой с Доном, не могут быть свидетельством проживания славян ни в Саркеле, ни по всему нижнему течению Дона. Эта "река сакалибов" упоминается в связи с арабским походом на Хазарию в 30-х гг. VIII в. [Артамонов, 1962. С. 218—223], т.е. тогда, когда Саркела еще не было. Представляется вероятным, что, рассказывая о ранних событиях, арабы в X в. хорошо знали, что по Дону и далее — через волок на Волгу и вниз по ней — в Каспий постоянно скользили ладьи славян-русов и варягов, и поэтому арабы назвали эту реку "рекой сакалибов", что далеко не всегда указывало на этнос, чаще имелся в виду внешний вид, так как "сакалибы" означало "белокурые-белолицые" [Ковалевский, 1956. С. 85]. Кроме того, во второй половине X в. славяне-боршевцы спустились с верховий Дона, начали обживать развалины крепости, назвав возникающее поселение Белой Вежей, и даже селиться по реке в неукрепленных поселениях [Ляпушкин, 1958а. С. 337—347]. Но все это происходило уже в беловежское время.



Глава V
САРКЕЛ И "ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ"

Саркел был поставлен в центральной части наиболее плодородных земель бассейна Дона [Плетнева, 1967. С. 20]. Это была важнейшая область Хазарии, довольно густо заселенная земледельческим населением. Здесь возникло более десятка больших укрепленных и неукрепленных поселений, часть которых, возможно, входила в формировавшуюся округу Саркела.

Представляется очевидным, что место для строительства крепости было выбрано хазарами очень продуманно. Это подтверждается и сведениями, сообщениями Константином Багрянородным. Он писал: "хаган и цех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофану, просили воздвигнуть для них крепость Саркел". Феофил для исполнения этой просьбы послал в Хазарию спафарохандидата Петрону. Тот с большой группой людей, в которую входили, вероятно, специалисты (архитекторы и пр.), "отправился к месту на реке Танаис, в котором *должен был строить крепость*" [Константин Багрянородный, 1989. С. 171, 173]. Место ему было точно указано. Интересно, что когда византийцы не нашли там необходимого стройматериала (камня) для стройки, вопрос о переносе места будущей крепости даже не возникал: решено было ставить стены из кирпича, что безусловно было труднее и дольше.

Крепость с кирпичными стенами и ров, естественно, несла какие-то оборонительные функции, но следует помнить, что в 30-х гг. IX в., когда планировалось ее сооружение, никакие внешние враги не могли грозить расположенной в центре большой населенной территории крепости. Свой рассказ о Саркеле Константин Багрянородный начал с упоминания печенегов: "их места расселения простираются вплоть до Саркела". Другой византиец, писавший уже в XI в., дополняет рассказ Константина о соотношении печенегов с Саркелом: "крепость Саркел... расположена на реке Танаис, разделяющей по одну сторону печенегов, по другую — хазар", т.е. на левом берегу, где стоял Саркел, находились хазары, а правый принадлежал печенегам. Но печенеги захватили под свои пастбища южнорусские степи в X в., разорив и уничтожив практически все близкие к Саркелу правобережные поселения. Исходя из этой ситуации, сложившейся в степях примерно к середине X в., писал о Саркеле и печенегах византийский император, а в XI в. автор, еще менее знакомый с событиями в несуществовавшей уже в его время Хазарии, счел необходимым немного уточнить данные столетней давности, внеся этой "псевдоточностью" еще большую путаницу. Впрочем, так часто и по сей день делают историки.

Возможно, что и некоторые другие сведения о Саркеле относятся к группе не вполне точных (не проверяемых) включений в повествование о постройке крепости. В частности, к ним могли относиться данные Константина Багрянородного о существовании в ней гарнизона воинов: "таксеотов, сменяемых ежегодно" или же по Продолжателю Феофана: "поочередно сменяя друг друга, несут службу три сотни хазарских стражников". Однако необходимость дисциплинированного большого гарнизона в первый период жизни крепости, вероятно, не была такой обязательной, хотя, конечно, какое-то количество

представителей каганской власти обитало в крепости, занимая в ней южный отсек, где находились донжон и казармы. Они служили гарантами эффективной охраны крепости и всех, кто в ней находился, а также охраны интересов кагана, поскольку им, очевидно, был поручен сбор пошлин с останавливавшихся в караван-сараях купцов.

Во второй период ситуация, как мы видели, изменилась. Тогда (X в.) печенеги действительно заняли донские степи и подходили к Саркелу, основательно разорив его округу. Кроме того, ладьи с воинами-русами тоже, конечно, не останавливались бы перед перспективой ограбить крепость. В такой ситуации существование отряда в 300 воинов стало необходимым.

Крепость стала реконструироваться, и назначение ее изменилось. Она превратилась в пограничную, охранявшую землю хазарского кагана с северо-запада (в основном от набегов печенегов).

Таким образом, все, что сообщили о назначении крепости Константин Багрянородный и Продолжатель Феофана, верно для времени Константина, т.е. с поправкой в 100—120 лет.

А в первый период Саркел был крепостью, выстроенной специально только для размещения в ней караван-сараев, в которых останавливались проезжавшие по хазарским землям купеческие караваны. Крепость назвали Саркел, что "означает у них Белый дом" — записал Константин Багрянородный, а вслед за ним и Продолжатель Феофана. Этот, казалось бы, давно известный и всеми признанный перевод дают все переводчики и комментаторы текста Константина Багрянородного. Однако у этого автора перевод тюркского названия "Саркел": *ἄσπρον σπίτιον*, что буквально означает не "белый дом", а скорее "белая гостиница", в отличие от перевода *λευκοῦ οἴκημα*, который дает Продолжатель Феофана, что следует переводить только как "белый дом"*. Этот до настоящего времени не обращавший на себя внимания перевод названия крепости, как представляется, является весомым подтверждением первоначального назначения Саркела в качестве хорошо укрепленного и охраняемого караван-сарая.

Саркел, как говорилось, соседствовал с несколькими крупными и экономически явно высокоразвитыми поселениями. Все они возникли синхронно Саркелу. Наибольший интерес представляют три городища. Из них Карнаухово и Средний были укреплены земляными валами и неглубокими рвами [Ляпушкин, 1958в. С. 256—257].

Замечательным памятником является третье городище — Правобережное Цимлянское. О его исследованиях и истории писали и упоминали многие ученые и в России, и за рубежом [Артамонов, 1935. С. 27 и сл.; Ляпушкин, 1940; Плетнева, 1993 и 1996а; Димитров, 1987. С. 151—157, и др.]. На этом городище сохранились остатки белокаменных стен, сложенных из прекрасно обтесанных известковых блоков. Необычность дошедших до нас материалов, по которым можно судить о времени сооружения на мысу каменных стен, привела меня к неожиданному и противоречащему остальным исследователям выводу о том, что до начала постройки белокаменных укреплений на этом мысу существовал поселок (кочевье с юртообразными жилищами), принадлежавший одной большой семье (аилу). Поселок было неплохо укреплен рвиком, перерезавшим перешеек, соединявший мыс с массивом берега, эскарпированием склонов и, возможно, какими-то стенами, выстроенными из дерева и глины (или даже сырца?). К сожалению, последующее после гибели поселка новое строительство не позволило подробно исследовать заваленный громадным количеством битого камня и щебня край мыса, а значит, и выявить конструкции первоначальных укреплений. Как бы там ни было, ясно, что из кир-

---

* Консультация любезно дана мне крупнейшим специалистом по античной археологии и греческому языку — Т. В. Блавацкой. Приношу ей искреннюю и глубокую благодарность.

пича во всем регионе нижнего Дона был построен только Саркел, остальные поселения укреплялись более примитивно — деревом и глиной (землей). Каменное же строительство вообще не было даже завершено. Представляется, что эти факты свидетельствуют о первенствующем значении здесь Саркела.

Помимо укрепленных поселений на правом берегу Дона находились и неукрепленные: Крутой, Хороший, Потайновский [Ляпушкин, 1958а. С. 26, рис. 26 — карта]. Саркел в левобережной степи стоял один. Тщательно проведенные разведки вокруг него в радиусе 25 км не обнаружили ни одного левобережного средневекового поселения. Дело, мне кажется, в том, что в непосредственной близости от Дона в заливаемой пойме их и не могло быть. Не было их и на первой террасе, поскольку на ней не было воды. Мелкие речушки, пересекавшие степь, летом пересыхали, превращаясь в более или менее глубокие балки, правда, изредка с родничками. Эта степь служила для выпаса стад, но не для земледельческого оседлого труда. И только Саркел был поставлен на самом берегу Дона, явно на незаливном, поднятом над поймой участке. Очевидно, других таких мест на левом берегу не было, что стало одной из причин невозможности изменения выбора места для строительства крепости. Однако причина эта была хотя и существенной, но не главной.

Главным же было то, что на левом берегу скрещивалось несколько наиболее крупных сухопутных дорог, пересекавших земли каганата как в широтном, так и меридиональном направлениях. Все они проходили по возвышенным местам вдоль малых степных речек, пробивших глубокие балки сквозь толщу отрогов Еергений и впадавших, как правило, в Дон. Отроги также тянулись к Дону, в частности, и к тому участку, где было намечено строительство Саркела. Иногда они даже пересекали русло Дона. В нескольких километрах от Саркела находилась переправа через эту реку, известная еще в XIV в. [Кудряшов, 1948. С. 15, 158] и проходившая по длинному языку такого острога (рис. 51). В 30-х гг. М. И. Артамонов обнаружил у этой переправы через современное русло Дона у хут. Потайновского селище, одновременное Саркелу [Артамонов, 1935. С. 30—33]. Сам Саркел находился на другом русле, превратившемся к XX в. в прерывающуюся в виде отдельных озерков старицу, отделенную от современного Дона примерно 5 км поймы. Прерывистость старицы свидетельствует о том, что старое русло проходило по сильно пересеченной местности, из-за чего течение реки не только меняло русло, но и отличалось многими перекатами и бродами.

В первой половине IX в. Саркел выстроили на самом берегу бывшего тогда основным русла Дона, на искусственном острове. По-видимому, брод в этом русле находился рядом — с северо-запада от острожка. Именно поэтому и Главные ворота находились в крепости с этой стороны.

Сложной и гипотетической является проблема восстановления древних степных путей. Решению ее может способствовать изучение космических фотографий, на которых необычайно четко видны все бедствия, обрушившиеся на Землю от бурного "творчества" человека. В число этих бедствий, конечно, входят и дороги, многие сотни лет резавшие степные просторы. Пользоваться такими фотографиями археологам до сих пор затруднительно, в лучшем случае их допускают к материалам аэрофотосъемки, которые значительно менее эффективны: древние и даже просто старые (заброшенные) дороги на них не просматриваются.

Снимки из космоса удалось получить по близкому Саркелу региону — Калмыкии археологу Е. В. Цудкину. Оказалось, что вся калмыцкая степь покрыта сетью невидимых на поверхности дорог, причем сходившихся к нескольким пунктам, связанным дорогами и между собой*. Следовало бы, конечно, хотя бы разведками исследовать участки перекрестий дорог. Теорети-

* К сожалению, эти данные не были опубликованы.

Рис. 51. Саркел в пойме Дона на берегу ерика Рубежного. № 2 — Правобережное Цимлянское городище; № 6 — поселение и переправа у хут. Потайновского

чески там должны находиться какие-то поселения или торговые центры. Пока таких исследований, насколько мне известно, не проводилось или же результаты их еще не публиковались.

Приходится сожалеть, что космических снимков района Саркела мы уже никогда не получим. Поэтому нужно, видимо, довольствоваться картами, выполненными отличными картографами конца XIX — начала XX в. Они поместили на карты не только основные пути, которые функционировали в их время, но даже полузаброшенные проселки, еле заметные и местами перерезанные балками.

Наконец, важны наблюдения и впечатления археологов, проводивших на данной территории разведки и обращавших внимание на дороги, по которым они ездили и ходили. Нередко становилось совершенно ясно, что грейдер, по которому пылит машина, проложен был людьми тысячелетия назад. Порой этот путь совсем забрасывался и зарастал травой, а во времена расцвета региона становился широким и утоптанным. Многие такие дороги в наши дни покрыты асфальтом, так как они самые удобные, краткие и красивые отрезки пути от одного населенного пункта к другому.

Из трех перечисленных возможностей выявления древних дорог вокруг Саркела мы можем воспользоваться только сохранившимися старыми картами. На них нанесено несколько крупных путей, скрещивавшихся в районе Саркела*. Один из них, видимо, наиболее "наезженный", шел на юго-восток от хут. Попова (т.е. Саркела) к реке Салу почти по прямой — вдоль речки, называемой Большой или Цимлянский лог. У Сала он разветвлялся. На юго-запад дорога шла почти не изгибаясь на громадное расстояние (примерно в 400 км) до Кубани, а затем вновь разветвлялась на две, сворачивала резко на запад — на Тамань и Крым и на юг — через горы в Грузию (рис. 52). Этот старый путь, шедший по степям и далее — по кавказским предгорьям через западные перевалы, был хорошо известен еще в VI в. и считался наиболее безопасным [Иерусалимская, 1978. С. 156, 161].

Связь Саркела с западными землями каганата, в частности с Боспором и Крымом, косвенно подтверждается данными письма царя Иосифа. Описывая свои западные владения, царь перечисляет ряд "местностей" или "городов". Первым в списке стоял "Ш-р-кил" (Саркел), затем "С-м-к-р-ц" и "К-р-ц" (Таматарха и Керчь) и далее — еще 10 крымских торгово-ремесленных городков [Коковцов, 1932, С. 102]. Саркел связан со всеми ими не географически, так как отделен от них сотнями километров, а общим назначением "городков", расположенных, как и Саркел, на оживленном торговом пути каганата.

Юго-восточная ветвь этого пути от Сала вела в Калмыкию, т.е. в земли домена кагана и через них — в низовья Волги. От Волги, т.е. от Итиля, этот путь поворачивал на юг и, то немного удаляясь, то прижимаясь к берегу Каспия, вел к Дербенту и далее — в богатые страны Востока. Надо сказать, что от района современной Элисты — от самого центра домена также была проложена и поныне существует дорога к горным перевалам.

Не менее четко на старых картах указана дорога от нижнего течения Волги вдоль нижнего течения Дона по его левому берегу (см. рис. 52). Она изгибалась в соответствии с изгибами первой надпойменной террасы, по надпойменному краю которой была проложена. Дорога эта соединяла Итиль с Приазовьем, Таманью и Крымом. Это несомненно древняя дорога, максимально сокращавшая длинное (более 600 км) расстояние между его конечными пунктами. В XVII в. она была очень популярна. В "Книге Большому Чертежу" указана даже ее длина: "А с Нагайской стороны от Азова до устья реки Волги, до Хвалимского моря *полем* 600 верст" [КБЧ, 1950. С. 87]. В разведках 60-х гг. мы не раз пользовались ею, она была еще местами грунтовой. Сейчас это асфальтовое шоссе.

Эта дорога, пересекавшая с востока на запад всю серединную часть Хазарии, имела для страны большое значение. Возможно, именно о ней и о юго-западной ветви первого (меридионального) пути писал Константин Багрянородный, рассказывая о дорогах, связывавших Саркел с "Климатами и Херсоном". Император объясняет важность их для Хазарии с упоминанием, что аланы могут легко перерезать дороги. Это было вполне выполнимо, так как в X в. Алания освободилась от власти хазар, а дорога на запад шла мимо границ Алании и частично по ее территории. Опасности, ждавшие купцов на древнем пути, постоянные грабежи караванов подрывали и без того пошатнувшуюся экономику Хазарии, о чем не без удовольствия писал Константин.

Сливаясь в районе хут. Попова в одну, все эти дороги подходили к броду через Дон. В X в. они, по-видимому, сходились непосредственно у Саркела, поскольку именно там протекал Дон и находилась переправа через него. От переправы путь вел по донским степям в земли "боршевцев", мордвы и в Вол-

* Вот это скрещение дорог у Саркела и позволило допустить, что и в Калмыкии в скрещениях древних дорог находились населенные пункты.

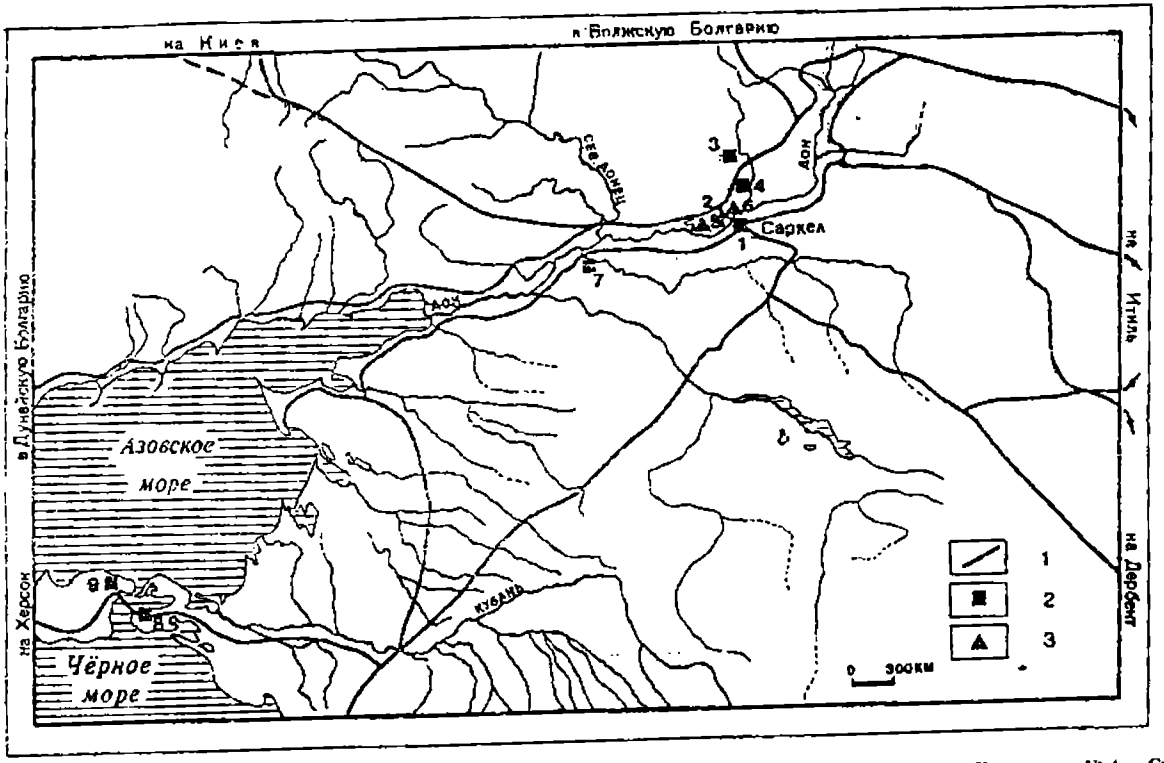


Рис. 52. Дороги, идущие от Саркела на юг, восток и запад: № 1 — Саркел; № 2 — Правобережное Цимлянское городище; № 3 — Карнаухово; № 4 — Средний; № 5 — Крутой; № 6 — Потайнозский; № 7 — Семихаракоры; № 8 — Таматарха (Тамань); № 9 — Самкерц (Керчь); *1* — дороги; *2* — укрепления; *3* — селища

жскую Болгарию (рис. 53). Другой путь, видимо, также ранний, был проложен по гребню правой второй террасы Дона вдоль реки на восток — к Волге и на запад — в Приазовье. В настоящее время он заасфальтирован, но в X в. прохождению по нему мешали захватившие степь печенеги. То же, возможно, произошло и с первым путем на север — его перерезали печенеги. Оба пути на некоторое время почти перестали функционировать.

Исследования древних дорог — очевидная задача будущих археологов. Намечающиеся пути должны быть изучены разведками по всему их прохождению. Не исключено, что вдоль этих дорог будут обнаружены остатки укреплений — своеобразных караван-сараев.

Так, на одном из ответвлений северной дороги, проходившем по северной окраине каганата — вдоль правого берега речки Тихой Сосны, было обнаружено несколько небольших городищ, которые вполне могли служить такими временными дорожными стоянками. Расстояния между ними около 30 км (дневной переход). Одни из них — более крупные и хорошо укрепленные — были, как и Саркел, крепостями с сырцовыми или каменными стенами и глубокими рвами, окруженные поселением, на территории которого были поставлены. Другой тип наиболее ярко представлен небольшим укреплением, квадратным в плане, с ровиком в виде узкой канавы и низкой (не выше 1 м) сырцовой стеной со специально обожженной выпуклой поверхностью для предотвращения ее быстрого "размыва". Расположено оно на ровном немного пологом склоне первой террасы в верховьях Тихой Сосны. В такой "крепости" мог недолгое время выдержать осаду грабителей "большой дороги" укрепившийся в ней караван. Долгой осады воинов-профессионалов она, конечно, выдержать не могла, так как всадник на хорошем коне одним прыжком преодолел бы и ров, и ограду.

Следует напомнить, что подобные укрепления (торткули), часть которых тоже служила караванными стоянками, известны в Средней Азии [Винник, 1977. Рис. 3—5]. Именно такие или близкие им типологически, не очень заметные, возможно, сильно затоптанные и уже "стертые" с лица земли сооружения и следовало бы поискать вдоль предполагаемых древних дорог Хазарии. Не исключено, что многие из них принимались археологами за загоны для скота (современные или почти современные) и поэтому никогда не фиксировались в отчетах. Однако даже в тех редких случаях, когда подобные укрепления зафиксированы разведками (на Тихой Сосне), стационарно они не исследованы и поэтому говорить об их назначении можно только по очевидной связи их с древней дорогой. Вряд ли правомерно считать их "пограничными крепостями" [Афанасьев, 1993. С. 148 и сл.], поскольку, во-первых, границы степных государств в эпоху средневековья не были столь определенны, как в наши дни, и, во-вторых, в IX в. на левом берегу Тихой Сосны славяне-боршевцы еще не появлялись и нет никаких данных говорить об опасности, грозившей сильному тогда каганату со стороны только начавшего формироваться славянского племенного союза.

Дороги, опутавшие землю с глубокой древности, в Евразии, особенно в юго-восточной ее части, были в значительной степени связаны со знаменитым "великим шелковым путем" и многие из них несомненно являются ответвлениями основных его направлений. О нем существует обширнейшая литература, а сам термин "шелковый путь" появился в науке после выхода книги Карла фон Рихтгофена в 1877 г., в которой автор назвал так пути, связавшие два мира — Восток и Запад [Лубо-Лесниченко, 1994. С. 5].

В прекрасной, недавно вышедшей книге Е. И. Лубо-Лесниченко [1994] подведены итоги всех исследований, посвященных "шелковому пути". В ней дана подробная характеристика нескольких периодов развития шелкового производства и, соответственно, "шелкового пути" — от самого начала (вто-

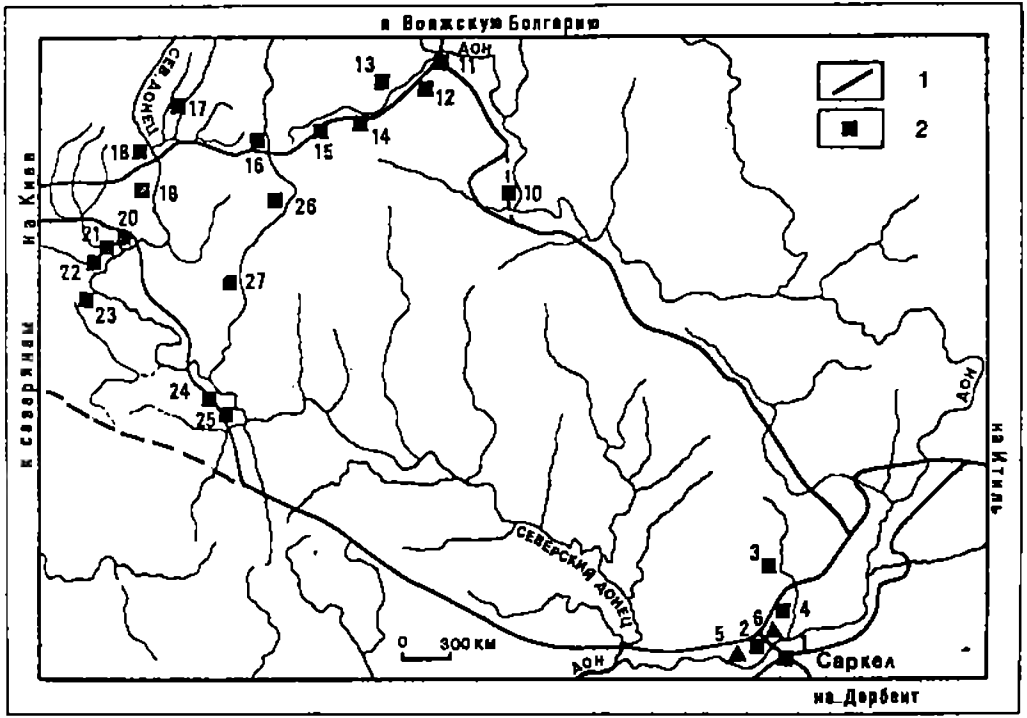


Рис. 53. Дороги, идущие от Саркела на север и северо-запад: № 10 — Курабут; № 11 — Маяцкое; № 12 — Колтуновское; № 13 — Ольшан; № 14 — Алексеевки; № 15 — Красное; № 16 — Ютановка; № 17 — Дмитриевское; № 18 — Архангельское; № 19 — Верхнее Салтово; № 20 — Каганово (Кабаново); № 21 — Мохнач; № 22 — Коробовы хутора; № 23 — Сухая Гомольша; № 24 — Теплинское; № 25 — Сидоровское; № 26 — Подлысенки; № 27 — Пристен

рая половина I тыс. до н.э.) до их упадка в конце IX в., когда шелк в Китае стал заменяться хлопком, получившим широкое распространение на всем протяжении "шелкового пути".

Если экспорт шелка стал уменьшаться, то большинство путей его бывшего продвижения на Запад сохранилось. Торговля с восточными странами продолжалась, хотя не столь активно, как в эпохи Хань, Суй и расцвета Тан. Дороги, проложенные тысячелетиями, остались. Шелк в Европу (в том числе и Восточную) ввозился из других стран: Византии, Сирии, Египта, Согда [Иерусалимская, 1992]. Сократилась только длина "шелковых путей", но в целом они продолжали функционировать, причем торговля никогда не ограничивалась шелковыми тканями; по путям шли караваны с самыми различными товарами — от горячих текинских коней до амфор с вином и кувшинов с нефтью. Не надо забывать также, что и в конце династии Тан отнюдь не прекращалось движение по путям, идущим из Китая.

Саркел был выстроен на скрещении путей, которые еще вполне можно именовать западным разветвлением "великого шелкового пути" (рис. 54). Одно из ответвлений шло из центра Китая в Среднюю Азию, через Хорезм к нижней Волге (к Итилю), а далее к Саркелу и по двум дорогам: вдоль Дона — в Приазовье и Прикубанье (в Тамань и Крым), по перевалу — в Грузию. Другой вариант этого пути того же времени шел параллельно первому, но не в Хорезм, а в Согд и затем по южному берегу Каспия — в Переднюю Азию. Вот от этого пути на север через Албанию к Дербенту ответвлялась дорога, которая вела в Хазарию и по владениям кагана шла к его крепости — Саркелу.

Таким образом, Саркел был построен на пересечении различных ветвей "шелкового пути". От Итиля и Дербента передвигались караваны, которым необходимо было, находясь в центральных землях Хазарии, сориентироваться и, имея перед собой несколько вариантов путей, выбрать наиболее выгодный и менее в данный период опасный. Саркел был перевалочным пунктом и крупнейшей в стране таможней. Для этого он и был поставлен на самом оживленном месте, и поэтому в нем были построены хорошо охраняемые караван-сараи.

Плохая сохранность слоя в Саркеле первого периода (фактически почти полное его отсутствие) и малое количество находок в нем не позволяют говорить о широко развитом экспорте товаров в тот период. Тем не менее кое-какие наблюдения все-таки удалось сделать и их следует учитывать.

Во-первых, это находки костей верблюдов в раннем слое. Единичность находок вполне объяснима: умерших верблюдов обычно оставляли в степи — их кости обрамляли все караванные пути. В Саркел же отдельные кости попадали случайно — вероятно, были притащены собаками или иными ручными животными, жившими в крепости. Как бы там ни было, но связь этих находок с караванными путями, проходившими здесь, очевидна.

Во-вторых, в раннем слое и комплексах почти нет обломков амфор. Это свидетельствует, видимо, об отсутствии экспорта амфор вместе с их содержимым (вином, специями и пр.) не только из Византии, но и из значительно более близкого Крыма. Возможно и другое, более вероятное объяснение: Саркел тогда был только перевалочным пунктом — временной вынужденной стоянкой проходивших через него караванов. Амфоры проходили через него и распространялись по всему каганату. Обломки их встречались на поселениях IX в. на всей территории Донского бассейна (рис. 55); как правило, особенно много их обнаружено на тех из них, которые были наиболее приближены к прослеженным выше торговым путям [Плетнева, 1967, С. 129—130, рис. 34]. Интересно, что распространение их совпадает на территории северных и юго-западных земель каганата с распространением византийских монет [Кропот-

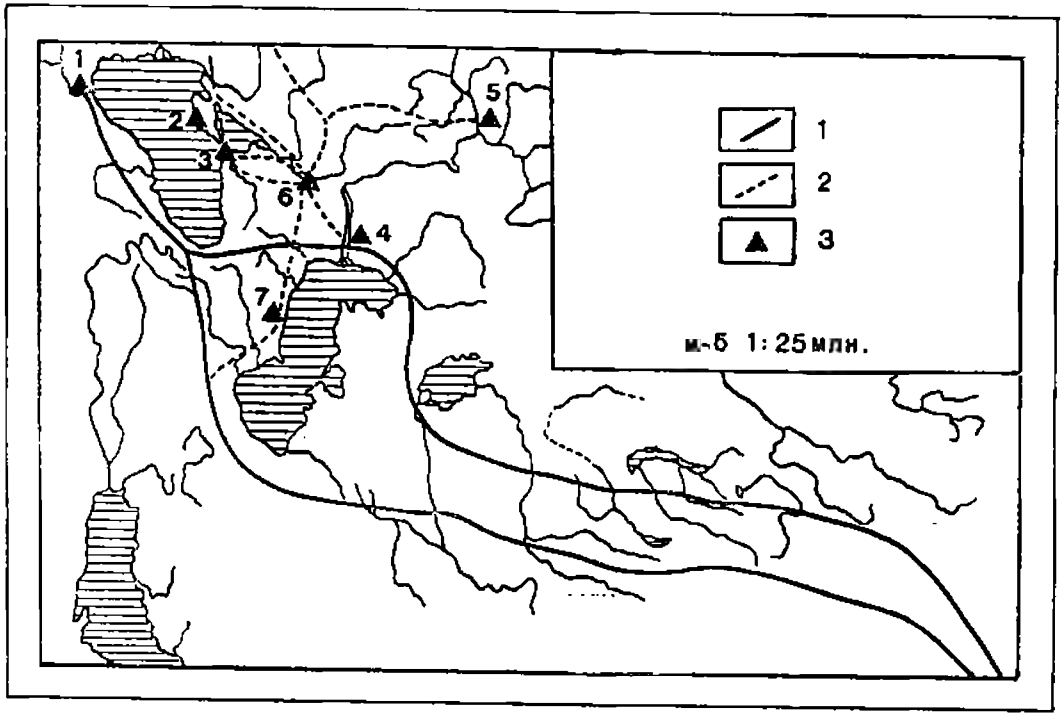


Рис. 54. "Шелковый путь" в эпоху Тан (по Е. И. Лубо-Лесниченко) и возможные позднейшие его ответвления в Хазарии: *1* — "шелковый путь"; *2* — ответвления; *3* — основные торговые центры, связанные ответвлениями "шелкового пути"

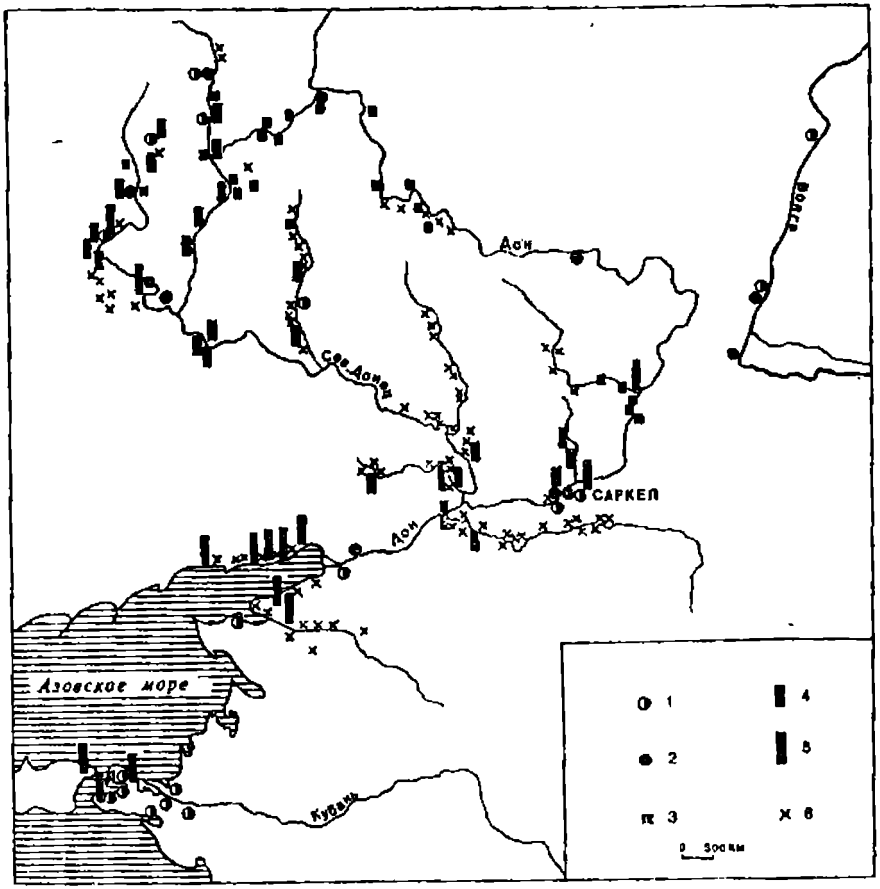


Рис. 55. Распространение находок амфор и монет на территории Хазарии: *1* — византийские монеты; *2* — диргемы; *3* — не более 10 % обломков амфор от всех керамических обломков, обнаруженных на памятнике; *4* — менее 50 % обломков амфор; *5* — более 50 % обломков амфор; *6* — единичные находки амфор. Распространение монет дано по В. В. Кропоткину

кин, 1962. Карты 5—8], находки которых также связаны с сухопутными и водными путями, проходившими через Хазарию (см. рис. 55).

В-третьих, явное преобладание, сравнительно с амфорами, обломков красноглиняных тмутараканских кувшинов. Особенно это становится заметным во второй период саркельской истории, хотя и в комплексах первого намного чаще амфорных попадаются обломки этих характерных сосудов. Они также служили тарой, как предполагалось, нередко для перевозки нефти, которой, очевидно, пользовались в Саркеле для освещения. Большое количество обломков разнотипных светильников заполняло оба слоя Саркела. Следует отметить, что в первый период кувшины только начали завозиться в Саркел. На поселениях, расположенных даже поблизости от него, кувшины отсутствовали. Так, на Правобережном Цимлянском городище среди самой разнообразной керамики IX в. было найдено не более 10 небольших обломков такой тары. Это, по-видимому, означает, что в IX в. далеко не всюду пользовались дорогим привозным топливом для светильников. Интересно, что светильники на Правобережном городище и других поселениях почти не встречались. Кроме того, возить кувшины на очень далекие расстояния по "тряским" сухопут-

ным дорогам было трудно: сделанные из песчаинстого рыхловатого теста и тонкостенные, они, несмотря на прекрасный обжиг, были довольно хрупкими и ломкими.

Высказанные гипотезы об экспорте в Саркеле и через Саркел в IX в. основаны на крайне небольшом количестве конкретных материалов на памятниках. Что же касается прямой связи Саркела с "шелковым путем", то их, по существу, нет. Исключением может быть находка костяной шахматной фигуры слона согдийского производства. Хотя она датирована VII в., т.е. старше Саркела примерно на 150—200 лет, дорогие, художественно исполненные фигурки шахмат жили долго. Саркельский слон сильно истерт, что свидетельствует о длительном его использовании. Найден он был на территории первого караван-сарая. Вполне вероятно, что набором шахмат, в который он входил, играли останавливавшиеся здесь караванщики, случайно утерявшие одну из ведущих фигур. Из Средней Азии попал в Саркел кусочек бумаги самаркандского происхождения. Таким образом, у нас есть некоторые основания говорить о связях Саркела со Средней Азией, а значит, с южным ответвлением "шелкового пути".

Саркельские караван-сараи отличаются, сравнительно с более поздними сооружениями этого рода, нестандартностью, хотя в них входят все три обязательные для развитых караван-сараев составные части: гостиничные комнаты, оборудованные "конюшни" и большие замкнутые со всех сторон дворы. Нестандартность взаиморасположения этих составных частей в какой-то мере может служить подтверждением раннего происхождения данных сооружений с неустоявшейся еще планировкой. В одном из саркельских караван-сараев возникли даже ремесленные мастерские, что было характерно для караван-сараев последующих веков. Это служит дополнительным подтверждением того, что воплощение идеи караван-сараев с их предельной функциональной нагрузкой уже в IX в. было освоено полностью.

Тем не менее все это как будто основательно налаженное хозяйство просуществовало сравнительно недолго — не более 60—65 лет. Затем, как мы видели, в крепости началась новая жизнь. Первый караван-сарай был разрушен полностью. От него не осталось ни одной целой постройки, а частично сохранившиеся стены служили основой для новых небольших жилых домов. Были разобраны и засыпаны ремесленные мастерские, правда, на их месте поставлена новая усадьба с новой кузницей. Прежнее, видимо, большесемейное гнездо заменено комплексом построек малой семьи, главой которой был хозяин кузницы.

Возможно, что второй караван-сарай существовал несколько дольше. В нем не было "встроенных" домиков, и нет данных, что ямы саркельского периода врезались в известковый пол и стены жилых комнат. Однако новая застройка коснулась и этого караван-сарая. Его двор был перепланирован. К сожалению, судить об этом мы можем только по сравнительно небольшому исследованному участку в западном углу. Вместо прежнего гнезда из трех жилищ там поставили ряд домов, пристроенных к юго-западной крепостной стене. Вероятно, и кирпичные строения второго караван-сарая были если и не разрушены тотально, как в первом, то, видимо, "перепрофилированы". Комнаты для гостей стали просто жилыми помещениями, а конюшня, судя по сильной изрезанности ее стен ранними перекопами, была разрушена.

Крепость с караван-сараями превратилась в обычное, но хорошо укрепленное поселение с гарнизоном, обосновавшимся в цитадели.

В первый период войны гарнизона размещались в построенных для них кирпичных зданиях: донжоне и казарме с арсенальными погребами и конюшней на первом этаже. Караульни у ворот и проходов служили по их прямому назначению — для дежурных караулов и таможенников.

На северо-восточном отсеке цитадели было построено какое-то большое общественное сооружение с "фундаментально" выложенной кирпичом вымосткой (платформой) и двумя поставленными на нее зданиями. Разрушенность их настолько сильная, что уверенно судить о назначении сооружения в целом не представляется возможным. Ясно только, что это не остатки церкви или мечети. Храмы этих двух религий строились в соответствии с принятыми в христианском и мусульманском мирах канонами. Не связывается постройка и с языческим храмом того времени, планировка которого хорошо известна благодаря открытым святилищам IX в. на территории Хазарии (Маяцкое и Хумаринское городища) и Дунайской Болгарии (Плиска, Мадара) [Винников, Афанасьев, 1991, Рис. 47, 49; Биджиев, 1983. Рис. 31; Ваклинов, 1977. С. 99. 107, 11 и сл]. Методом исключения можно предположить, что здесь располагалась синагога для хазарских воинов, которые в качестве наиболее близких этнически к кагану людей, вероятно, в IX в. были иудеями. Строители Саркела и потом его немногочисленные и постоянные жители (проболгары, аланы) не придерживались этой сложной для них, очень догматичной религии, используя свиней в пищу и соблюдая свои языческие обряды, захоранивая мертвых в круглых ямах и заброшенных жилищах, погребая лошадей и собак вместе с людьми или даже в отдельных ямах, разрушая скелеты, совершая очистительные и закладные жертвоприношения.

Во второй период началась перепланировка и в цитадели. Было разобрано здание, служившее казармой и конюшней. Помещение конюшни стало активно застраиваться. Появились домики вокруг донжона, который превратился в большой жилой и богатый дом, окруженный жилищами челяди и воинов. И те и другие частично начали набираться из кочевых орд гузов и печенегов [Артамонов, 1962. С. 316]. Свидетельствует об этом факт появления в хазарском слое цитадели лепной посуды, украшенной "пышным" орнаментом, изготовлявшейся женщинами-кочевницами. А это значит, что пришлые воины селились в крепости с семьями. Ежегодно сменяемый гарнизон, о котором писал Константин Багрянородный, постепенно заменялся постоянным. Поскольку остатков жилищ хазарского времени в цитадели немного, можно предполагать, что многие там жили в наземных разборных юртах. Вероятно, именно в таких юртах начали ставить первые в Саркеле четырех-пятикирпичные очажки. Позже — в Белой Веже они распространились в городе повсеместно.

В тот же период были полностью разрушены и заброшены вымостка и два здания на ней, представлявшие собой какое-то общественное сооружение (синагогу?). Оно стало не нужным. Если это действительно была синагога, то разрушение можно объяснить тем, что хазарских воинов-иудеев в Саркеле почти не осталось. Жители были язычниками — как те, что жили вне цитадели, так и ее охранники.

На вымостке-платформе были весьма небрежно сооружены какие-то легкие постройки, исследовать и понять их назначение и конструктивные особенности не удалось из-за крайне плохой сохранности их остатков. Когда начали разрушать (разбирать) кирпичные здания на платформе, сказать трудно, так как конкретных полевых наблюдений нет. Сама же платформа, сухая и хорошо (ровно) замощенная, могла какое-то время служить местом "торжища" для приезжавших в Саркел купцов.

Таковы изменения, происшедшие в планировке и быту крепости. Естественно, что разрушение караван-сараев означало изменение статуса Саркела. Из укрепления, построенного специально для охраны и устройства проезжавших караванов и, что еще более существенно, для получения с них торговых пошлин, Саркел превратился в хорошо укрепленное пограничное поселение. Однако это поселение по-прежнему играло большую роль в торговле кагана-

та, как внутренней, так и внешней, а потому оставалось охраняемым большим гарнизоном (300 воинов), воины которого были не только защитниками крепости, но и таможенной службой кагана.

К началу X в. "шелковый путь" практически прекратил существование. Сухопутные дороги дальнего следования пустели и зарастали травой. Хазарский каганат все более и более отрывался от торговли с восточными государствами. Зато окрепли западные связи, в первую очередь с западными владениями каганата — Таматархой с округой и Крымом. Эти владения Константин Багрянородный называл землями, с которых идет все богатство и благополучие Хазарии [Константин Багрянородный, 1989. С. 53]. О том, что так действительно и было, свидетельствует, в частности, громадное количество обломков разнообразной привозной керамической тары в слое и комплексах: кувшинов, амфор и даже иногда — пифосов. Преобладали, очевидно, кувшины, поступавшие в основном из Таматархи. Амфор было намного меньше, привозили их также из Таматархи, из Крыма и изредка — из Византии. Обломки характерных красных таманско-крымских пифосов единичны, но их находки очень симптоматичны. Дело в том, что эта посуда в качестве перевозимой тары неудобна, так как пифосы — большие, толстостенные и тяжелые (и без содержимого были малоподъемны). Из-за величины и тяжести они были значительно более ломкими сравнительно не только с амфорами, но и с хрупкими кувшинами. Возить их по сухопутным дорогам было невозможно ни на верблюдах, ни на арбах.

Факт их попадания в Саркел следует, видимо, объяснить тем, что они устанавливались на каком-то более устойчивом транспортном средстве. Таковым мог быть водный транспорт: ладьи, груженные разнообразной керамической тарой с не менее разнообразным содержанием, а также другими товарами византийского, крымского и переднеазиатского происхождения.

Резкое увеличение керамической тары, вероятно, можно связывать с развитием в X в. торговых водных путей. Одним из них был Волго-Донской, параллельный прослеженным выше сухопутным путям вдоль берегов Дона. Водный шел из Азовского моря — вверх по Дону до поворота его на север, от поворота волоком до Волги, по ней — до Итиля и далее — на Каспий и по нему — на юг: в Среднюю Азию, Албанию, Иран.

То, что контакты каганата с этими странами были весьма тесными, говорит очевидное воздействие среднеазиатского и иранского искусства на сложение в первой половине X в. хазарского художественного стиля, который распространился по всей восточноевропейской степи и получил не вполне оправданное название угорского или венгерского. Однако следует, очевидно, учитывать, что венгры в то время только начали формироваться как этническая и политическая общность, входя в Хазарский каганат в качестве вассалов. К тому же они терпели постоянные притеснения, кончившиеся их разгромом, от печенегов, вытеснивших их из донских, днепровских и днестровских степей. Художественные школы и стили не создаются в таких условиях. Мастера-ювелиры и литейщики работали обычно при дворах великих князей или ханов (каганов). В их мастерских и рождался новый (всегда синкретичный) стиль. Эти соображения, подтверждаемые единством стиля общепризнанных хазарских произведений прикладного искусства с так называемыми "венгерскими" вещами, позволяют высказать гипотезу о существовании в Итиле придворных мастерских, в которых создавались великолепные произведения прикладного искусства.

Как любой сюзерен, каган щедро одаривал ими своих беспокойных венгерских вассалов: Лебедия, потом Арпада, их родичей и наиболее приближенных воинов. Венгры унесли часть этих богатых подарков и моду носить их на Дунай, но не увели с собой (или за собой) ремесленников, способных создавать

их. Производство произведений искусства в Дунайской Венгрии не было налажено, и вещи исчезли из употребления уже к концу X в. Продолжения и развития ни в технике, ни в орнаментации этого златокузнечного искусства в позднейшее время нет. Это и понятно — венгры в первые десятилетия обретения родины были более заняты утверждением своей власти над народами, земли которых захватили, а также войнами и налаживанием дипломатических отношений с Византией и западноевропейскими государствами. Все эти народы и страны оказали на сложение культуры Венгрии значительно большее влияние, чем сокровища, привезенные ими из Хазарии, тем более что и в Хазарии эти мастерские в конце X в. были почти полностью уничтожены, а ремесленники, оторванные от центра производства, старались предельно упростить свои изделия. Любое искусство требует помимо таланта, выучки и времени еще и соответствующих условий существования, т.е. средств, без которых оно просто умирает.

Следует сказать, что в итильских мастерских периода расцвета изготовляли не только драгоценные сосуды, богатейшие накладки на конскую сбрую и на снаряжение воина, но и прекрасные, характерные именно для X в. поясные воинские наборы. Производство последних было поставлено "на поток": эти пояса стали модой в степях, они проникли и в Волжскую Болгарию, и к венграм в Ателькузу, и к башкирам, и в Крым, и на Русь. Все богатые воины юго-восточной Европы были опоясаны такими поясами, подчеркивая тем самым единство стиля, распространившегося в то время.

В печати вопросы происхождения и распространения "хазарского стиля" были подняты более 10 лет назад в статье, посвященной поясному набору из саркельского клада [Макарова, Плетнева, 1983]. Набор явно был сделан первоклассным столичным торевтом с соблюдением степных вкусов и традиций, усовершенствованных новыми элементами, что в совокупности и создавало "хазарский стиль". И пояс, и весь клад в целом с его поздними диргемами являются свидетельством связей Саркела середины X в. со столицей (Итилем), а также с громадным арабским миром. Безусловно, связь эта осуществлялась и по сухопутным, давно наезженным дорогам, но основная масса товаров шла через этот поселок-крепость по водному пути, который в Хазарии стал главной магистралью.

***

Подведем некоторые итоги. Анализ дошедших до нас археологических материалов позволяет с уверенностью говорить о том, что Саркел не был ни городом, ни даже небольшим торговым городком. Тем не менее именно благодаря торговле он появился и прожил затем более 120 лет, став весьма важным торговым и таможенно-перевалочным пунктом. В качестве такового он был задуман и построен в виде небольшой, хорошо укрепленной крепости с караван-сараями внутри. Весь IX в., когда "живы" были проложенные в эпоху расцвета "великого шелкового пути" сухопутные караванные дороги, в нем скрещивались основные пути, которые были западными продолжениями азиатских.

К X в. шелковые ткани перестали поступать из Китая. Протяженность "шелковых путей" сильно сократилась, так как основными поставщиками шелка в Европу стала Византия (и через нее — Сирия и Египет) и много реже — Согд. Согдийская связь поддерживалась по южной ветви бывшего "шелкового пути" — через Иран и Кавказские перевалы. По ним же осуществлялась и связь с Халифатами. Все это были внешние торговые отношения, прослеженные благодаря изучению редчайших находок обрывков тканей в захоронениях аланских катакомб и склепов [Иерусалимская, 1967, 1972, 1978, 1992]. В Саркеле практически, за редкими исключениями, нет находок, под-

утверждающих внешние связи. Зато керамическая тара свидетельствует о бурном развитии внутригосударственной торговли — тарная посуда из Таматархи и Крыма позволяет уверенно говорить об этом. Для внутренней, активно развивающейся торговли было, видимо, выгоднее освоить более дешевый водный путь по Дону (Танаису), который был уже хорошо известен. Им воспользовался Петрона, строивший Саркел, а немного позже по нему начали подниматься к волго-донскому волоку разбойные русские ладьи.

В новой ситуации Саркел продолжал играть большую роль как одна из безопасных стоянок, как торжище, как таможня. Продолжали функционировать и сухопутные дороги, которые в связи с усложняющейся с каждым годом обстановкой становились все опаснее, и защищенная стоянка им была необходима.

Наряду с торговлей в крепости еще в первый период начали развиваться ремесла. О двух из них — кузнечном и гончарном — можно говорить уверенно. Сохранились кое-какие данные, свидетельствующие о бронзолитейном деле, были известны и другие производства, в частности, косторезное (рогорезное), возможно, находившееся еще на домашнем уровне. Развитие ремесел, наряду со все более оживлявшейся внутренней торговлей, является важным признаком переразвития укрепленного поселения в небольшой торгово-ремесленный городок.

Однако процесс формирования его в Саркеле на некоторое время был резко оборван разгромом Саркела князем Святославом в 965 г. Об этом событии упоминается в русской летописи: "Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися и бывши брани, одоле Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежю взя..." [ПВЛ, 1950. С. 47]. Это сообщение многократно толковалось русскими и зарубежными учеными, вызывая сомнения и дискуссии. Одна группа исследователей полагает возможным читать сообщение о взятии *двух хазарских городов*: "градъ ихъ", бывший их основным — столичным городом, "и Белу Вежю (Саркел. — *С.П*), указанную отдельно в качестве второго населенного пункта, взятого русским князем. Другая часть ученых уверена, что союз "и" попал в запись случайно и читать ее надо: "градъ ихъ Белу Вежю взя". Это как будто подтверждается тем, что в ряде важнейших летописных списков (Ипатьевском, Лаврентьевском, Новгородском и др.) союз "и" отсутствует. Однако следует учитывать, что при переписках могли пропадать (и пропадали) не только отдельные буквы, но и слова. Поэтому представляется более вероятным и верным толкование текста первой группы ученых. К тому же кажется очевидным, что сам каган, особа священная в государстве, мог и должен был возглавить свое войско только для защиты своей ставки (города Итиля) со своими дворцами и богатствами, а не небольшого, хотя и экономически важного поселка, еще даже не ставшего городом. Тем не менее Саркел был тоже достаточно соблазнительной добычей для завоевателей. Он был взят, разорен и сожжен, крепостные сооружения его сильно разрушены.

Важно отметить, что в отличие, например, от Правобережного поселения, где растащенные зверьем трупы людей так и остались в сожженных жилищах, в Саркеле, в слое гибели, не обнаружено скелетов убитых во время взятия крепости людей. По-видимому, трупы были погребены оставшимися в живых родичами, вернувшимися на пепелища сразу после конца погрома. Так вокруг Белой Вежи стали формироваться первые многомогильные кладбища [Артамонова, 1963].

Довольно быстро Саркел, который стал именоваться по русски — Белой Вежей, был восстановлен в статусе торгово-ремесленного поселка, а немного позже он вырос в городок с характерной для него синкретичной (древнерус-

ско-степной) культурой. Так он просуществовал, оторванный сотнями километров от метрополии, еще 150 лет.

В этот долгий период в пределах полуразвалившихся крепостных стен вырос двухметровый культурный слой. Он дает археологам огромный информационный материал, который позволяет уточнить многие уже сделанные наблюдения и получить новые сведения о жизни этого оставшегося по-прежнему оживленным и при этом активно застраивавшимся и перестраивавшимся городка торговцев, ремесленников, земледельцев, кочевников, воинов. Этнический состав этого люда стал разнообразнее: болгары, хазары, славяне, евреи, аланы, гузы, печенеги — далеко не полный список всех, кто жил здесь, приезжал с товарами, охранял или, наоборот, грабил этот крепко стоявший в степи древнерусский городок.

Сложной и бурной истории этого городка должно быть посвящено другое исследование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1935. Вып. 131.

Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // Советская археология (далее — СА). 1940.

Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). 1958. № 62.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонова О. А. Могильник Саркела—Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.

Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.

Афанасьев Г. Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. М., 1984.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993.

Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. Металлургический комплекс у с. Ездочное // Маяцкое городище. М., 1984.

Баранов И. А. Таврика в эпоху средневековья. Киев, 1990.

Беляев Г. И. О древних и нынешних русских мерах протяжения и веса // Seminarium Kondacovianum. Прага, 1927. Т. 1.

Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.

Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

Бирюков Ю. П. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской экспедиции // МИА. 1959. № 75.

Буряков Ю. В. К датировке и атрибуции некоторых шахматных фигурок // СА. 1980. № 3.

Винник Д. Ф. Торткули в местности Ничке // Кетьмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (результаты раскопок 1975, 1977, 1987 гг.) // Маяцкое городище. М., 1984.

Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.

Воронина В. Л. К вопросу о древней метрологии Средней Азии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее — КСИИМК). 1951. Вып. XXXIX.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Гургян и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.

Иерусалимская А. А. О северокавказском "шелковом пути" в раннем средневековье // СА. 1967. № 2.

Иерусалимская А. А. "Великий шелковый путь" и Северный Кавказ. Л., 1972.

Иерусалимская А. А. Аланский мир на "шелковом пути" (Мощевая балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Иерусалимская А. А. Кавказ на "шелковом пути" // Каталог временной выставки. СПб., 1992.

Книга Большому Чертежу (КБЧ). М.; Л., 1950.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Константин Багрянородный. Об управлении империй. М., 1989.

Красильников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3.

Красильников К. И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // Краткие сообщения Института археологии. 1980. № 160.

Красильников К. И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986 № 2.

Красильников К. И. Металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры на реке Миус // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992.

Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // Свод археологических источников. Е4-4. М., 1962.

Кудрявцев К. П. Половецкая степь. М., 1948.

Левенок В. П. Праслица городища Саркел—Белая Вежа // МИА. 1959. № 75.
Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М., 1971.
Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. М., 1994.
Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. 1940. Вып. IV.
Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Дона // МИА. 1958в. № 62.
Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // МИА. 1958б. № 62.
Ляпушкин И. И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА. 1958в. № 62.
Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. 1958г. № 62.
Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
Макарова Т. И., Плетнева С. А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2.
Макарова Т. И., Плетнева С. А. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.
Манылов Ю. П. Итоги изучения караван-сараев Центрального Уст-юрта XIV в. (в пределах Каракалпакской АССР) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
Нахапетян В. Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // Российская археология. 1994. № 4.
Немцова Н. Б. К вопросу о периодизации, датировке и функции Ходжа Машад в Сайте // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.
Плетнева С. А. Керамика Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
Плетнева С. А. О построении кочевнического лагеря — вежи // СА. 1964. № 3.
Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990а. № 2.
Плетнева С. А. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела—Белой Вежи). М., 1990б.
Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Плиски (работы советского отряда. 1977—1980 гг. // Плиска-Преслав. Шумен, 1991. Т. 5.
Плетнева С. А. История одного хазарского поселения // СА. 1993. № 2.
Плетнева С. А. История одного хазарского поселения (Правобережное Цимлянское городище). Раскопки 1958—1959 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996а. Вып. V.
Плетнева С. А. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела // РА. 1996 б. № 2.
Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Материалы советско болгаро-венгерской экспедиции. М., 1990.
Повесть временных лет (ПВЛ). М.; Л., 1950. Ч. 1.
Попов Х. И. Где находилась хазарская крепость Саркел // Тр. IX Археологического съезда. 1895. Т. 1.
Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. 1959. № 75.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей М.; Л. 1952. Т. 1, кн. 2.
Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI—XV вв. // СЭ. 1949. № 1.
Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1.
Рыбаков Б. А. Мерило новгородского зодчего XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1975.
Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978.
Сорокин С. С. Железные изделия Саркела—Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
Толстов С. П. Города гузов: (Историко-этнографические этюды) // СЭ. 1947. № 3.
Трифонов Ю. И. Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987.
Фрумкина М. А. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений // РА. 1992. № 3.
Шранко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979.
Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975.

Comșa Maria. Cultura materială veche românească (Așezările din secolele VIII—X de la Bucov-Ploiești). București, 1978.

Golden P. B. Khazar Studies. Budapest, 1980. Vol. I.

Димитров Д. И. Прабългарите по Северното и Западнато Черноморие. Варна, 1987.

Dunlop D. M. The history of the Jewish Khazars. New Jersey, 1954.

Каспарова К. В. Хазаро-славянската крепост Саркел—Белая Вежа // Съкровище на хан Кубрат. Култура на българи, хазари, славяни: Каталог. София, 1989.

Миятев Кръстю. Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана. София, 1948.

Овчаров Дм. Византийски и български крепости V—X век. София, 1982.

Ваклинов Ст. Формиране на старо-българската култура VI—XI век. София, 1977.

Вожерова Ж. Славянската керамика от с. Попина, Силистренско // Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ КРЕПОСТИ САРКЕЛ*

Всего исследовано: 3 образца известкового раствора из кладок;
2 образца заливки полов;
1 образец штукатурки;
2 обломка кирпичей.

Необходимо было определить составные части: количество песка, извести, глины, характер песка для известковых растворов разного назначения, а также определить химический состав материала, температуру обжига, водопоглощение и механическую прочность кирпичей обоих образцов.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗВЕСТКОВЫХ РАСТВОРОВ

Бралась навеска в 10—20 г, обрабатывалась 5 %-ной соляной кислотой для растворения извести. Поскольку известь за долгий период времени карбонизировалась ($CaO + CO_2$ из воздуха — $CaCO_3$), то определялся известняк. В дальнейшем известняк ($CaCO_3$) пересчитывался на CaO и потерю при прокаливании от CO_2. Вероятный первоначальный состав раствора, в который известь входила в виде гашеной извести, давался также по расчету.

Полученный остаток от обработки 5 %-ной соляной кислотой, представлявший собой смесь глины и песка, разделялся отмыванием глины на сите 10 000 $см^2$. Глиняные частицы меньше 0,06 мм проходили через сито, а на сите оставался песок.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Образец № 1 — известковый раствор из кладки донжона.

Фактический состав, %		Состав по расчету, %	
Известняк ($CaCO_3$)	61,90	Известь (CaO)	34,60
Песок	25,71	Потери от прокаливания	27,40
Глина	12,39	Песок	25,71
		Глина	12,39
Итого	100	Итого	100

Вероятный первоначальный состав, %

Гашеная известь ($Ca(OH)_2$)	54,54
Песок	30,67
Глина	12,39
Итого	100

Песок — мелкий, чистый, почти белый, речной с небольшим количеством крупных зерен кварца (до 1 мм) и с примесью кусочков обожженной глины.

Глина — серая, легкая.

---

* Анализы образцов произведены в лаборатории керамики Ленинградского технологического института под руководством д-ра техн. наук А.П. Августинника и переданы руководству Волго-Донской экспедиции 18 февраля 1954 г.

Образец № 2 — раствор из кладки юго-западной стены.

Фактический состав, %		Состав по расчету, %	
Известняк ($CaCO_3$)	79,40	Известь (CaO)	44,05
Песок	8,20	Потери при прокаливании	35,35
Глина	12,40	Песок	8,20
		Глина	12,40
Итого	100	Итого	100

Вероятный первоначальный состав, %

Гашеная известь ($Ca(HO)_2$)	74,04
Песок	10,42
Глина	15,48
Итого	100

Песок — мелкий, чистый, белый.
Глина — серая, легкая.

Образец № 3 — раствор из кладки западной угловой башни.

Фактический состав, %		Состав по расчету, %	
Известняк ($CaCO_3$)	91,46	Известь (CaO)	51,20
Песок	3,20	Потери при прокаливании	40,30
Глина	5,34	Песок	3,20
		Глина	5,30
Итого	100	Итого	100

Вероятный первоначальный состав, %

Гашеная известь ($Ca(OH)_2$)	88,78
Песок	4,19
Глина	7,03
Итого	100

Песок — речной, мелкий, почти белый с розовым оттенком, с включениями кусочков (до 3 мм) обожженной глины.
Глина — светло-серая, легкая.

Образец № 4 — известковая заливка пола донжона.

Фактический состав, %		Состав по расчету, %	
Известняк ($CaCO_3$)	83,80	Известь (CaO)	46,92
Песок	13,80	Потери при прокаливании	36,88
Глина	2,40	Песок	13,80
		Глина	2,40
Итого	100	Итого	100

Вероятный первоначальный состав, %

Гашеная известь ($Ca(OH)_2$)	79,20
Песок	17,72
Глина	3,08
Итого	100

Песок — мелкий, речной, с включениями железных зерен и небольшого количества кусочков обожженной глины.

Глина — серая, легкая.

Образец № 5 — известковая заливка пола караван-сарая 1.

Фактический состав, %		Состав по расчету, %	
Известняк ($CaCO_3$)	69,95	Известь (CaO)	39,20
Песок	26,95	Потери при прокаливании	30,75
Глина	3,10	Песок	26,95
		Глина	3,10
Итого	100	Итого	100

Вероятный первоначальный состав, %

Гашеная известь ($Ca(OH)_2$)	62,43
Песок	33,45
Глина	4,10
Итого	100

Песок — мелкий, белый с розовым оттенком, с включениями кусочков обожженной глины (до 5 мм) и небольших темных зерен.

Глина — серая.

Образец № 6 — штукатурка стены привратного помещения.

Фактический состав, %		Состав по расчету, %	
Известняк ($CaCO_3$)	84,20	Известь (CaO)	48,18
Песок	13,35	Потери при прокаливании	35,02
Глина	3,08	Песок	13,35
		Глина	2,45
Итого	100	Итого	100

Вероятный первоначальный состав, %

Гашеная известь ($Ca(OH)_2$)	79,72
Песок	17,18
Глина	3,08
Итого	100

Песок — мелкий, речной, белый с розоватым оттенком, с включениями кусочков обожженной глины.

Глина — серая, легкая.

Образец № 7 — обломок кирпича из здания первого строительного периода.

Испытание кирпича производилось на механическую прочность, были определены температура обжига и его водопоглощаемость. Произведен химический анализ материала.

Результаты исследования:

1. Водопоглощение — 12,17.

2. Механическая прочность определялась по ГОСТу — распиловка кирпича на две части и связывание их раствором цемента, а также давление на прессе. Прочность — 43 кг/см^2.

3. Химический состав :

SiO_2	$Al_2O_3 + TiO_2$	Fe_2O_3	CaO	MgO	ппп	Сумма
69,21	9,97	4,50	5,82	1,87	4,81	96,18

Полученные результаты анализа материала кирпича соответствуют данным анализа обычной кирпичной глины.

4. Для получения температуры обжига кирпича кусочки его прокаливались до температуры 750—800 °С. После обжига на температуру 800 °С цвет из светло-желтого стал кирпичным, что указывает на невысокую температуру первичного обжига кирпича. Малая механическая прочность объясняется именно этим обстоятельством. Очевидно, температура обжига не превышала 800 °С.

Образец № 8 — обломок кирпича из здания второго строительного периода.

Результаты исследования:

1. Механическую прочность определить не удалось из-за малого размера обломка

2. Водопоглощение кирпича — 24,2 %.

3. Температура обжига — примерно 850 °С.

4. Химический анализ:

SiO_2	$Al_2O_3 + TiO_2$	Fe_2O_3	CaO	MgO	ппп	Сумма
69,51	11,12	5,10	6,64	2,01	1,85	96,23

Анализ сходен с результатами анализа кирпича первого периода. Большое водопоглощение объясняется его пористостью. Поры получены из-за выгоревших органических добавок, введенных в глину до обжига. Добавкой была, вероятно, дробленая древесная кора.

SUMMARY

Few of the East European cities and fortresses are described in medieval historical and geographical texts. However, the fortress of Sarkel is repeatedly mentioned by the authors. This confirms the important role of the fortress in the life of a vast region including the territories of Khazarian State as well as its environs.

The Byzantine Emperor Constantine Porphyrogenitus (913—959) in his famous book "De administrando imperio" devoted several chapters to the fortress of Sarkel. He provided a detailed description of its construction in the 830's underlining its significance for Khazaria.

This information in abridged form was repeated later in 11th and 12th centuries by Byzantine Chronicles. Sarkel was mentioned among other Khazarian "cities" in the tzar Josef's letter dating back to the mid 10th century. Its capture by the prince Sviatoslav Igorevich (956) was recorded in Russian Chronicles of 11th century.

M. I. Artamonov conducted research of medieval sites on the Lower Don and excavated the Left-bank Tsimliansky settlement. Having compared written sources with archaeological material, the author convincingly proves that this settlement contains the remains of ancient Sarkel known to the Russian Chronicles under the name of Belaya Vezha.

Over one third of the settlement area was excavated by 1950ies. Unfortunatly, the work was interrupted because Don-meadow as well as the site were flooded by Tsimliansky reservoir in 1952.

The explored material is absolutely unique — it enables us to study the single remaining fortress (Sarkel), authentically belonging to Khazars, as well as occupational deposits of the city of Belaya Vezha — a city with polyethnic population and syncretic culture.

The result of this work was published in three volumes of "The Papers of Volga-Don Expedition" (MIA: 62, 75, 109). However, a number of questions concerning the history of the fortress and the city, the development of its economy and culture, as well as the questions concerning the city stratigraphy have remained without an answer or even were not formulated.

The book is devoted exclusively to the material of the fortress of Sarkel which constitutes the bottom layer of the settlement and consists of remains of brick walls and buildings, household constructions, industrial and religious complexes.

The ancient layers connected with construction period of the fortress were found outside the south-western wall, between the west tower and the second from it — the mid-tower. The site is characterized by a large number of different structures, varied in their function and concentrated on comparatively small area.

In addition to the foundation pits of the dwellings digged into the ground (dug-outs) there was found an evidence of iron and ceramic manufacture. Also there were pits with remains of sacrifices (fish and animal bones) and round graves - - for human and dog burials. It gives us the idea of two important kinds of activity during construction period, as well as about the sophistication of spiritual life of inhabitants.

There were also revealed the remains of numerous square towers, the large (Main) and small (River) gates and brick buildings inside the fortress and traces of fortress walls. The south-eastern part of the fortress was separated from the rest of the territory by a thick cross-wall and served as a citadel. There were also a donjon with a brick platform in front of the entrance, premises for warriors and their horses and "a public building" (a brick platform and two houses contiguous to it).

The remains of fortress fortifications are described in detail by P. A. Rappoport (MIA: 75). The brick part of the walls did not survive in situ. The excavations have revealed only the traces of the bottom brick layer on thoroughly polished virgin surface. A distinctive way of building without base reveals its anti-seismic purpose. The traces allowed to make the exact plan of the walls and enabled us to determine that the builders used bricks of two different sizes (24 x 24 x 5 cm and 27 x 27 x 7 cm) and, accordingly, mortar of two different structures.

According to P. A. Rappoport, there were two building periods characterized by a brick size: there were buildings constructed only with small bricks, and buildings constructed with the large ones.

The difference in brick size allowed us to assume that constructing different buildings (or even different parts of a building) the architects of Sarkel used two different length measures, which was typical for medieval architectural schools.

The study of plans of brick constructions at the north-western part of the fortress gives us the reasons to conclude that those were the remains of two caravanserais. Each of them consisted of three parts: rooms for visitors, a long premise for cattle and a large closed court-yard with a narrow passage to it. These elements were typical for all caravanserais in Middle Asia and Near-East up to the early 20th

century. It is necessary to point out that Sarkel caravanserais belong to the earliest (first half of the 9th century) ones. Obviously, therefore, their lay-out was not fixed, though all three necessary parts of the structure were quite developed.

At the corner of one of caravanserais there were found residential and industrial dug-outs. The lay-out of this group of constructions is typical for steppe settlements: one premise is in the centre, the others are around it. All of them have the same feature, a typical one of that time — an open hearth in the centre of a room. The group comprised two residential houses, a forge and two potter's workshops. Such lay-out is one of the typical features for caravanserais — to put the workshops inside the court yard.

In the 9th century, for nearly 65 years Sarkel served a resting-place on the caravan-way, the major transhipment and custom point for Khazars. In the 10th century the functions of the fortress changed considerably. Caravanserais were destroyed, together with internal constructions and some houses inside the citadel. The fortress was filled with residential houses, among which it is possible to notice a well equipped forge, which served more than 60 years — up to the capture of Sarkel by the prince Sviatoslav.

During this period inhabitants of Sarkel were building not only dug-outs, but also houses with stoves located in the corner of a house. A house was often attached to fortress-walls though some of them were already half-disassembled or destroyed. So new houses built along the walls formed a new lay-out of the city (as opposed to the old groups). However, it is impossible to observe a regular lay-out as a characteristic of the new developing city.

Connections between Sarkel and Tamatarkha, Crimea (Kherson), Byzantine Empire and Khaliphates were not interrupted. It is confirmd by numerous pottery items, black glass Byzantine bracelets and coins dating back to the first half of the 10th century (silver dirgams and Byzantine copper coins). Probably, during the second period Sarkel also remained one of the main trading-centers of Khazaria functioning as a custom-point and caravan resting-place. However, the ways crossing it during the first period changed their direction to water-ways — through Don to Volga, and further on to the Caspian sea, which was named Khazarian sea in the sources of that time.

In conclusion we would like to emphasize that the overland ways of Khazaria were the branches of "The Great Silk Way" joining China with the rest of the world. In Middle Asia it branched into two ways. The way passed along the northern and southern coasts of the Caspian sea and then further to the West, to Byzantium and the cities of Western Europe. The northern part passed through Itil' and then splitted into small local roads on the territory of Khazarian State. The southern direction also had an exit to the North — to Caucasian Albania and then further to Khazaria through Derbent. This waterway was an addition to traditional overland ways, basically repeating one of the main directions which crossed Khazaria from East to West.

Soon after Sarkel had been captured and ruined by Sviatoslav it was quickly restored and remained a busy trading-city in the steppe known as Belaya Vezha. The Eastern connections of Belaya Vezha were probably interrupted. However, its connections with Crimea and Byzantium grew stronger. But this is a subject of another book — on Belaya Vezha.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА 4

Глава I. КРЕПОСТЬ САРКЕЛ 14

Глава II. КАРАВАН-САРАЙ 35

Глава III. У ПОДНОЖИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СТЕНЫ 57

Глава IV. САРКЕЛ в X веке 93

Глава V. САРКЕЛ И "ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ" 142

Список использованной литературы 159

Приложение 162

Summary 166

Научное издание

Плетнева Светлана Александровна

САРКЕЛ И "ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ"

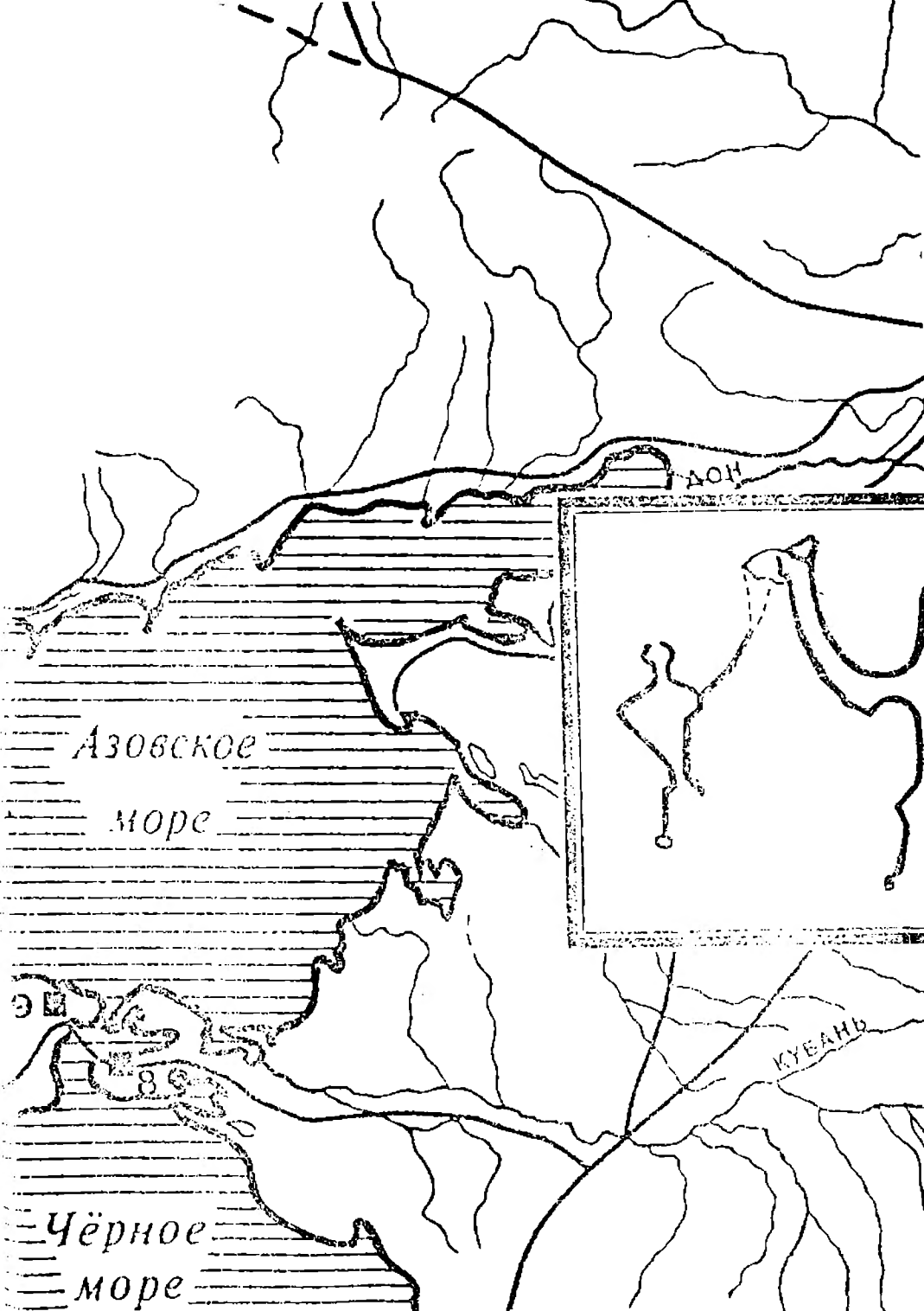
Редактор З.С. Фоменко
Художественный редактор *Л.А. Клочков*
Электронная верстка *О.В. Нагаевой*
Корректоры *Г.И. Старухина, М.Г. Шигрева*

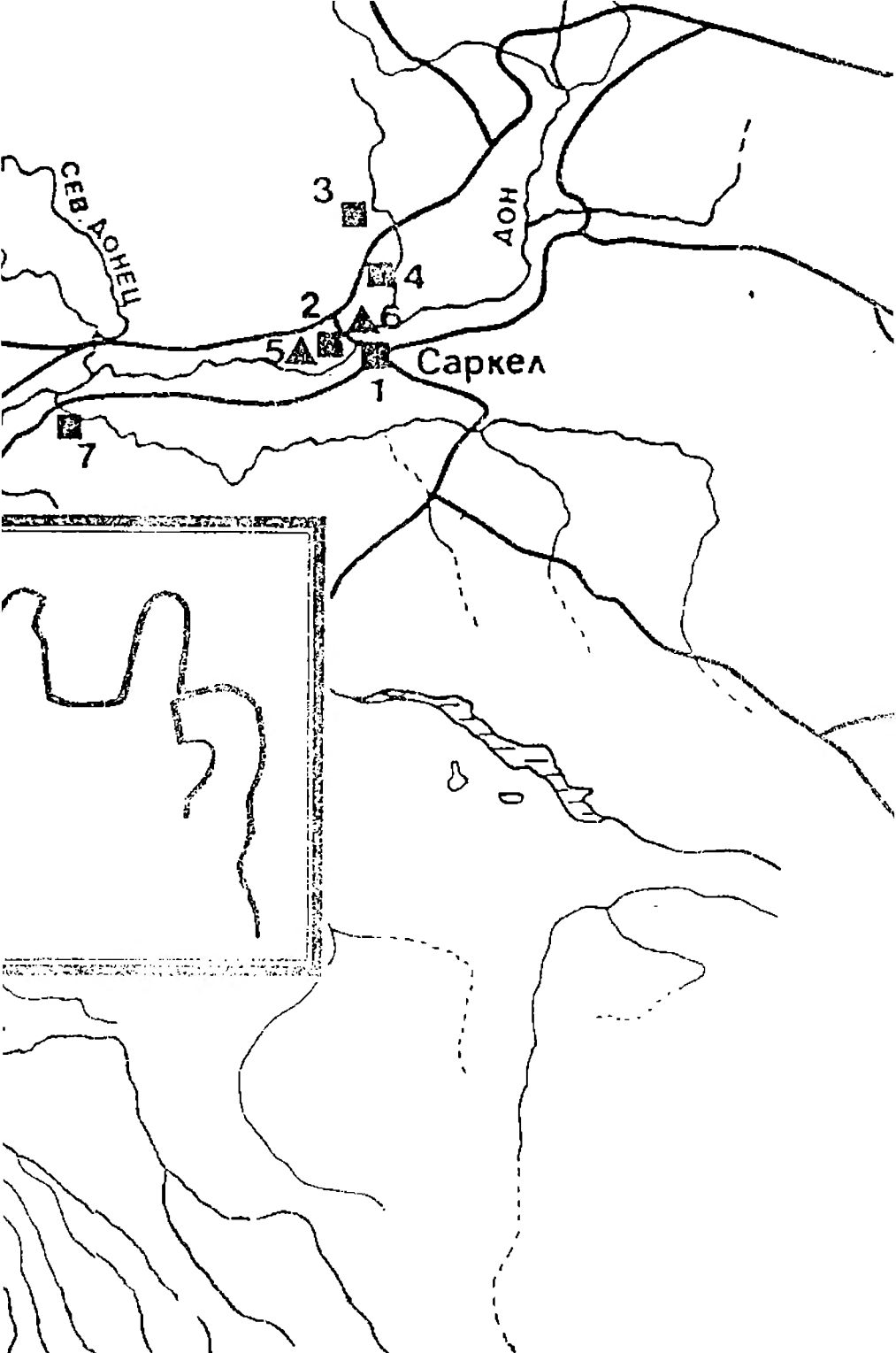
ИБ № 2364
ЛР 040088 от 17.09.91. Подп. в печ. 15.10.96. Форм. бум. 70 x 108/16.
Бумага типографская № 1. Офсетная печать. Усл. п. л. 14,7.
Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 1000. Заказ 1206.

Издательство Воронежского университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Издательско-полиграфическая фирма "Черноземье"
394071 Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73 а

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

страница	строка	напечатано	следует читать
9	2 снизу (под рисунком)	кружки	горшки
22	28 сверху	крутым	крытым
51	8 снизу (подпись под рис.)	жилиза	жилища
91	11 сверху	рис.32.а	рис.32.б
91	22 сверху	рис.32.б	рис.32.а
91	17 снизу	рис.32.б	рис.32.а
128	12 снизу	полом	подом
142	9 сверху	Феофаку	Феофилу
144	25 сверху	Ергений	Ергеней
160	25 снизу	1998 а	1995
160	25 снизу	вып. V	вып. IV
8	8 сверху	1973	1972
166	10 сверху	956	965


ДОН
Азовское
море
КУБАНЬ
Чёрное
море


СЕВ. ДОНЕЦ
ДОН
3
4
2
6
5
Саркел
1
7